

**Благотворительное издание
в пользу жертв
Чернобыльской катастрофы**

Всю свою жизнь поэт Михаил Сопин говорил от имени военного поколения детей - тех, кого сначала калечила война, а потом добивала государственная система. Кто «не дополз, упал, не додышал», кто не должен был выжить... Мы надеемся, что стихи Михаила Сопина будут самым лучшим подарком для всех, кто купил это благотворительное издание книги для оказания помощи жертвам Чернобыльской катастрофы.

ВЫЗОВ СУДЬБЕ

О поэте рассказывает Татьяна Сопина

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1967 году я была принята младшим литературным сотрудником идеологического отдела газеты «Молодая гвардия» Пермского обкома ВЛКСМ. В это же время я переписывалась с заключенным одного из северных пермских лагерей. Иногда он присылал стихи. Тематика обычная для заключенных, но какая выразительность!

Я загнул до срока
Клеверинкой у ржи.
Черный во поле колос,
Меня удержит...

Весной 1968 года наш редактор ушел в отпуск, заместителем назначили сотрудника, к которому я могла обратиться с просьбой. Я попросила дать мне неделю «без содержания», чтобы выехать на север и увидеть автора необычных стихов, на что временный начальник ответил:

- Зачем без содержания? Я тебе подпишу командировку.
- Но это - лагерь. Маловероятно, что будет материал для газеты.
- И не надо. Этот материал у тебя «не получится». Может же что-то у журналиста не получиться!

Так я выехала по командировке на поселение Глубинное Чердынского района, что имело многозначительные последствия.

Роковым оказалось слово «командировка». Дело в том, что как только началась зона, с меня не спускали глаз, приставляли охрану, рассказывая, какие ужасы могут приключиться: изнасилуют, убьют и прочее. Когда я, наконец, добралась до Глубинного, поселили в гостевой административной комнате, а автора стихов Михаила Сопина привели под конвоем.

Охранник ходил за нами по пятам до вечера. Но он был обыкновенным призывником. Михаил отозвал его в сторону, тихо побеседовал. Может быть, солдату даже стало стыдно... И он оставил нас в покое.

Когда мы остались вдвоем, Миша сказал:

- Они боялись выпустить тебя из поля зрения не потому, что опасно. И конвой здесь не положен – это же не лагерь, а поселение. Они не за тебя, а ТЕБЯ боятся как представителя прессы. Вдруг увидишь то, что НЕ НАДО ИМ... Тут у нас много чего можно увидеть и узнать. Тебе надо приезжать просто как женщина к мужчине, и тогда всем будет все равно.

Впоследствии я так и делала. Когда у Михаила закончился срок, мы поженились. Рассказывать о нравах тех мест можно много, но сегодня речь о стихах.

ЖЕЛТЫЕ ТЕТРАДИ

Первые тетради со стихами не сохранились: зная, что отберут перед отправкой на этап, автор их сжигал. На поселении писать не запрещалось, но тетради могли быть украдены, погибнуть при пьяной казарменной драке...

Когда мы познакомились, Михаилу было 37 лет. Писал он в общих тетрадях в клеточку, и первое, что попросил:

- Увези отсюда мои тетради.

Впоследствии пересылал их по почте.

Я начала разбираться и поняла, насколько это трудно. Бисерный почерк в каждую строку, карандашный текст на пожелтевших страницах местами полустерся. Величайшая экономия бумаги - на одной странице по два столбика. Только в одном месте я нашла несколько страниц дневниковых записей в прозе, но тут же все обрывалось. Было очевидно, что автору этот стиль самовыражения не близок.

По структуре стихи казались похожими: длинное «разгонное» начало, и вдруг (обычно концовка) - поражающее. Как будто автор долго пробирался через дебри, чтобы уяснить для самого себя какой-то очень важный смысл... Со временем я поняла: чтобы выявить, стоящее ли это стихотворение, надо сразу заглянуть в конец. Но иногда хотелось задержаться на строчках и посередине:

Я хотел бы забыться
От всего и от всех,
Я хотел бы забыться
В березняк, словно снег...

На моих глазах он очень быстро рос профессионально. Что для меня несомненно - лагерные тетради заслуживают отдельного издания. И такая попытка была предпринята еще в Перми. Михаил был еще в заключении, когда я сделала выписки удачных стихов и строчек - получился выразительный сборник с неповторимым лицом.

В свернутом виде здесь были почти все основные мотивы последующего творчества Сопина («А около - тенью саженой былое, как пес на цепи», «Тысячелетья стих мой на колени ни перед кем не встанет, словно раб...»). Прорывается и такое: «...На душу всей страны России мой путь упреком горьким упадет». Но это именно лишь УПРЕК, до обвинительной позиции еще далеко. В эти и несколько последующих лет ему будет ближе Рубцовское: «Россия, Русь! Храни себя, храни...», присягание Родине в верности, объяснение ей в любви.

В сохранившихся тетрадях подъем приходится на конец 1968 года. Это был какой-то взрыв творческих удач, стихи текут на едином дыхании, ярко, на высокой нравственной и эмоциональной волне. Знаю читателей, которые этот цикл по искренности и напряженности считают лучшим в творчестве Михаила Сопина. Так ставить вопрос - что лучше? - неверное, нельзя. Поэт был в поиске всю жизнь, и в каждый творческий период были свои удачи. А понять его можно только прожив - мысленно - вместе с ним его жизнь.

Конечно, о публикациях мы и не мечтали, но знакомый физик сделал ксерокопии, и они ходили по рукам.

Остановимся только на одном стихотворении – «Не сказывай, не сказывай...» Поражает звукопись, музыкальность (внутренняя рифма почти по всей строке), четкий ритмический рисунок. Аллитерация: **ст, ск**, внутри стихотворения словно что-то постоянно стучит – и только в конце понимаешь, что это «дом колотит ставнями». Напомним, что у автора за плечами – всего десять классов заочной лагерной школы.

Читаем:

«Не **сказ**вый, не **сказ**ывай...»

«...Печаль ЮГоЮ Газовой ГлаЗА ЗАпеленала...»,

Про[**с**тая ли], про[**с**тая ли]

Твоя кручина разве,

Когда слезинки [**с**таяли]...»

«Весь свет по**СТЫЛ** и [**СТАЛ** не мил]» -

и после всего этого распева - смысловая концовка, как удар:

«И дом колотит **с**тавнями, как по щекам ладони».

(Миша очень любил редкое и красивое слово "юга" . Когда я спросила его - что это, он пояснил: что-то вроде степного марева. Потом я к этому слову привыкла, и оно перестало смущать. Сопин был из тех мест, где украинский и русский языки имеют одинаковое хождение. Вот как переводится это слово на русский язык в украинско-русском словаре под редакцией В.С. Ильина: "Юга (ударение на последнем слоге) - сухой туман, мгла, марево"... У Владимира Даля: "...состоянье воздуха в знойное лето, в засуху, когда небо красно, солнце тускло, без лучей, и стоит сухой туман, как дым...").

Стихотворения того периода «Родные плачущие вербы...», «Не заблудился я...», «Вода, вода...» вошли в сборник «Предвестный свет», цитировались в газетах. А их могло быть гораздо больше! – если бы не предвзятое отношение к автору-заключенному.

Я ТЕБЕ НЕ ПИСАЛ...

Я тебе не писал,
Что меня посещают виденья,
Временами зовет меня кто-то,
Кричит, кричит...
То вдруг чья-то рука
На виду у честного народа
Меня разденет,
То я вижу себя в жизни,
Как в язычке горящей свечи.
Тает воск.
Опускается пламя ниже.
И качает меня,
Как в сосуде огонь.
Лижет ноги, грудь,
Сердце,
Душу лижет.
А вокруг -
Карнавал ночей и снегов...
Я вскакиваю.

Под ложечкой тает смуты льдина.
Усталые веки -
Как ставни избы нежилой.
Разум, о разум,
Что со мной?
Помоги, мой спаситель единый.
Эти мгновенья -
Ножик под горло,
Так тяжело мне от них,
Так тяжело.
Я пробовал пить...
Но это - то же,
Что ветер пьет воду по лужам:
Поднял, осушил
И, качаясь, пошел по степи.
Но жизнь - не степь,
И идти, качаясь по ней,
Это в сто тысяч раз хуже,
Чем себя одурачить,
Оглушить, ослепить.
Проснешься опять.
И куда ж его денешь?
Кричит оно,
Что ты разбит
И распаян.
И тогда,
Как в смерти...
Не хочется пробужденья.
Хочется спать вечно,
Никогда не просыпаясь.

* * *

Есть в душе моей такая рана -
Может, много, жизнь, еще шагнем -
Только знаю: поздно или рано
Полыхнет, как в полночи огнем.
И сгорит - без углей и без пепла,
Без сифонов и без кочерег,
То, что столько лет и жгло, и крепло,
То, что столько в жизни я берег:
И любовь, и горечь, и обманы,
Колос чувств и долгий голод в нем...
Есть в душе моей такая рана,
Что когда-то полыхнет огнем.

* * *

Все, что было моим – не мое.
Сердце тянет к теплу, словно птицу.
Память крыльями в проруби бьет
И не может за край уцепиться...

* * *

Бушует снег, шумит хвоя.
И сквозь буран и отдаленье
Неясный голос слышу я -
То ли борьбы, то ли моления.
Не то... в смешенье буйных сил,
В их дисгармонии и дрожи
Я вдруг в сознаньи воскресил
Весь цикл замкнувшийся,
Что прожил,
От мнимых взлетов до крушений,
Что вижу нынче свысока...
И только не найду решений -
Куда идти и что искать,
Где каждый миг судьбы оплачен
За боль других и за свою.
О чем же снег и ветер плачут,
Или о чем они поют?
Хочу бежать, а буря воеет,
И некто с нею грозен, дик,
Моею машет головою,
К распятью тело пригвоздив.

* * *

Не рассказывай, не рассказывай
О горечи финала.
Метель югою газовой
Глаза запеленала.
Простая ли,
Простая ли
Твоя кручина разве,
Когда слезинки стояли
И покатила наземь?
Весь свет постыл
И стал не мил,
Больное сердце донял,
И дом колотит ставнями,
Как по щекам ладони.

* * *

И великий живет,
Как и мы.
Может, синего больше на веках.
Каждый чем-то захвачен,
Закручен.
Не крикнешь: «Куда ж это вы?!»
А из нас-то уже
Кто-то движется знаменьем века
По дождливым бульварам
Один
Среди многих живых.
А навстречу –

Вечерний туман,
Неурядицы и недостатки.
Немигающе
Смотрят на нас
Фары бегущих машин.
Разве кто-то поймет,
Что капают жизни остатки,
В вечность капают тихо
Из треснувшей чьей-то души?
Вытекают пейзажи,
Мосты, переулки, соборы,
Вытекают глаза
И улыбки, накопленные за года...
Вплоть до детства,
До черного неба над стонущим бором –
Все уходит, чтоб больше
Не думать о нем, не гадать.
Словно тени теней,
Проплывают в толпе многоликой
Непонятные судьбы,
Которых нельзя повернуть.
В тишине, в тишине,
В тишине умирает великий,
Чтобы смертью своей
У столетий отнять тишину.

* * *

Передо мною –
В сизых лозах пень...
А за полоской лоз – как море – озимь.
И так мне радостно,
Что хочется запеть,
Но вместо песен
Выступают слезы.
Вот, торопясь,
Бежит куда-то жук.
Ага, он в дом,
И не стучится в двери.
А я гляжу на все, гляжу, гляжу,
И в горле сохнет,
И глазам не верю.
Я болен, околдован, глухо пьян?
О нет!
И я даю разгадку тайне:
Передо мною – родина моя
Вновь рождена
За столько лет скитаний.

* * *

Своим,
Земным,
Живым поющим братьям
Я улыбнусь
Незрячей болью слез...

* * *

...Ругай меня, люби меня,
Превозноси,
Низвергни в бездну,
Пока я искоркой огня
В безбрежьи мира не исчезну.
Пока судьба моя – не «были»...
И сердце бьет еще рывками.
И музыка души - не пыль,
Спластавшаяся в мёртвый камень.

* * *

Не заблудился я,
Но все же позаукай.
Я не замерз,
Но не гаси огня.
Я не ослеп,
Но протяни мне руку.
Я не ослаб,
Но пожалей меня.

* * *

Вода, вода...
Гляжу в тебя,
Гляжу до головокруженья,
И забываю счет годам
От сопричастности к движенью.
Как будто я тебе сродни,
Но до поры очеловечен.
Как будто бы я сам родник,
Из этой вечности возник,
По ней иду,
И путь мой вечен.

* * *

Родные плачущие вербы!
Глухое дальнее село!
Я б не любил тебя, наверно,
Так обреченно,
Так светло,
Когда б над каждым
Черным знаком
Не убивался сердцем я,
Когда бы сам с тобой не плакал,
Отчизна светлая моя!

ЖУРАВУШКА

Конец семидесятых - пожалуй, самый тяжелый период в мирной жизни. Иллюзии о душевном равновесии на свободе рассеялись. Средства на жизнь давала работа слесарем-сантехником (кстати, Михаил был хорошим слесарем), но на одном месте подолгу не задерживался. Контакт с коллективом всегда превращался в пьянку с просаживанием и без того нищенской зарплаты. Стремился найти местечко в котельной с круглосуточными и ночными дежурствами. Впрочем, случайные «друзья» и богема быстро обнаруживали эти «уютные местечки»...

(На сайте «Стихи.Ру.» Михаила Николаевича иногда называли профессиональным поэтом. Если иметь в виду Союз писателей СССР (России) - да, он был принят в него в 60 лет. Но средств к существованию эта профессия не давала никогда. Гонорары за сборники стихов получал трижды: первый мы проели, на второй купили сыну виолончель, в третий раз деньги пропали при гайдаровской реформе.)

...Стихи не печатали, полагаю, по нескольким причинам.

Одна из них - непроходная тематика. В то время у всех на слуху был Владимир Высоцкий, люди ходили с гитарами. Миша тоже пел под семиструнную гитару (природная украинская музыкальность), но свое:

Не кипит, не бьется в берега
Черная река судьбы зловещая.
От кого мне было так завещано -
За одну две жизни прошагать?
Белый пар скользит по валунам,
Как дыхание трудное, неровное.
Памяти моей лицо бескровное -
На лету замерзшая волна.
И с тех пор за криками пурги
Слышу, если вслушиваюсь пристально,
Лай собачий и глухие выстрелы,
И хрипящий шепот: «Помоги!..»

(Последние две строки он выговаривал с напором, подчеркивая каждое слово, а «Помоги!..» - глухо, с угасанием, потом - долгая пауза.)

Богема слушала, опрокидывала стаканы:

- Миша, но ведь это - тюрьма.

В Перми уже определились свои кумиры, своя поэтическая школа. Михаил писал в другой манере. Он был «не свой». К тому же, его боялись: вчерашний уголовник, непредсказуемый и непонятный.

Была и внутренняя, достаточно глубокая причина. Когда муж уехал в Вологду, я стала разбирать рукописи и поняла, что цельную книгу по требованиям того времени сделать не из чего. Тюремное – нельзя. Новое... почти все требует доработки. Я сложила рукописи в бумажные мешки и перевезла в Вологду. В новой двухкомнатной «хрущевке-пенале» хранить их было негде, пришлось отнести в подвал. Однажды нашу сарайку разграбили, мешки разворотили, листы разлетелись по подвалу...

Кое-что помню наизусть. Было длинное стихотворение... полностью его не восстановить. Но вот эти строчки, смеясь, мы повторяли очень часто:

А котята: «Мяу!»
А котята: «Мяса!»
Кончен, кончен мясоед
Для кошачьих классов.
Нынче крысы ходят -
Шась, шась, шась!
Нынче крысы в моде,
Нынче крысам всласть...

Это был период дефицита. Наш трехлетний сын очень любил мясо, а его не было. Я говорила, что посажу Петю на ступеньки у обкома партии, научу кричать погромче «Мяса!», а сама спрячусь рядышком в кустах.

Еще была песня в народном стиле, мы мечтали, чтобы ее исполнила Людмила Зыкина. Песня мне очень нравилась, но мы потеряли текст. Я помнила обрывки, стала просить Мишу восстановить. Не смог... Написал другое - по-своему хорошо, но я хотела «то». Так и думали, что не найдется никогда... Вдруг в ворохе рукописей мелькнул старый листочек! И теперь можно привести первоначальный текст полностью:

Пришла осенняя прохлада
Дорожкой белой под уклон
В мою единственную радость -
Так запоздавшее тепло.
Зачем-зачем легли туманы?
Зачем несбывшиеся сны?
Калина - горькая, как память,
Дожди, как слезы, солоны.
Зачем осиновые листья
Качнул багровый ураган?
Зачем ты, иней серебристый,
Упал на дальние луга?
Переключаясь с облаками,
Шумят снегов перепела!
Калина - горькая, как память,
Метелью белой зацвела.

...А тогда, четверть века назад, Миша пришел выпивший, с этой только что сочиненной песней, пел ее и упрямил меня подобрать мелодию на пианино, а я не умела... тыкал по клавишам одним пальцем и плакал. Стал просить подыграть старшего сына, который учился во втором классе музыкальной школы, но тот тоже был беспомощен. Я потом серьезно поговорила с Глебом, чтобы старался получше учиться, потому что у папы хорошие стихи и песни, он сам записывать ноты не умеет, а кроме нас ему помогать некому.

Некоторые стихи были политически не безобидными, и когда на смену Брежневу пришел Андропов, Миша очень перепугался и хотел бежать в лес (мы жили у парковой

зоны), немедленно жечь рукописи. Дело было к ночи. Я удерживала его, убеждая: огонь будет виден издалека, задержат - причем, не за политику, а за разжигание костра в неподобающем месте. А заодно и предметом сжигания поинтересуются...

Хотел покончить жизнь самоубийством - наглотался таблеток. Я вызвала «Скорую». Врач спросил о мотиве. «Стихи не печатают». - «Хорошие стихи?» - «Хорошие». Врач больше ничего не сказал.

Когда в очередной раз Михаил получил мощный «отпих» в Пермском отделении Союза писателей, принес домой стихотворение «Журавушки» и плакал.

Мне тогда казалось, что это последнее, что он написал в жизни:

Раньше было - сожгут на костре,
А теперь от пожарниц устали.
И ведется отлов и отстрел
По поющим, отставшим от стаи.
Успокойся, душа, не боли!
В этой жизни случаются миги.
В Красной книге уже журавли.
В Красной книге...
Журавушки в книге.

Миша мечтал связаться с русским зарубежьем, надеясь найти там понимание. Неизвестно, было бы это к лучшему или худшему - но чего не случилось, того не случилось. У нас не было связей.

* * *

Приведенные ниже стихи перед своим отъездом в Вологду Миша оставил мне на память, частично записанные в виде песен на магнитофонную ленту. Все было смутно... Я даже была готова к тому, что Михаил не вернется вообще. Часто слушала эту запись в одиночестве. Но детям тоже нравилось, особенно старшему сыну - ему уже было 12. Однако запись была очень некачественной. Потом магнитофоны устарели...

Запись считалась утерянной. Уже после смерти Михаила я разыскала старую бабину. На областном радио с помощью компьютера ее почистили, перевели на кассету и диск. Теперь можно слышать голос автора, его бардовское исполнение.

* * *

У стенок, в воронках,
Во рвах, на холмах, у рябинки -
По отчету краю
Без вас не отыщешь версты:
Могила забвенья,
Фанерные звездочки, бирки,
Крест-накрест березы
Да русские в поле кресты.
Я ветры прошу,
Ребятишкам шепчу:
«Осторожно
Касайтесь камней,
Чернобокой ракиты и трав.
Здесь - думы страны,
Без чего вам прожить невозможно...»
Взывающий к миру,
Глаза застилает мне прах,

Проходит сквозь ставни,
Влетает в холодные сенцы.
Разбиться-забиться,
Не выкричать
Лиха в стихах.
Так свято, так тяжело,
Отчизна,
Не знаю - как сердце
Не ахнет фугасом,
Вобрав свою боль
И впитав.

* * *

Над страну пустых колоколен,
Когда выстунут в поле сычи,
Руки выпластав
В аспидном поле,
Безответно душа прокричит.
Тишина. Пролетает зарница.
Глухота. Дольный ветер утих.
Может быть, это давнее снится -
Вижу сам себя в минном пути?
Зной донской по траншейным уступам?
Что ж, оставим потери свои.
Мы за всех бесконечно преступны,
Кто сорвется,
Сойдет с колеи,
Кто - без принципа,
Кто - по уставу.
Жизнь моя,
Окликай их вослед,
Убеждай,
Что еще не устала
Жить и верить
На этой земле.

* * *

Все иду,
Как маленький,
По степи бездонной,
Будто меня маменька
Прогнала из дома.
И летят без жалости,
Бьют дожди навывлет
За мои ли шалости,
За грехи мои ли.
По глазам - тяжелый дым
Стылого застолья.
Для потерь и для беды -
Полное раздолье.
Не дорога, маета.
Моросно-туманно.

Если, мама, что не так -
Ты прости мне, мама...
Будто только лишь для нас
Не к дороге обувь.
Декабрем легла весна.
Травы - под сугробы.
Через поле -
Лунный след.
Все ли в жизни нужно?
Не гаси, родная, свет
В заверети вьюжной.

* * *

От себя голова поседела.
Соучастьем других не дури:
Я б сегодня
Под дулом не сделал,
Что бездумно вчера натворил.
Чьим восторгом шалел,
Словно бредом?
Не своей правотой принимал...
Забывал,
Где ударил, где предал,
Поглупев от чужого ума.
Доброта ли, любовь - показуха!
Глубоко безразличен ко всем.
Потому-то и в глотке не сухо -
То в соленой, то в горькой росе.
Только нет,
Не оглох я от быта.
Мне и мертвому боль суждена.
Кем-то, может,
Но мной не забыта
Ни своя, ни чужая вина.
Где-то мы от родимых и близких
Ради мест призовых отреклись,
И глядят сквозь снега обелиски
С болевой
Напряженностью лиц.

* * *

Вперед, моей жизни лошадка,
Так стыло, так тягостно тут.
Мне больно, мне горько, мне жалко
Плодящих в сердцах пустоту.
Какие ж вы были смешные!
Вам - первое место в строю.
Ложились снега обложные
В апрельскую душу мою.
Глаза - подо льдами кувшинки,
А в них - серебристая дробь.
К пушинке слетает пушинка,

К сугробу ложится сугроб.

* * *

Вернуться б, вернуться,
Молвы разминировать поле!
Вот хватки! Вот лица!
Куда мне от них... Вот они!
Здесь жаждал я воли!
И вдруг от избыточной воли
Как будто у края
Разверстой завис полыньи.
И вздрогну от мысли,
Что сердце мое на прицеле.
На что опереться?
На чем задержаться, на чем?
У бездны стою.
А считал - у достигнутой цели.
Легчайшего ветра,
Достаточно ветра в плечо.
Как будто я проклят
И загнан насильно на землю,
Так горько, так стыло,
За хлябями хлябь без конца.
Подайте мне чашу,
Налейте мне, недруги, зелья,
Полнее, по-царски,
Настоя на ваших сердцах!

К ЛИКАМ ХРАМОВ БРЕВЕНЧАТЫХ

Мы рассылали стихи по толстым и тонким журналам, но получали стереотипные отказы с дежурным вылавливанием «блох», а также: «К сожалению, редакционный портфель переполнен...» Редким просветом порадовало письмо из Красноярска от Виктора Астафьева. Миша решился послать ему стихи, потому что Астафьев долго жил в Перми. Тогда он еще не был столь знаменит. А вдруг не откажет? И Виктор Петрович ответил на

двух страничках:

«Уважаемый Михаил Николаевич! Стихи ваши очень энергичны по ритму, задиристости по содержанию, хотя порой и сдается мне, что Вы тыритесь на действительность дорогую вроде дворянги, цапнете за штаны и тут же хвостом виляете извинительно. В этом деле - или, или...

Конечно же, на стихах еще лежит печать незрелости, но и самостоятельность проглядывает, вернее, скорее стремление к ней, и во всем чувствуется поэт, т.е. человек, богом отправленный в мир выражать себя и свои чувства посредством стона, а не потому что захотел стать поэтом. Поэт - он невольник, он с рождения обречен и тут ничего не поделаешь никому, даже цензуре, даже внутреннему цензору. Вам, конечно же, надо писать и писать, но поскорее проходить задиристость и так называемые «поэтические находки», т.е. скорее устремляться и достичь естественности самовыражения...

Готовьтесь к трудной доле современного советского поэта. Всем самостоятельно мыслящим людям, и литераторам в частности, живется у нас нелегко. Желаю Вам удачи! Ваш В. Астафьев.»

Астафьев предлагал помощь в публикациях – на Урале и в Москве. Но из журнала «Урал», куда он пообещал переслать стихи, никто не написал. Переписку с Виктором Петровичем мы оборвали сами, рассудив: если человек сказал доброе слово, это еще не значит, что его надо эксплуатировать до упора. Астафьев - не поэт и не издатель. Сибирь – далеко... Однако этой «протянутой в ледоход соломинкой» мы жили и грелись долго.

Однажды Миша сказал:

- Я долго думал, к кому хотел бы обратиться по крупному счету, и нашел два имени: Лев Анненский и Вадим Кожинов. Но Анненский более историк литературы. А Кожинов работает по современности. Я напишу Кожинову.

Мы отобрали восемь-девять стихотворений.

Прошло полгода, а, может, и больше. Мы почти забыли об этом письме - мало ли кто нам не ответил?! И вдруг приходит поэт Витя Болотов:

- Вот, я нашел это в издательстве - валялось среди рукописей. Увидел твое имя и подумал, что, может, тебе пригодится.

Мы взяли листок и обомлели: это была Кожиновская рекомендация к публикации.

Чтобы понять значимость этого факта, надо вспомнить, что означало в семидесятые годы имя Вадима Кожина. Это был литературный бог и бунтарь. Он сделал имя Николая Рубцову. Среди тех, кого он «выводил в люди» - Анатолий Прасолов, Анатолий Жигулин, Николай Тряпкин, Виктор Лапшин... Уже одно упоминание фамилии Кожина рядом с именем неизвестного автора могло считаться сенсацией.

Первая реакция - бурная радость. И... оторопь. Ну и что? Рекомендация САМОГО Кожина полгода валяется в издательстве, и никакой реакции. Можно представить, как «стояла бы на ушах» литературная Пермь, напиши Кожин такое о ком-то другом! Но зачем эта рецензия нам здесь, дома? Повесить на стенку? Хвастаться перед знакомыми? Она была направлена по адресу - издателям.

В начале января 1982 года в редакцию газеты «Молодая гвардия» пришел запрос - выслать на учебу в Высшую комсомольскую школу журналиста. Выбор пал на меня. Я сначала хотела отказаться: много работы, маленькие дети. И чему там научусь? Тем более - на сорок дней...

Но Миша сказал:

- Управимся без тебя. Поезжай. Найди в Москве Кожина и расскажи обо мне.

...В первый раз Вадим Валерьянович назначил мне встречу в Доме архитекторов: он там читал лекцию на вечер памяти Рубцова. Я пришла почти за час до начала, села в первом ряду. Слушала, боясь проронить слово. Потом лектор пригласил посмотреть фильм о Рубцове, и я послушно пошла в кинозал. А когда вспыхнул свет, оказалось, что Кожин давно ушел.

Не буду утомлять длинным рассказом, как я пыталась добиться встречи вторично. Наконец, он сдался - предложил пообщаться в фойе Союза писателей. С первых слов стало понятно: Кожину надо от меня отделаться. Он держал подмышкой стопку исторических книг и вежливо разяснил:

- Я вообще отошел от поэзии, видите - занимаюсь историей.

Я еще что-то говорила о пермской безысходке, об отношении к его рекомендации... Он несколько вальяжно развел руками:

- Ну, если со мной в Перми не считаются, может быть, посчитаются в Вологде. Пусть едет в Вологду. (Так запросто!)

Потом подал мне пальто. Пока я застегнула пуговицы, оглянулась: в фойе уже никого нет. Все мои «героические» усилия кончились ничем.

На следующий день в нашей журналистской в школе на целый день было мероприятие на ВДНХ. Мы сидели врассыпную в большом актовом зале. Одиночное место было выбрать нетрудно: просторные ряды, рассчитанные на массовую аудиторию, полукругом, как в цирке, уходили вверх. Ничего не помню, что на этом занятии происходило... сочиняла и переписывала письмо Кожину. Много чего написала: об украинских дедах, о войне, о тюрьме... Послала без обратного адреса - чтобы не было соблазна проверить, дошло ли.

А когда вернулась в Пермь, муж показал конверт с московским адресом, а в нем вырванный из блокнота миниатюрный листочек, всего несколько фраз: «Дорогой Миша! Мне тоже 50 лет...» Подпис - В. Кожин. Никаких конкретных рекомендаций, но указывался домашний телефон.

В течение месяца, заглядывая в маленькую комнату нашей хрущевки (днем она превращалась в рабочий кабинет), я видела: Михаил подолгу сидит на подоконнике и смотрит на дальний лес. На тот самый тополек, который: «Протяни мне ладонь, тополек...» Мысленно прощался. А потом сказал:

- Я поеду в Вологду.

Решиться на это нам было очень непросто. У меня была хорошая работа, имя в пермской журналистике. Младший сын, десяти лет, подавал надежды в игре на виолончели и его хотели подготовить для выступления с симфоническим оркестром. Его преподаватель и слышать не хотел, чтобы Петя куда-то уезжал!

Миша позвонил по московскому телефону. И услышал:

- Деньги на билет до Вологды есть?

- Найдутся.

В трубке послышались гудки.

...Не раз потом мы будем вспоминать любимое Кожиновское выражение: «Надо сделать усилие». Видимо, это был принцип его собственной жизни. Но и от других требовалось то же. На семейном совете решили, что Миша сначала поедет один - найдет работу. Потом поменяем квартиру.

В Вологде у нас никого не было. Правда, знакомый физик Володя ездил от своего научного института на вологодскую мебельную фабрику «Прогресс» налаживать аппаратуру, с кем-то там познакомился. Но не до такой же степени, чтобы просить постоя для приятеля! Да еще такого... в поведении не предсказуемого. Мы видели, что Володя боится. Но, человек мягкий, не смог отказать! Миша не подвел.

Устроился слесарем на «Прогресс» и при первой возможности перешел жить в рабочее общежитие. А через некоторое время его нашел человек «от Кожина» - сотрудник общества охраны памятников истории и культуры, молодой поэт Михаил Иванович Карачев. Разговорились, понравились друг другу. Ему Миша посвятит стихотворение «Ослепший лебедь», в котором есть такие строчки:

Лики храмов бревенчатых,
Слушайте голос заутрени.
Возвратилась душа моя к вам,
На последний поклон.

(Когда через год мы всей семьей переедем в Вологду, наша квартира будет украшена богатым набором фотографий из фонда общества охраны памятников от Миши Карачева - «Лики храмов бревенчатых»).

....В областной партийной газете «Красный Север» Михаилу сделали подборку стихов. Новым сантехником заинтересовался сам директор фабрики, Герой Социалистического Труда Степанов. Вызвал к себе, спросил о зарплате. Это был, конечно, мизер.

- Небось, если тебе в другом месте дадут на червонец больше, сразу побежишь? – заметил директор.

- Если мне платят на червонец больше, значит, больше уважают мой труд.

Степанов некоторое время шагал по кабинету. Потом сказал:

- Мы шли туда, куда нас пошлют.

- А мы шли туда сами, - парировал сантехник.

Ответ понравился.

- Иди к коменданту общежития, скажи, что я велел найти тебе комнату.

(«Это был властительный самодур, - вспоминал о Степанове муж. – Но, как истинный воспитанник сталинской эпохи, не боялся брать на себя ответственность и слов на ветер не бросал. Умный ничего не сделает там, где поможет вот такой...»)

Комендантом оказался милейший старичок Иван Федосеевич. Они прошли по первому этажу, Миша облюбовал комнату бывшей парикмахерской. Выпили с Иваном Федосеевичем по рюмцу... Теперь Миша жил среди зеркал, один, сам себе хозяин. Это принесло ощущение защищенности. Однодневная работа помогла вжиться в литературный

режим. С оказией мы переправили ему из Перми пишущую машинку. В свободное время гулял вдоль берега реки и смотрел на церкви.

Писал домой шутливые письма: «Избави боже от тоски - ходить в сортир по-воровски!» (В общежитии не работала канализация, и люди бегали в кусты на так называемое Поле дураков - пустырь напротив, где собирались алкоголики.)

* * *

Облака, облака...
Над летящими в хмарь колокольнями
Ветры гонят и гонят
Остатки легенд и былин.
Чем-то вы мою жизнь,
Мою ниву судьбы так напомнили,
Сиротливые церкви
И тучи в бездонной дали.
Чувство вечных утрат,
Непонятно каких опасений,
Разобрать не могу –
На каком языке говорят,
Будто я, проходя,
Упаду в гололедье осеннем,
И прольется навек
Невзначай опрокинутый взгляд.
Мокрый снег полетит
На ресницы
Так грустно, так цепко!
Поплывут облака,
Осенив мой печальный удел.
А над берегом так же
Стоять будет русская церковь,
На которую я,
Проходя по России,
Глядел.

ОСЛЕПШИЙ ЛЕБЕДЬ

Здесь я в детстве летал!
И в нежнейшем раковинном лепете
Есть мой радостный голос.
Так больше теперь не поют.
Злые силы меня
Превратили в ослепшего лебедя
И пустили на волю,
Открыв заповедник-уют.
Крылья волю почуяли,
Если взлетали, вы знаете!
Небо, воля и крылья,
И ветры манили меня.
Ведь глухие сердца
Не сумели лишить меня памяти –
Чем я жил и живу,
Буду жить до последнего дня.

Запах желтых раки.
...За последними, может, метелями,
Там, в суровом краю,
Если слышишь меня,
Ты поймешь,
Для кого на земле,
Окантованной пихтами-елями,
Пишет тайные знаки,
Шипя по периметру, дождь.
Время желтых раки...
Как мы поздно становимся мудрыми,
Так нелепо приветствуя
Мыслей не наших полон.
Лики храмов бревенчатых,
Слушайте голос заутрени:
Возвратилась душа моя
К вам,
На последний поклон.

* * *

Отшумела веселая роща.
По индеви – копать.
В обеззвученной серости
Низко кружат сизари.
Тихий облачный край,
Сколько ж мне еще
Крыльями хлопать,
Чтоб до первой звезды
До своей
Дотянуть, до зари?
Скоро в поле и в рощу
Шарахнется ветер крученный,
На широтах судьбы,
На долготах звеня на крутых.
Шумовые метелицы –
Белые птицы Печоры
Полетят,
Ослепляя глаза поездам Воркуты.
И по улицам
Древним вечерним -
Прохожие редко.
Вологодские храмы
Оденутся в белый наряд.
И пойду я один
На вокзал,
На восточную ветку,
Пассажирский встречать,
Проходящий «Свердловск-Ленинград».
Знаю точно:
Не встречу ни друга в окне,
Ни соседа.
Растерялись, разъехались...

Мало ли –
Лет пятьдесят.
И назад побреду,
Воротник приподняв,
Непоседа.
Все никак не доеду домой,
По стране колеся.

* * *

Плачу я, что ли,
Листою осеннюю наземь...
Что-то привиделось,
Что-то припомнилось мне...
Поле ты, поле,
Единственный свет мой
И праздник!
Тени дождей,
Отраженные в давнем окне.
К ним припаду,
Чтобы памятью
Здесь отогреться.
И загудят
Мне в зеленых полях
Поезда!
И зазвонят
Проржавевшие
Старые рельсы,
Что заросли
И теперь не ведут никуда...

* * *

Все прозрачнее
Верб купола.
Что-то рвется во мне,
Что-то ропщет.
Может, юность
Внезапно взошла,
Словно месяц
Над дальнею рощей?
Кто ты? Где?
Отзовись... Не молчи.
Здесь душа
Что-то ищет незряче:
То ли кто-то
Забывший
Кричит,
То ли кто-то,
Отвергнутый,
Плачет.

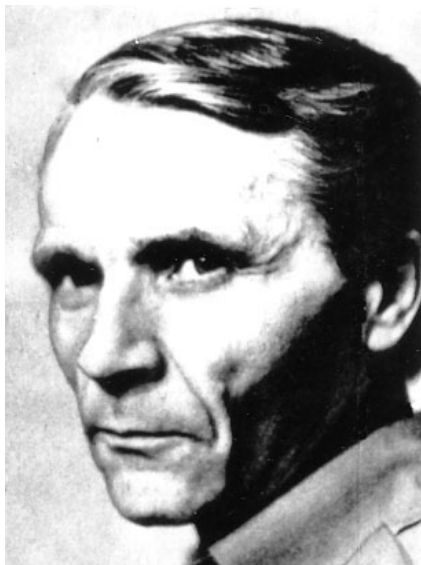
* * *

- Душа моя,
О чем жалеть?
Так много здесь
Прошло бесследно –
На этой горестной земле,
На рубеже моем последнем...
- О том,
Что билось и рвалось,
О том, что плакало и пело,
О жизни,
Что любил до слез
Так тяжело и неумело.

* * *

Дни мои
Давние,
Словно под сердцем
Осколки.
Гляну в былое:
Как трудно
Прожил на земле!
Что-то забылось...
И все-таки
В памяти столько,
Что для другого
Хватило б
На тысячу лет.
Прежде,
Чем стану землей,
Поклонюсь троекратно
Отчему полю,
К которому
Болью приник.
Ты не поток,
Уходящий в меня
Безвозвратно, -
Входишь,
Навек превращаясь
В горячий родник.
Мир мой осенний,
Отрада моя и спасенье,
Видишь –
Над лугом
Над бывшим
Туманный платок...
Мир мой осенний,
Надежды моей воскресенье,
Не обдели меня
Поздней твоей теплотой.

ПРЕДВЕСТНЫЙ СВЕТ

«Предвестный свет». Казалось бы, что особенного в этом сочетании? А между тем, из-за этого названия поэтического сборника в 1985 году редактор Северо-Западного книжного издательства (г. Архангельск) Елена Шамильевна Галимова попала в больницу.

Появление Михаила Николаевича литературная Вологда восприняла благожелательно, что пермяков удивило. Еще когда мы готовились к переезду, друзья качали головами:

- Пробыться трудно везде. Но если в других городах могут появиться хоть какие-то возможности, то Вологда - нулевой номер. Там писатели стоят плотной стенкой и «чужих» не пропускают.

Чужих! Но Миша появился по рекомендации самого непрекаемого в этих краях авторитета. (Там он услышал обиходное в этих местах название Союза писателей - «Союзпис». «Союз... как?» - с

интересом переспросил он.)

Его начали печатать местные газеты: «Вологодский комсомолец», «Красный Север». В 1985 году готовилось празднование 40-летия со Дня Победы. Особо патриотично настроенной публики среди пишущей братии не было, и странным образом на эту роль неплохо смотрелся Михаил. Тема Родины у него звучала очень искренне. В нем пробудился маленький солдат сорок первого года, уста которого были зашиты не одно десятилетие, и вот теперь он с каждым стихотворением все ярче обретал собственный голос!

... Тема войны глазами детей в то время в советском искусстве была уже достаточно развита. Наиболее ярко это проявилось в кинематографии, вершинами можно считать фильмы Андрея Тарковского «Иваново детство» и Элема Климова «Иди и смотри». Не будем сравнивать начинающего поэта со знаменитыми режиссерами по выразительности и мастерству, но интересно, что он начинает там, где они завершили. Ни у Тарковского, ни у Климова не звучит то, о чем Сопин говорит в стихотворении «Ветераны»: «Опасны не раны, а сердца поразившая ложь!»

Конечно, все это еще достаточно декларативно, скорее заявка. Но пройдет совсем немного времени, и тема станет едва ли не главной.

Перестройкой в обществе еще и не пахнет, а в стихотворении «Октябрь. Воскресный день...» («Предвестный свет», 1985 г.) читаем:

То в пламень чувств,
То в стылый веря разум,
Юродствуя,
Сметая алтари,
Стремясь со злом —
В себе! —
Покончить разом,

Мы столько бед
Успели натворить.
Там же, «Боль безязыкой не была...»:
...Я сам творил тот суд посильно,
Чтоб смертный приговор отцу
Не подписать рукою сына.

Официальное общество еще полно самодовольства. Даже мыслящая интеллигенция, собирающаяся на кухнях, видит в своем противостоянии официозу нечто героическое. А Сопин уже без иллюзий:

«... Гляну в зеркало. Вздрогну. И сам от себя отшатнусь».

(Хочется высказать замечание относительно его манеры «рваной строки». Многих она приводила в недоумение, мне самой частенько хотелось «ужать». К тому есть и чисто практические соображения: рваная строка занимает слишком много места на странице, а за все надо платить. Но Миша категорически не соглашался. Он очень большое значение придавал каждому акцентному слову, даже местоимению, вынося их в столбик. Получалось как бы биение пульса.)

...Кожинов переслал свою рекомендацию, адресованную Пермскому книжному издательству, в Архангельск. Сделал несколько поправок (убрал выпады против известных мастеров), а в остальном сгодилось. Вторую рекомендацию дал секретарь Вологодского отделения Союза писателей В.А.Оботуров.

Назначили редактора – Елену Шамильевну Галимову. Это можно было считать счастьем: попасть к специалисту, который так тонко чувствовал бы русское слово! Ее профессия была наследственной – отец прославился как исследователь-собираатель поморского фольклора.

Впоследствии она скажет Михаилу: «Ваша книжка была для меня редкостью и радостью. Не помню уже, сколько лет не работала с таким удовольствием». Другой сотрудник издательства заметил: «Эту книжку можно разорвать по листочкам и раскидать по разным рукописям, а потом собрать и безошибочно назвать автора».

Но работа потребовалась большая. Сроки «под юбилей» дали сжатые – два месяца, а рукопись была пухлой. Почти каждое стихотворение возвращалось с почеркушками, восклицаниями-вопросами, плюсами-минусами, замечаниями типа: «А м.б., (может быть) лучше так?» И неоднократно! Долго бились над стихотворением «Ударю в ладони и вздрогну!» Елена Шамильевна считала его для рукописи принципиально важным, а автор никак не мог довести до требуемой кондиции.

Отрубив смену по слесарной профессии, Миша залегал на диван в дальней комнате нашей, уже вологодской «хрущевки», закрывал дверь и заполнял пространство табачным дымом. Иногда это продолжалось далеко за полночь. Мы с детьми оставались в ближней: я на диване, один сын на раскладушке, другой на полу...

Миша вспоминает, что жил тогда «на разрыве». К нему еще никогда не предъявляли сразу столько требований. Очень хотелось, чтобы книжка вышла, и было ощущение опасности, что рукопись изменится к худшему. Понимал, что она слишком велика по объему, и было всего жалко. Признавался: когда редактор приняла работу, почувствовал себя настолько измученным, что «сил хватило только на то, чтобы выдохнуть воздух, а скажи, что надо переделать еще раз – рухну и не встану».

Однако сотворчество с Галимовой оказалось на пользу. Пошли новые добротные стихи: «Снега и синицы...», «Все прозрачнее верб купола...», «Дни мои давние...», «Если выйти в поле...», на фоне их стало терпимее расставаться с более слабым. В то же время другие стихи урезались, и не всегда понятно, почему. Так, от «Узкоколейки» был отрезан

«хвост», Миша очень об этом жалел. В стихотворении «Плывет метель над крышей» словосочетание «стоит еврей-скрипач» заменили на «стареющий скрипач» (про евреев писать не полагалось). Вместо «Роковая звезда бездорожья» стало «Ни огня. Лишь звезда бездорожья...» (Вместо напевности - спотыканье). Но разве могло быть в нашей бурной жизнерадостной жизни что-то роковым!

Впоследствии мы узнали, что Елена Шамильевна была не при чем. Она сама попала с этим сборником «в переплет». Заставляя Мишу работать, перед своим начальством отстаивала то, что считала важным. Не всегда это было возможным. Потом она говорила: даже то, что в конечном счете вышло, можно считать прорывом.

Неожиданным препятствием к публикации стало название сборника. Миша назвал его «Предвестный свет», что привело начальство Галимовой в замешательство. Какой может быть предвестный свет, когда и так светло? Это что еще за намеки? Какие следует ожидать вести? Но тут Миша уперся. Он стал объяснять по телефону, что это всего-навсего означает свет грядущей Победы для мальчика сорок первого года. Там и строчки в стихотворении («1941») есть: «То знаменье ли, знамя? Предвестный свет грядущего огня...» Объяснение было признано убедительным, и название оставили.

(К сожалению, Галимова была первым и последним редактором, которого Миша вспоминал с глубокой благодарностью: «Вечно стою перед ней на коленях».)

А для него самого выход поэтического сборника имел еще одно важное значение: он перестал «укрываться» от собственных сыновей. Раньше мы с ним не говорили детям о прошлом отца, боялись. Ведь они - воспитанники советской школы, и у них могло возникнуть чувство неполноценности, если рядом с именем отца будет «тюрьма, лагерь». Но вот лежит книжка тиражом в пять тысяч экземпляров, на ней напечатано: Михаил Сопин, и теперь он, состоявшийся поэт, имеет право не стыдиться судьбы, высказывать мнение, каким бы непривычным и парадоксальным оно ни казалось!

* * *

Ударю в ладони –
И вздрогну:
Какой я счастливый!
Цветет и шумит
То, что будет
Войной сожжено.
Ударю в ладони –
Обвалится иной,
Как ливень.
С годами – все тише.
Потом перейдет в обложной.
Забывшее вспомню:
Деревню,
Ребят и салазки!..
Лежанка гудит.
И сижу я –
Ладони к огню.
Заплачу от счастья,
Придумаю нежность и ласку,
Как был я любим,
Проходя по земле,
Сочию.

Когда от печали –
Ни света,
Ни слов,
Ни спасенья,
Как будто ты загнан
На речку,
На тоненький лед –
Мне радует сердце
Беседа со степью осенней.
Зажмурюсь – и тут же
Над памятью
Солнце встает.

* * *

Снега и синицы!
Живут же –
Такими невинными!
Раскинула черный
Судьба надо мной парашют.
Мне снится – не снится
В полночь
Луна над овинами.
И я на коленях
О чем-то
Кого-то прошу...
Снега и синицы!
Живут же –
Такими беспечными!
Прости меня,
Кто-то,
Не знаю, за что -
Но прости...
И дальше иду
По годам
И с годами заплочными:
Не знал я, не ведал,
Что память
Так тяжело нести.
Снега и синицы!
Живут же - такими веселыми!
А я прохожу
По размытой зыбучести дня.
И яростно мерзну,
Шагая горящими селами,
И память
Из прошлого
Не отпускает меня...

* * *

Боль безязыкой не была.
Умеющему слышать – проще:
Когда молчат колокола,
Я слышу звон
Осенней рощи.
Я помню –
В зареве костра
Гортанные чужие речи,
Что миром будет
Править страх,
Сердца и души искалечив.
Так будет длиться –
К году год,
Чтоб сердце праведное
Сжалось.
Любовь
Навечно отомрет
И предрассудком
Станет жалость...
Но дух мой верил
В высший суд!
Я сам творил
Тот суд посильно,
Чтоб смертный
Приговор отцу
Не подписать
Рукою сына.

ЛОСЬ

Вспыхнет выстрел.
Стает дым зыбучий.
Заскольжу я,
Будто бы по льду.
Закружусь
Отчаянно и жгуче
И к земле
Печальной припаду.
Припаду теперь
Уже навеки,
Вечность
Сердцем
Ощувив в ночи,
Как снежок
Опустится на веки,
Птица-ворон
Где-то прокричит.
И заплачу.
Горлом перебитым
Прохриплю
В нетленный

Свет небес
О душе,
Сорвавшейся с орбиты,
В первый раз
О жизни
И себе.

* * *

Лунно. Просветленно.
Тучи дальние.
Вечер тих.
Посвети,
Вечерняя звезда моя,
Посвети.
Через вьюги,
Через поле льдистое
Посвети мне, Русь.
Я приду к тебе,
Одной-единственной,
Сердцем отзовусь.

* * *

Октябрь. Воскресный день.
Воронья стая.
Ну что, душа,
Что стало нам ясней?
Как много вьюг
Легло в судьбу,
Не тая.
И снова – снег.
Октябрьский. Первый снег.
То в пламень чувств,
То в стылый веря разум,
Юродствуя,
Сметая алтари,
Стремясь со злом –
В себе! –
Покончить разом,
Мы столько бед
Успели натворить.

* * *

Еще люблю –
Как никогда –
Поля вечерние,
Былинные.
И поезда,
Но поезда
С дымами
Низкими и длинными!
Еще влекут меня
Пути

И перелески золоченые,
И переклички звездных птиц
Над бездной
Белою и черною.
Еще не кончена страда:
Пою.
Дышу.
Касаюсь озими,
Пока не вымыты года
Судьбы моей
Дождями поздними.

ПЛЫВЕТ МЕТЕЛЬ

Плывет метель по крыше.
И пляшут во дворе
Снежинки ребятишек,
Как стайка снегирей.
Фруктовые улыбки!
Потоки слов вразнос!
Лишь ветер –
Словно скрипка,
Охрипшая от слез:
То жалобно, то гулко,
То медленно,
То вскачь...
Как будто в переулке
Стоит еврей-скрипач.
Не тает снег на шляпе
И на воротничке,
И гроздь светлых капель
Застыли на смычке.

* * *

Путь-дорога
Раскатная, санный,
Лихо под гору
Шла до поры...
Все ли отдано
Нежное самое
Беззащитным сердцам детворы?
Сколько помнится,
Сколько не помнится!
Оттого-то и сердцу больней –
Все пронзительней
Свет над околицей,
Чистый свет
Остающихся дней.

* * *

И будет дождь.
И ветер –
Лют, отчаян!
Увижу жизнь –
Как чей-то
Свет в окне.
И навсегда
С былым
Своим прощаясь,
Прошу я тех,
Что не прощали мне.
И будет ночь –
Безбрежная,
Как вечность.
И встану я
У краешка в ночи.
Через обрыв
Печалью человеческой
Мне
Дальний голос
Предков
Прокричит.
Осенней ночью
Тоненькой струною
Порвется жизнь.
Душа моя
Сгорит
И полетит
Над миром и страной
Печальным светом,
Как метеорит.

ТЕМНЫМ БРОДОМ

Стихотворение (или маленькая поэма) было написано в 1987 году, напечатано в 1990. Однако тогда оно не сопровождалось комментарием о дедах, это все равно не опубликовали бы. Мы сделали это впервые в Интернете на сайте «Стихи.Ру» в 2003 году и по откликам читателей увидели, насколько это было необходимо. Произведение сразу стало объемным...

Подлинность в наше время поражает больше, чем даже очень хороший художественный вымысел. Все, что о дедах - правда. Единственное, что можно добавить - таких судеб по родственным линиям было больше, всех доподлинно Михаил в силу возраста и политической обстановки знать не мог.

Наверное, толкований стихотворения «Лунным полем, темным бродом» будет много. Я же хочу сказать только об одной фразе:

Два железных
Мне колечка
Молча на руки надел...

Мне это видится обетом молчания, которое наложили деды, сами того не ведая, на судьбу внука. Восемьдесят с лишним лет о таком в нашей стране было опасно говорить. Только сейчас появляются нетрадиционные толкования мотивов восстания Нестора Махно. А что касается внука...

Вольный ветер.
Сам я волен.
Время сгладило межу...

ЛУННЫМ ПОЛЕМ, ТЕМНЫМ БРОДОМ

*Памяти моих шестерых украинских дедов по
материнской линии*

Афанасия (пропал в первую империалистическую)

Григория и Михаила-старшего – дроздовцев

Никиты – махновца

Петра – деда по прямой линии (в гражданскую – комкор и комиссар, в Великую Отечественную – рядовой; погиб на фронте)

Михаила-младшего (при немцах служил в полиции, ездил на белом коне; был арестован СМЕРШем, но освобожден по указанию из Москвы; впоследствии работал начальником смены на шахте Узловая и был убит при невыясненных обстоятельствах – похоже, сводили счеты).

Пуля - с фронта.
Тыл - немилость.
Жизнь – раковый листок.
Солнце к западу скатилось.
Белый месяц – на восток.
Тучки в небе
Хмарью строгой.
У калитки два коня:
Поджидают в путь-дорогу

Други-недруги меня.
Вьется Ворскла под горою.
Рожь во поле –
К ряду ряд.
О таких, как я, героях,
Тихо в полночь говорят...
Пропадешь, метель залает,
Мужики подтянут в лад:
«Ах, зачем ты,
Доля злая,
До Сибири довела».
Так веками и годами,
Выходя за ветряки,
Вложат в песню
Смысл кандаальный
Про Сибирь,
Про Соловки.
Так и я.
Того же корня:
Долей, кровью, волей – в масть.
Да не вышло мне – покорно
Здесь вот
Намертво упасть.
Черны вороны полями.
Что мне, други, суждено?
За одним столом гуляли,
Пели песни про одно:
Все про дролю да про волю,
Да растреклятую вражду,
Про могилку под травой,
Коль придется на роду.
И пришлось бы...
Где ж напрасно
Льется кровушка ребят:
Кто – за белых,
Кто – за красных,
А все, земляца, за тебя.
Вот и я,
Глухой порою,
Доли злой не сторонясь,
Без призыва стал героем.
Путь – железная стерня.
«Далеко ль, - спросил я, - други?»
Но друзьям не до меня.
Только свистнули подпруги.
Прокатился храп коня...
Старший молвил: «Недалечко!»
Младший в небо поглядел.
Два железных
Мне колечка
Молча на руки надел.
Боль отпустит да нахлынет.

Ни ответа, ни кивка.
Я все полем да полынью.
Други в седлах – по бокам.
Шел я лесом,
Шел я лугом.
Годы – речкою круги.
Где-то там остались други.
Лишь прощались – как враги.
Тучи – небом.
Травы – долом.
Ни ночлегов, ни коней,
Ни товарищей, ни дома
И дороги в память нет.
Вольный ветер.
Сам я волен.
Время сгладило межу.
Темным бродом,
Лунным полем
Путь заветный прохожу.
А за речкой, за рекою,
В милой сердцу стороне –
Полно, можно ли такое?
Сон тяжелый
Снится мне...

* * *

Перед тем,
Как душой надорвусь,
Перед смертью хотя б
Распахни мне,
Отечество,
Двери,
В Дом Свободы,
В Дом Правды,
Распахни,
Я прошу тебя, Русь!
Мне бы только взглянуть...
Тяжело умирать, не поверив.

Я РОЖДАЮСЬ ВОТ ЗДЕСЬ...

Циклы «Я рождаюсь вот здесь...» и «По разломам военной земли» написаны в 1983-87 годах. Циклами они не задумывались. Стихотворения создавались в разные годы, на самом деле их гораздо больше. Подборки составлены мной, чтобы помочь читателю проследить жизненный и творческий путь.

По ним видно, как быстро рос поэт. Стихотворение «Ветераны» относится к 1983 году. Оно эмоционально и искренне, но еще достаточно традиционно, плакатно:

За надежды,
Что были до мая,
За убитых и проклятых нас
Я уже никогда не снимаю
Окровавленных
Дней ордена...

Хотя... стоп! Уже здесь есть строчка, резко нарушающая общепринятое в те годы восприятие итогов войны: «За убитых и проклятых нас...»

Роман Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» был опубликован в начале девяностых годов. Но «Предвестный свет», откуда взято стихотворение «Ветераны», вышел в 1985. Получается, что Астафьев и Сопин, каждый в своем жанре, шли в сходном направлении.

В 1987 году мысль углубляется, а краски сгущаются, становятся мрачнее:

Так народится гриб-гибрид,
Зачатый страхом и пороком.
И мост Истории сгорит,
Края обуглив
Двум дорогам...

Поэт будет заглядывать в Историю не только бесстрашнее и глубже, но и мудрее.

Я по крику,
По хрипу,
По шепоту
Различу своего и врага... —

пишет он о себе - подростке военного поколения. Несколькими годами позже:

На стон своих я отзывался,
Затем услышал крик чужих.

А потом - вообще:

... Бой отгремел.
В подлунном мире
Ни белых, ни большевиков.

Подобно Марине Цветаевой, он любит жизнь прощанием. Он и в жизни все время чувствовал себя на краю, от лирического: «Стою над обрывом. Улыбчиво плачу о чем-то...» - до трагического:

Здесь жаждал я воли!
И вот от немислимои воли
Как будто у края
Разверстой завис полыньи.

И я в семейной жизни часто чувствовала возможность близкой разлуки навсегда... Хорошо зная строчки:

Дай силу, мысль моя, заступница,
На самом смертном в жизни рубеже! (2003 год)

- я открыла изданный двадцатью годами ранее «Предвестный свет» и даже с некоторым удивлением прочитала почти то же самое:

... Так много здесь прошло бесследно
На этой горестной земле,
На рубеже моем последнем...

Ощущение созрело уже тогда и не отпускает, но с годами становятся более выразительными поэтические средства.

И еще одна особенность, которая сопровождает практически все творчество Сопина. Я иногда его спрашивала: «Как ты пишешь?» - «А я вижу то, что пишу. Смотрю и описываю». Но, находясь мысленно в прошлом, он всегда знает, чем все это кончится и дает оценку, как правило, жесткую. Нежность обрывается трагедией:

Гляну в зеркало.
Вздрогну.
И сам от себя отшатнусь...

Он почти всегда смотрит на события с двух точек зрения: из прошлого и настоящего, иногда из будущего. Это делает стихи объемными, рождает стерео-эффект.

Интересно, что в его стихах мало столь любимого всеми пишущими обращения к раннему детству. Это, конечно, не значит, что у маленького Миши не осталось довоенных впечатлений. Но 1941 год дал такой резкий облом, что поэт обозначит другую дату своего рождения:

«Я рождаюсь вот здесь, в сорок первом...»

И самого начала войны в стихах нет. В сорок первом мальчику уже десять лет; наверняка он слушал военные сводки, участвовал в проводах на фронт. И все же для ребенка это пока достаточно абстрактно. Он рассказывал о первом настоящем эмоциональном потрясении: по степи разбегаются кони. Это начинались бомбежки:

Вбирает даль,
Распахнутая настежь,

Безумный бег,
Срывающийся всхлип.
Им несть числа!
Ночной единой масти
Исход коней
С трагической земли...
(«1941»)

И снова появляется двойное зрение:

Я жив еще.
И до конца не знаю,
Как это все
Пройдет через меня.

Мальчик, конечно, не знает - разве что тревожно предчувствует. А автор знает очень много...

В войну, в двенадцать лет, в деревне, были написаны первые стихи, от которых запомнились две строчки:

- Я сидел в хате, что-то читал об Урале, а за окном была метель. И вдруг стало возникать в голове: «А за окном седой февраль орал. А за окном - тайга, метель, Урал...» Это поразительно - через полтора десятка лет меня повезут на тот самый Урал под конвоем, но в сорок втором это было смутное ощущение, от которого появилось желание заплакать словами от страшного дискомфорта души. И от этого желания - к первой мохнорылой попытке...

(Из литературной записи «Речь о реке», 1995 г.)

* * *

Ветряки пламенели
От червонного
Цвета заката.
Мужики собирались
И пели –
До стыни в груди!
Про зозулю-кукушку,
Что летела
Над отчею хатой...
Как лихих запорожцев
Атаман Дорошенко водил...
Пахло осенью терпко.
И возраста не было в теле.
Жизнь была еще вечностью.
Сердце не знало тоски.
Над осенними вербами
Птицы летели,
Летели,
В чистом небе вечером
На степь развернув косяки.
Закачалась земля.
А потом
В тишине
Кто-то просто

«Умираю...» - сказал.
(Я скорее прочел по губам).
Разбегались стада.
Табуны торопились по просу.
Начиналась война.
Счет иной
Открывала судьба.
Пахло гарью и горечью
Поле под Красной Ярутой.
Крестокрылые
Небо взорвали,
Мою тишину.
А потом
Много жизней
Пройду я,
Сомкнув круг за кругом.
Гляну в зеркало.
Вздрогну.
И сам от себя отшатнусь.

ДОЖДЬ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Низкое небо.
Подводы.
Ночь. Непокой. Неуют.
Дождь сорок первого года
Падает в память мою.
Медленно.
Косо.
Отвесно.
Кажется –
Вечность шуршит
Каплями будущих песен
В детское поле души.
Будто бы хочет впечатать
Все, что кончается здесь:
Неповторимость печалей,
Неповторимость дождей.
Неповторимое детство –
Этот мгновенный пролог,
Зная,
Как долго мне греться
Памятью этих дорог.

1941
Ни седоков,
Ни окриков погони –
Видений бег?
Сквозь лунный хуторок
В ночное поле
Скачут,
Скачут кони

В ночное поле.
В призрачность дорог.
Вбирает даль,
Распахнутая настежь,
Безумный бег,
Срывающийся всхлип.
Им несть числа!
Ночной единой масти
Исход коней
С трагической земли.
Багровый свет –
То знамение иль зная?
Предвестный свет
Грядущего огня...
Я жив еще
И до конца не знаю,
Как это все
Пройдет через меня.

АВГУСТ

Медленно падает
В землю крестом колокольня.
Падает вечность
На белые лица солдат.
Огненным было
В том августе
Небо и поле.
Красные травы.
И красная в речке вода.
Тем, кто останется,
Будут иные рассветы.
В тех, кто уходит,
Понять уже смещены.
Жизнь, что за болью,
Теперь непонятного цвета:
Августа,
Смерти,
Пожара,
Ночей
И войны.
Я не ушел.
Но в сегодняшнем
Мире великом
Вдруг задохнусь
Давним августом
В красной пыли
И закричу,
Раздираемый сотнями криков
Тех, что живыми
Сквозь август
Пройти не смогли.

* * *

Дым над осенью,
Резкий и синий.
Едкой гарью
Октябрь напоен.
Дым. И дождь
По военной России,
Проникающий в сердце мое.
Дождь:
По горьким солдатским усмешкам,
По глазам,
По стальному стволу.
Догорают избы головешки.
А над полем – кувшин на колу...
Кони. Кони.
Блестят, как тюлени.
Где-то справа машины гудят.
Прикрываю руками колени,
Меж лопаток –
Мурашки дождя.
И не знаю, зачем,
Но запомню:
Что-то слышно
В не дальней пальбе.
Что-то думают мокрые кони
О своей
И о нашей судьбе.
Начинается новая эра,
Отсекая дороги назад.
Я рождаюсь вот здесь,
В сорок первом,
Мертвым сверстникам
Глядя в глаза.

* * *

Что случилось,
Молодость,
С тобою?
Говори
И не щади меня.
Расстреляв последнюю обойму,
Почему не вышла из огня?
Почему,
Взрывая крепость быта,
В сердце бьют
Обугленные дни?
Сколько мы оставили убитых,
Так и не успев
Похоронить!
Поле, поле...
Поле не пустое.
Я до самой смерти

Пронесу –
Жители,
Спешившие на стоны,
Псов голодных
Видели в лесу.
Я поверю
Снам и ворожеям.
Молодость,
У скорбного села
Почему осталась в окруженье
И ко мне
Пробиться не смогла?!
Вспомню – плачу.
Не могу.
Нет власти:
Слышу,
Вижу,
Как идут бои.
На бегу
Редящие части –
Годы отходящие мои.

ОГНЕВАЯ СТРАНА

Забери меня, память,
Домой пусти,
К тем дымам,
Что гуляли в овсе.
Огневая страна моей юности,
Ты во мне –
Навсегда, навсегда.
Обними меня
Давними стужами,
Чтоб не смог я
Уйти никуда!
Ослепленный тобой
И контуженный,
Не в свои
Завернул я года.
Ни огня.
Ни окопа.
Ни выстрела.
Раскаленный
Подай карабин!
И дождями
Бинты мои выстирай,
Забери ты меня,
Не губи.
Что ж ты, Родина,
Что же ты,
Что же ты?..
Никогда я не бил наугад.

Я по крику,
По хрипу,
По шепоту
Различу
Своего
И врага.

ПО РАЗЛОМАМ ВОЕННОЙ ЗЕМЛИ

Юз Алешковский устроил бунт в армии в 1949 году, за что был осужден на четыре года, а впоследствии эмигрировал. Михаил Сопин сделал примерно то же самое через два года, был признан шизофреником, и это клеймо осталось на всю жизнь. Случилось это так.

После войны Мишка, имеющий к тому времени пятиклассное образование, жил с бабушкой на

куршине, работал в колхозе. Потом вернулся в Харьков, кончил ремесленное училище.

Вместе с матерью трудился токарем на заводе, где когда-то служил испытателем танков его отец. Но надолго там не задержался - ушел бродяжничать вместе с подростками, сбегавшими из колонии Макаренко. Ребята «прокатились» до Владивостока и обратно. В 1949 году Михаил был арестован за хранение оружия. Отбывал на строительстве котлована Цимлянской ГЭС. Через полтора года освободили по амнистии.

И почти сразу – армия. Михаил был зачислен в танковый десантный батальон - по тем временам, войска элитные. Он был водителем-механиком.

О послевоенной Красной Армии обычно отзываются хорошо: дедовщины еще нет. Однако вспомним фильм «Анкор, еще анкор», который не могут простить режиссеру Петру Тодоровскому генералы. Были, были и в той армии свои проблемы...

Одна из них - расслоение: тех из начальственного состава, кто «не нюхал пороха», и призывников, побывавших в полосе боевых действий. Опаленные войной не признавали унижения, неуважения к личности, мелочных придирок. Они легко вступали в конфликты, реагировали нервно, могли стать непредсказуемыми в поведении. Например, заходит лейтенант в казарму перед сном, требует выстроиться по форме, а солдату надоело обуваться-разуваться. Он сунул портянки под матрац, а сам голыми ногами - в сапоги. У лейтенанта взор зоркий:

- Это что такое из-под матраца торчит? Что за сопли?
- Это не сопли, а солдатские портянки!
- Мо-олчать! Ты в какой армии служишь?
- В американской!
- Что-о-о?!

- Вы что, сами не знаете, какая здесь армия? (И поехало-пошло...).

Не когда-нибудь, а в час ночи, когда сон солдата должен быть особенно крепок, его вызывают в штабную комнату на проработку. Михаил сорвался и, схватив автомат, побежал за лейтенантом, а когда его стали окружать, забаррикадировался в пирамиду с винтовками, готовый отстреливаться до последнего.

Армейскому руководству хватило мудрости уговорить солдата сдаться, а доводить дело до трибунала не захотели: это бросило бы пятно на образцовую часть. Проще представить взбунтовавшегося солдата «дуриком». Михаила отправили в больницу, где он объявил голодовку. Впоследствии был списан с воинской службы с «волчьим билетом», в котором указывалось, что такой-то по состоянию здоровья не имеет право работать с техникой, моторами и вообще быть принятым на престижную, оплачиваемую работу. Этот «пунктик» сопровождал Сопина по всей жизни. Приходит, бывало, устраиваться на работу сантехником, а там требуют паспорт и военный билет. В паспорте отметка: выдан по справке об освобождении. А в военном билете...

Михаил по карманам похлопает и, как бы опомнившись, улыбнется широко:

- Забыл дома! Да вы на меня посмотрите: ну конечно, военнообязанный! Разве не видно? (Фигура крепкая, грудь колесом).

При тех должностях, которые он занимал, формальности не соблюдались...

* * *

Когда первый мороз
Опушит
Тополя чистым мехом,
Кто-то в окна стучит,
И зовет,
И ответ мне дает:
«Это я,
Твое имя,
Пропавшее без вести эхо,
Перекатная голь,
Беспризорное детство твое».
И туда обернусь,
И сюда погляжу:
Как ты? Где ты?
Я же сам очевидец:
Ты убито...
Ахтырка... Бои...
А на темном стекле
Обнаженно,
До резкого света:
Ирреальная явь,
Темно-красные слезы мои.

* * *

Дымя,
Мимо изб,
Мимо пашен
Раскатно
Грохочет состав!
А юность
Мне машет и машет,

Тревожно
На цыпочки встав.
В бушлате,
Худая-худая,
Как в послевоенном селе,
Наверное, знает – куда я,
Глядит обреченно вослед.
Бомбежки,
Составы,
Обвалы
В жестоком остались былом.
Когда же ты, жизнь,
Миновала,
Со всем, что сбивало и жгло?!
По сердцу –
Скребущие звуки.
Постой!
Обернись в пол-лица...
Скажи мне,
Что этой разлуке
Не будет. Не будет конца!
Скажи!
Я смогу возвратиться!
Хотя бы ладонь подыми!
Но поезд –
Ах, черная птица!..
Крылато качает думы.

* * *

Как трудно уходить
Из той поры:
Открыл окно,
И в спелый дождь –
Руками!
За садом звезды,
Что твои костры.
Какое счастье
В этой жизни –
Память!
Давным-давно
Не тот уж
Блеск в глазах.
И мир не тот –
От яви до преданий.
А я и сотой доли не сказал
О том, что слышу,
К полю припадая.
Здесь, на земле
Случилось это все:
Ни ты меня,
Ни я тебя не бросил.
Но мертвый ветер

Разоренных сел
Нам не оставил
Ни руля, ни весел.
Холодные,
Голодные года
Сменили грохот
Тола и металла.
И вышло так,
Что вдруг и навсегда
Нас по Отчизне горькой
Разметало.
И мы с тобой
Такие не одни.
Ты говорила:
«Если выйти в поле,
То будет слышно,
Как летит над ним
Молчанье душ,
Запекшихся от боли».

* * *

Разметало
Сиротские рати
По разломам
Военной земли.
Никогда
Не собраться нам,
Братья.
Лиховеи наш путь замели.
За надежды,
Что были до мая,
За убитых
И проклятых нас —
До конца пронесу,
Не снимая,
Окровавленных
Дней ордена.
Бей сильнее,
Неистойей,
Память!
Все равно
Я на зов твой приду
В ту страну,
Что лежит за холмами
В октябре
В сорок первом году.

* * *

Подрывались.
Пропадали.
Стыли.
Многих ветер в поле отпевал.

Даже до жестокости простые
Жизни той не выразят слова.
Жил и я.
Страдал, как все живое.
И осталась
Память той беды –
Был заснят
С огромной головою,
А в руке –
Букетик лебеды.
Сверстники мои!
Мы входим в чашу
Тех снегов,
Что заметут виски.
Но по нашим
Судьбам преходящим
У живых
Не может быть тоски.
Мы пройдем -
И никуда не деться,
Как травой обочинной пыльца.
От того,
Что называют детством,
Сохраним
Бессмертные сердца.
Ранний свет,
Глубинный свет печали –
Молчаливый
Призрак наших лиц.
Мы еще свое не открычали.
Мы еще своих не дозволись.

* * *

И мысль горит, и жизнь течет,
И есть у памяти свой счет...
Страшась отцовского клейма,
Пойдут сыны без биографий.
От сына отречется мать,
Ибо отрекшийся потрафил:
Рассек связующую нить.
Ни общей доли нет, ни боли.
Кого отрехшимся винить
За четвертованную долю?
Так народится гриб-гибрид,
Зачатый страхом и пороком,
И Мост Истории сгорит,
Края обуглив двум дорогам.

* * *

Цепь – свобода.
Бред – авторитет.
Яд – надежда, хлеб грядущих лет.

И орет
Под плотным кумачом
Проповедник,
Бывший палачом.

* * *

Я был
Не по своей вине
Живой мишенью
Мертвых пашен:
Четыре года – на войне.
Полвека –
Без вести пропавшим.

* * *

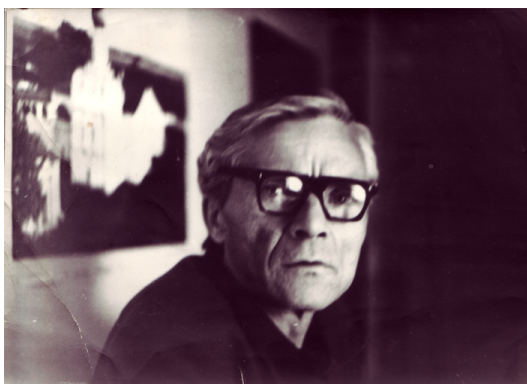
Океан выгибает дугой!
Все летит
Во взбесившемся гуде.
Ураган!
Ему нет берегов,
А вошел –
Ураганом не будет.
Может быть,
Ты мне этим и мил,
Что другим никогда не бываешь:
Развернулся,
Пошел напрямик,
Разбивая
И сам разбиваясь.
Вот и я
Так по свету кружил,
Как в просторы
Рванувшийся ветер!
Задыхаясь,
Входя в виражи,
Расшибался о дамбы столетья.
Но любил свою жизнь,
Что была!
Пронесла меня
Вольным и битым,
Добела закусив удила,
По надеждам,
Годам и обидам.

* * *

Как жили мы,
Военных лет шпана,
Колесная, подвальная, земная -
Пинки
Душа и кости пацана
Неизгладимо чувствуют и знают.

Пятнадцать лет -
Неволи окоем.
Но не ослеп
От суеты и рвения.
Открылась тайна
В облике твоём,
Явилась жизнь -
Возможность откровения.

ПАМЯТИ МОЕЙ ЛИЦО БЕСКРОВНОЕ

Когда мы вместе задумали эту книгу, Михаил признался, что еще при подготовке «Предвестного света» выработал творческое направление, которому старался следовать. Оно состоит из трех частей: обретение голоса, исповедь, проповедь. У этой триады есть общее - историко-культурный камертон.

«Предвестный свет» можно отнести к обретению голоса. Три шага цикла «Памяти моей лицо бескровное» - более всего исповедь.

Шаг первый

«...Мы получали «высшее пенитенциарное» (исправительное – юридический термин) образование: буквы алфавита узнавали из переключки тюремных надзирателей. «На сэ есть, на рэ есть? Кто на хвэ?» - так выкликали счастливых, которым носили передачи родственники. Грамотой овладевали в «индиях», до дыр зачитывая обвинилки, прежде чем пустить их на курево. («Индия» - камера, в которой сидели те, кому никогда ничего не приносили). Арифметика - отсиженные и остающиеся по приговорам годы...»

(«Речь о реке»)

В Перми несколько стихотворений Миши на патриотическую тематику было напечатано в газетах. Одно из них даже получило третий приз в юбилейном конкурсе молодежной газеты. Журналистка Таня Черепанова сказала:

- То, что у него сейчас публикуется, имени не сделает. Но у Михаила необычно богатая биография. И вот если он сумеет показать ее во всей полноте...

Чтобы это пожелание начало воплощаться в жизнь, потребовалось не менее десяти лет. Пришлось набираться литературного опыта, а главное, занять позицию.

Эта позиция в свернутом виде определилась уже в лагерный период: «Я люблю Россию, но я с ней и спорю». Однако в целом протестность в творчестве для этого периода не характерна. «Лагерные тетради» по духу и по стилю более всего близки к раннему Блоку:

поэт вслушивается в тревожную музыку бытия, не конкретизируя. Рассуждать детально он тогда был не готов и не хотел. Вспомним: ведь Сопин был осужден по уголовной статье, и нельзя сказать, чтобы совсем уж невинно. Мы не раз говорили на эту тему, Михаил честно рассуждал:

- Нас нужно было призывать к порядку - натренированное на бойне поколение огольцов самого удалого возраста, которым ничего не страшно. Те, кто старше - шли в бой под присягой. Маленьким еще предстояло войти в жизнь под контролем взрослых. А у нас за спиной - ничего, кроме собственных понятий о чести и морали. С нами что-то надо было делать, и власть пошла по наипростейшему пути: придавить, выловить, уничтожить, приковать к лесоповалу...

«Акценты смещались: вражеской становилась многомиллионная армия агонизирующей безотцовщины. Скоро ей нашли «достойное» применение. Вся оккупированная территория была разрушена. Ее надо восстанавливать любой ценой, откуда-то взять армию новых строителей, которые бы валили лес, долбили руду, клали кирпичи...

Ужас и простота этого обстоятельства привели к людоедской политике. Бросили клич - выжигать каленым железом, хватать за бродяжничество, незаконное ношение оружия (валявшегося горами везде), за воровство. Кого? Были орды бездомной шантрапы, брошенной на произвол судьбы, вынужденной себя кормить, греть, защищать. Выжившие в голоде и бомбежке, выплюнутые войной и расшвырянные по белому свету, они же оказались обречены на жерло лагерей.

(«Речь о реке»)

На 15 лет Михаил «загребел» в 1955 году, по поводу до глупости незначительному. Как-то шли большой компанией из кино, растянувшись на квартал - в очередной раз смотрели «Бродягу». Впереди идущие пристали к парню и девушке (отнять велосипед), показали нож. Те закричали, подоспела милиция: банда! Большинство взяли сразу, но «хвост» (в том числе Михаил) разбежался. Правоохранительные органы без труда установили имена всех.

Судили за разбой по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4.06.47 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного (личного) имущества». Согласно ему, все виды такой провинности, вплоть до хищений самых мелких, наказывались лишением свободы на сроки до 25 лет. За то, что раньше давали два месяца, могли присудить двадцать лет. Например, в документах того периода наш сын вычитал, как за семь килограммов украденной на производстве муки мужику дали семь лет лишения свободы. Пересмотру эта судимость не подлежала.

Вот что пишет по этому поводу в статье «Уголовное право как феномен культуры» («Известия высших учебных заведений», 02.03.1992) М.С. Гринберг:

«Важным элементом обеспечения экономических интересов тоталитарной системы был принудительный бесплатный или малообеспеченный труд. Он обеспечивался отчасти трудом заключенных, а массовые репрессии служили источником пополнения».

В 1962 году вышел новый Уголовный Кодекс, в связи с чем Указ потерял силу, а Михаил продолжал отбывать срок до 1970 года. «От звоночка до звоночка...» – горько повторил он, шагая по комнате, незадолго до смерти.

Сколько их было, таких осужденных, - сотни тысяч? Миллионы? Считал ли кто-нибудь?

После смерти Миши я сделала попытку отыскать его уголовное дело в архиве МВД Пермской области. При содействии Вологодской писательской организации был сделан запрос. Имя такое нашли, а дело – нет: «Не сохранилось». Нет документа – нет проблем. И понять, за что кого судили, уже невозможно. Виновны навечно...

Мы с Михаилом не раз рассуждали: его биография настолько уязвима, что ее можно подавать с самых разных позиций, и все будет правда. Захочешь осудить - уголовник, алкоголик, шизофреник, трудовая книжка раздута от бесчисленных перемен мест работы. И в то же время - поэт, философ, интереснейший собеседник, политпротестант, все дети от общения с ним в восторге.

Вникать в психологию заключенных мне приходилось в силу обстоятельств. Я неоднократно ездила на поселение, дружба с бывшими арестантами продолжалась в Перми и Вологде. Горько констатировать: ни у одного из них не сложилась счастливо судьба на воле, хотя нарушений закона они больше не допускали. В самом Михаиле достаточно долго оставались неизжитыми черты, скажем так, не наилучшие для семейного быта (это проявлялось только в нетрезвом виде). Многолетнее обесчеловечивание накладывало отпечаток. Миша мне говорил:

- Никому не посоветую выходить замуж за наших. Среди них нет того, кто способен составить семейное счастье.

Вот такая жесткая оценка.

(Моя пермская подруга была замужем за Мишиным другом по имени Леха-Алексей. Когда-то он был осужден за воровство. Зарок проститься с пороком дал себе еще в лагере и выполнил его в течение своей недлинной жизни (погиб от алкоголизма). Но мужем он был - никаким. В течение многих лет отученный от понятий семьи, так и остался где-то между зоной и мнимой свободой).

Я спрашивала :

- Миша, а ты?

- Я нетипичный.

В отличие от многих других, он был способен к самосовершенствованию, к диалектическому мышлению.

- Мишель, - растерянно говорил ему Леха, - ты же только вчера говорил одно, а сегодня другое. Ты где настоящий?

(Леха смотрел на Мишу снизу вверх. Он любил друга и знал наизусть его стихи, был готов преданно следовать за ним куда угодно, но не успевал «поворачивать». Леха по природе был догматиком).

- И вчера, и сегодня, - отвечал Миша. - Я ишу.

(...Прочитывая рецензии под стихами мужа на сайте «Стихи.Ру», я время от времени встречала реплики: «Михаил Николаевич, а почему вы все время врете? Вы где настоящий?» - и тут же вспоминала Леху).

Но главное, что спасало Мишу от обычной судьбы освобожденного после столь длительного срока заключения - стихи. Еще в Перми я поняла, что у него бывает только два состояния. Первое - Миша трудоустроен, получает какие-то деньги, но я их практически не вижу, потому что они все равно пропиваются. И второе - Миша в очередной раз уволился с работы, устроился на диване в маленькой комнате, курит и пишет. Трезвый, варит борщ и поет под гитару, прекрасный отец. Естественно, что я постепенно приходила к выводу: пусть лучше пишет. Но тут возникали мои родственники:

- Как ты можешь терпеть тунеядца? При двух детях - и не работает!

- Он работает, - отвечала я. - Даже больше, чем я. Пишет стихи.

- Да разве это работа? Он ничего за них не получает!

- Он в этом не виноват. Откуда вы взяли, что при социализме человек получает по труду?

Отношения с родственниками шли на разрыв...

По-своему «мудро» рассуждала подруга:

- К мужу надо относиться как к столу. Вот он стоит посреди комнаты... если не очень мешает, ну и пусть стоит. Тебе от него ничего не надо, но авось пригодится. Выбросить всегда успеешь.

Я же знала, что без меня, без детей, к которым Миша очень привязан, он погибнет, сопьется и я первая этого себе не прощу. Дети - тоже...

Конечно же, Миша мучился унижением - тем, что нет настоящего заработка, не может содержать семью. Тем важнее был для него первый приличный гонорар за книгу. Он внутренне распрямился. А это сказалось на всем.

* * *

Над белой бездной бытия —
Глаза, глаза...
Живых и бывших.
Читаю ли,
Молюсь ли я:
Прости, земля,
Меня убивших.
Кипит снегами полынья,
Бьет по лицу, по синей коже —
Стоит над тундрой
Тень моя,
На сорок лет
Меня моложе.

* * *

Услышь своих, Россия, не отпетых,
Кто не дополз, упал, не дышал.
У демагога - чистая анкета.
Моя - в грязи истории душа.
За всех послушай исповедь мою.
Чуть гарью потянуло —
Мы в строю:
В лесах, в забоях,
Всем напастям вровень
Твои, земля, изгойные, встают,
Чтоб биться до последней капли крови.
Гонимо ль, стыло, голодно ли, минно —
Там мы, уродцы, голытьба, шпана.
К отвергнутым
Закон не шел с повинной.
То бьет нас ужас тыла, то война.
Кто чист - в легенды.
Мы - в глухие были.
Все стройки коммунизма —
Наш дебют.
Нацисты не дожгли и не добили —
Простой расчет:
Свои своих добьют.
Пустое —
Запоздало разбираться,
Умершее, безмолвное будить.
Нас не было,
Обугленного братства.
Нас не было.

Победный свет, гряди!
Ликуй, народ:
«Чужой земли ни пяди!»
А мы под марши
Завершим свой круг.
Пусть никогда
Не вспоминают дяди,
Как нам ломали
Наказанья ради
Со смаком
О колено
Кисти рук.
Будь проклят
Век, родители и мы,
Наручники, безумие тюрьмы:
Садистские дознания в подвале,
Где не было мучениям конца,
Где к милости напрасной не взывали,
Под сапогами лопаюсь, сердца.
В глуши лесной или на Зуб-горе
В барачные оконца лагерей
Бьет ханавей*. Хоронит ханавей
Твоих, земля,
Увечных сыновей.

* Ханавей - состояние обреченности (из лексикона заключенных северных лагерей).

ТРАССА

Бейте, ходики жизни напрасной,
Воскрешайте мой голос и взгляд,
Чтоб в багровом закате
Над Трассой
Мог я вспомнить,
Как гуси летят...
Небо в сине-свинцовой полуде.
Отплясал артбуран, отплясал.
И летят через майский полудень
С поля боя
Надежд голоса:
«Брат-цы, брат-цы...»
Рукав опустелый
Мнет солдат -
Нет другой, про запас?
«Пей, славяне, за правое дело,
Пей, душ-ша мир-ровая, за нас!»
Мировой океан одиночек
Пил-бурлил у черты роковой.
И слезу утирал пулеметчик
Госпитальным пустым рукавом.
Смех. Объятия. Слезы.
Все было...
Босячье, что с пути сорвалось,

На распустьях глубинного тыла
Принимала земля, как отброс.
Возвращались солдаты степенно
В оглушающую тишину.
Безотцовщину
Серою пеной
За волной поднимало волну.
Стоп! Замерзни, волна,
До предела
Дай осмыслить:
Сиротство и тиф,
Кто нас в детстве
Преступными делал,
В мясорубку родных запустив?
Перед кем или в чем мы повинны?
Изначально понять помоги:
Кто бросал нас
Под траки, под мины,
Самосудчикам под сапоги?
Извращенное бойною детство,
Ты не знало, что близок твой час,
Будешь в зеркало мира глядеться,
Катастрофой страны отразясь.
Помню наш пацанячий шалман,
И его -
Пусть меня не осудят:
С виду Пришвин,
Но дьявол по сути.
И слова -
Ядовитый туман:
«Навались, безотцовщина, ешь!
Можно выпить за батьку, за деда,
За меня - подполковника СМЕРШ,
И за нашу, конечно, Победу.
Жуйте, жмурики, дело не в хлебе.
И мозги вам мутить не хочу:
Жаль мне вас,
Голодрань и отрепье,
Но Закон избавляет от чувств.
Зря мы, что ли, вскопытили мили
Под стальным и свинцовым дождем?
Немчуре хребтовину сломили,
А на вас-то
Управу найдем.
Наша слава, бесславие ваше -
Воедино не вяжется нить:
Каждый должен хлебать свою кашу.
Что вы можете? Грабить да бить.
Свой, не свой, на дороге не стой...
Надвигается долгий ваш вечер:
Восходить вам
На брег на крутой

Под набат обвинительной речи».
 Ясновидца, пророка, уroda
 Рокотал,
 Тиком корчился рот:
 «К-к-кто то до-олжен же
 Быть вне народа,
 А иначе - ур-родец народ?
 И не надо пощады просить.
 Гнить вам,дохнуть,
 В отвалах пылиться,
 Греть тщедушием дали Руси,
 Скрыв в метелях цинготные лица.
 Все для вас:
 Воркута и Тагил,
 Через степи -
 Каналы И. Сталина.
 Сколько ваших дурацких могил
 Будет в Тундре Великой оставлено!»
 Как в узде ты, Россия, в системе.
 Из булата, звено ко звену,
 Тянет цепь твое горькое семя,
 На поглядки скликаая страну:
 Дуй, народ,
 Кто - на казнь,
 Кто - на праздник,
 Леший во поле - наш манифест,
 Хватит-хватит отъявленной мрази,
 Отдаленных и каторжных мест.
 Сашки, Мишки, Иваны и Стеньки...
 Глянь в глаза, отвечать не проси,
 Вот она - хошь в цари,
 Хочешь к стенке -
 Кровеносная бездна Руси.
 Мать-землица, я знаньем изранен.
 Нету края у пропасти. Нет.
 С боевыми шагал номерами,
 С номерами - на тощей спине,
 В «светлый путь», по гибели серой,
 А на две стороны - хоры выюг:
 Обреченные думы - на север.
 Отвлеченные мысли - на юг.
 Замерзая в дороге, сгорая,
 Добрались мы до всех полюсов,
 Рекордисты Чукотского края,
 Коногоны Печорских лесов.
 Гуси черные, где же вы?
 Где вы?
 Обломали вам крылья-бока...
 Предрекал
 Пустозерский мятежник,
 Что сгорит наша жизнь в кабаках.
 О великий бунтующий Отче,

Я несу в себе дух твой и прах,
И душа не желает молча
На своих отплясать
На кострах
Мракобесия,
Лавочки-печки!
Вот и жаримся мы, что досель
Ты, свобода,
В железной уздечке
Крутишь смертным надежд карусель.
Не одно отцветет бабье лето,
Прежде чем нас, живых, отклянут,
Кто придет после госпятилеток,
Испытав просвинцованный кнут,
Из-за «речки», Ухты или Томска...
Нас приветят:
«Пой, ласточка, пой».
Это мы явим к жизни потомство,
Что уйдет во вселенский запой.
Знала б женщина, мать и жена,
Что родится
На выжженном месте?!
На безлюбье любовь начинать -
Порождать неизбежность возмездья.
В темном поле -
Жизнь в трауре белом.
И хочу закричать: «Не моя!...»
Но - моя. И одна... Отлетела
И обуглила сердца края.
Да. Все так. Путь безумен. Огромен.
Но и мы
В своих клятых делах
Деспотию крушили,
Что в доме,
Здесь дышать нам
И жить не дала.
Всех распял он,
Убийца, ублюдок.
Уж не спутаю
Свет с темнотой.
Уж не слышу железных побудок.
Уж не рывкнут вдогонку мне:
«Стой!»
Только память порой,
Как граната,
Саданет и поднимет года...
Все, кто грел Магадан и Анадырь,
Уходил, пропадая во льдах,
Все, кто полз по полярному снегу,
В безысходности
Шел на рывки,
Кто убит при попытке к побегу -

Все вы в сердце моем, мужики!
И былой СВЭ*, и уродина -
За гонимых, за проклятых нас
Я приполз
В тебя веровать,
Родина,
Надсадив сухожилья о наст.

СВЭ* - социально-вредный элемент.
1989 г.

Шаг второй

Обогащенный общением с Е.Ш. Галимовой, почувствовавший моральное право расстаться, хотя бы временно, с необходимостью ежедневно отрабатывать по восемь часов на производстве, Михаил садится за пишущую машинку и приступает к воплощению того, о чем заговорил еще в лагере:

«Есть в душе моей такая рана, что когда-то полыхнет огнем...»

Это и сейчас практически еще не освоенный пласт. Проникнуться во всей полноте темой может только тот, кто пережил. Прошедших через все это и сумевших не загинуть на этапе, не спиться, не вернуться назад в преступный мир, не выброситься на воле из окна - мало. Еще меньше таких, кто сумел-таки обойти эти загородки и... обрести голос - получить образование. Наконец - иметь талант!

Но даже уметь сказать - мало. Нужно еще быть услышанным, ощутить воспринимающую тебя аудиторию. Ну хотя бы немножко, чтобы уж не совсем в обитой подушками комнате звучала проба песни. Для массовой аудитории посыл: «Все люди - братья» - это же... теоретически. И чем человек интеллигентнее, тем труднее сделать это искренне!

Я заметила это по общению на «Стихах.Ру». Люди готовы проникнуться болью ветерана Великой Отечественной войны:

Но дымится земля под ногами
Десять лет,
Двадцать лет,
Тридцать лет,

- но их раздражает:

Стоит над тундрой тень моя,
На сорок лет меня моложе.

- Сколько же можно помнить зло, ковыряя старые раны и повторять одни и те же круги ада? - говорит критик.

- О другом скажут другие, - отвечает поэт. - У меня не отболело.

- А может, приподняться над всей этой грязью? Подумать о душе? Дело чести - сохранить ее чистой.

- У меня не чистая, - говорит поэт и, подумав, добавляет: - В грязи истории.

- При чем тут история? Она всегда - не подарок. Вспомним Древний Рим, Ку-Клукс-Клан или режим Пол-Пота... Да мало ли примеров. Лучше обернись на себя.

- «От себя голова поседела».

- Чем же гордиться?

- Хочу, чтоб «после нас осталось две капли боли, но не море лжи...»

Есть психологический барьер: невозможность применить заповеди Христа по отношению к тому, кого по воспитанию и общественной формации считаешь намного ниже себя. Мы с Мишей не встретили практически ни одного воспоминания политзаключенных сталинских лагерей, где не было бы сказано нехороших слов в адрес уголовных. А ведь и те, и другие были порождением одной тоталитарной системы и вместе от нее страдали. В определенной степени - братья по несчастью, как в картинке, где изображение зависит от угла падающих лучей. Александр Солженицын тоже смотрел на уголовный мир сверху вниз. Не сомневаюсь, у него были к тому веские причины. И все же, все же, все же...

А поэт и критик продолжают свой бесконечный спор.

- Покайтесь перед нами, убийцы наши. Мы вам все простим, - говорит поэт.

- Кому каяться? И перед кем? Никого нет. Все умерли. Даже страны нет.

- Перед детьми войны.

- Но уже давно изданы повести Анатолия Приставкина, Виктора Астафьева. Тебя вон печатают. Мало кто читает, но ведь рот не затыкают. Это и есть покаяние. Даже фильм с таким названием вышел. Войны давно нет.

- Война продолжается. Множатся ряды малолетних преступников, при царском режиме такого не было. Тюрьмы переполнены.

- Тоскуешь по царизму?

- Да нет. «Белое и красное крыло гибельной метелью замело».

- И что же ты предлагаешь?

- Не дуди, полководец, в дуду,

Накликая другому беду.

Ты забудешь –

Погостная птица

На гнездовье к тебе возвратится...

Виляет история, делает такие повороты, что и в страшном сне не приснится. Вчерашний страдалец за народ - по сегодняшним меркам террорист. То Ленин и партия - «славься на все времена», теперь царя причислили к святым. А у поэта:

К небу, в землю

Землистые лица.

Церковь в кружеве снежном –

Как челн.

Вздеты руки:

Крушить ли, молиться?

Но - кого?

Но - кому?

Но - о чем?

С годами он все чаще слышит голоса, на которые не может не откликаться:

После боев

Святых и правых

Молитву позднюю творю.

Следы сапог моих кровавых

Ведут –

Носками к алтарю...

- Ну и мастер Вы, Михаил Николаевич, - говорят читатели. - Какого лирического героя себе выдумали!

Стихи Михаила Сопина проникнуты сочувствием ко всем униженным и осужденным обществом, независимо от статей в приговорах. Он не может иначе, ведь это с ними он делил пайку и нары там, где не принято было спрашивать: «За что сидишь?» Пришли по разным дорожкам - а теперь судьба общая. И охрана, кстати, на той же дорожке, одним миром мазана (это хорошо показано С. Довлатовым в романе «Зона»). Администраторы даже больше к той стезе прикованы невозможностью сделать карьеру где-то еще, потому что этот пласт в обществе низший.

...На станции Чепец, когда Михаил уже со справкой об освобождении ожидал транспорт, его пригласил в гости «гражданин начальник» - капитан Виктор Тарасович Лепко. Достал бутылку, стаканы.

- Тебе хорошо, - говорил капитан, плача, в расстегнутом мундире. - Идешь на волю. Можешь стать дворником, сторожем... кем угодно. Общаться с нормальными людьми и никогда сюда не возвращаться. А мне некуда освобождаться, у меня не хватит сил начать новую жизнь. Я ничего не хочу и не могу...

* * *

Из далей харьковские клены
Сквозь сумрак полувековой:
«Вставай, проклятьем заклеянный!» -
Шумят над белой головой.
Родимые,
Все так непросто:
В едином с вами
Я строю
Встаю,
Забитый на допросах,
Над бездной лагерной встаю.
Уходим мы...
Прощаться скоро
Придется,
Беженцы войны.
Сиротство красного террора -
Вы все в душе моей равны!

МУНДИР И СУТЬ

Плыл едкий запах первых дней войны.
Орал Мундир
Тяжелой силы речи.
Он главным был.
И представлял в дни сечи
Парад, декор, двойное дно страны.
Витийствовал,
Кровавый глаз кося,
Светился, как фонарь над преисподней:
«Без нас - без нас -
Грядущему нельзя!
Без прр-ровокаций!
Дом горит сегодня!»
Да. Верно. Дом отеческий горел,

Как и потом -
И двадцать лет, и тридцать...
И вышло так,
Что взрослой детворе,
Уже клейменной
На родном дворе
Развалинами душ не исцелиться.
Мой крестный путь -
В пожар из-под огня.
Без этого нельзя понять меня.
Сорок второй. Нас жгут со скарбом всем.
Горят косички, ленточки матросок.
И по живым свинцовый хлещет посох -
Страшной приказа 227*.
И тут я понял: если не осилю -
Конец.
Мундир - пустышка. Лжив. Дыряв.
Пополз... за полумертвую Россию
Держась руками в желтых волдырях,
По чьей-то крови,
По своей скользя.
И с той землей
Мы больше, чем друзья...
Любовь, Отчизна,
Вождь – пустые звуки
Для тех, кто чтут
Мундир или Указ.
Я Родину свою
Вблизи, вдали
Найду без вас,
Душою, что болит –
Как у солдата отнятые руки.
В окопы – с ней,
В заботы и застенки.
Жрал грунт окопный.
Полыхал и зяб.
Скипелись мы –
Как кладка древней стенки:
И подорвав,
Нас разделить нельзя.

* - приказ И. Сталина от 28.6.42, по которому командиры (политработники) рот, батальонов, полков, дивизий, отступившие с боевых позиций без приказа сверху, объявлялись предателями Родины. На основании этого приказа в армии были сформированы штрафные роты и батальоны, которых бросали в наступление под вражеский огонь.

* * *

Нет в наших голосах
Идиллий.
В эпоху пряника-кнута
Под рельс звенящий
Мы ходили,
Считая версты и лета,

От севера и до востока
Ни звезд, ни бирок -
Кто таков?..
По всей дуге судьбы жестокой
Без нас не сыщешь рудников.
Ангарск ли, Куйбышев, Каховка,
Волго-Донская ли вода,
По фотокоровской сноровке -
Другие лица и года.
Мы шли и шли без соцзащиты
Сыны войны, войны иной.
Державным страхом рот зашитый
Мычал проклятьем и виной.
В Усолье мрачном
И у Лены
Под пулеметный говор выюг
Нам правда
Разрывала вены,
Творя
Историю
Свою.

КОРАБЛЬ

Все ипостаси
Гибельного рока -
Мои:
Пацан-солдат,
Бездомник, тать,
По каторжным и беженским дорогам
Пройдя, я мог на Родину роптать.
Обрубленные руки
Что напишут?
Что мертвый
Докричит издалека?
Работай, медсанбатная строка,
Избавленная жизнью от излишеств.
Прильну к земле —
Мольба со всех сторон:
«Склонись
Над красным
И над темным полем,
Оставь себе
В казеннике патрон
И в дикость масс
Кричи о мертвых нас,
Пока храпит
Стреноженная воля».
Исполню все, что требуете вы,
Гулаговцы,
Бездомники,
Солдаты.

Как пуля в пулю, -
С Вами!
Дата в дату -
Прошел по рубежам по болевым.
Все вами недожитые лета
В груди моей не для другого раза.
Я рядом с вами шел, не по пятам,
По зову сердца шел,
Не по приказу.
Как колос из земли -
Я весь из вас!
А лира, что ж,
Поэт - он ближе к Стеньке.
Есть те,
Что не уступят мест у касс,
А я свое не уступлю - у стенки.
Так много мыслей,
И одна другой
Полынее.
Веками так нам пето, -
Как с бубенцом,
Что бьется под дугой,
Мы свыклись с тем,
Что царь
Убил
Поэта...
Мы в шорах,
Братья,
Милые, мы в шорах:
От кривды,
Не от правды мы седы,
Что бойню порождает лютый ворог,
А грешных судят
Правые суды.
Из века в век кочующая мразь
Бьет чистоту,
Уничтожая нравы.
Девиз дельцов:
Дыши - как в дождик травы.
Иначе - пуля.
Выше не вылазь.
И вот уж мне определяют место:
«Романтизируй. Воспевай прогресс.
Нам о тебе
До донца все известно.
Мы над тобой цари,
Твой суд и крест».
...Забыв одно,
Что в самый трудный час,
Припав к погостам тайным,
К обелискам,
Гулаговцы,

Солдаты,
Лишь на вас
Равняю путь
Далекий свой и близкий.
Корабль моей судьбы
Через ненастья
Идет еще.
И, дерзостью дыша,
Я понял:
Где идея выше власти -
Пригвождена
К распятию
Душа.
Вот почему
В года большой неволи
Хрипящее ронял:
«Ку-ка-ре-ку!
Реку
Грядущую
Свободу-долю!
Ко-пе-еч-ку
По-дай-те
Ду-ра-ку...»
Хрипел -
В карьерный известняк,
Сдыхал,
Со всей строною
Надрываясь вместе.
Но зов мой
На-гора не долетал
Сквозь горизонт
Рудничного созвездья.

Шаг третий

Мне всегда нравились стихи Варлама Шаламова – даже больше, чем рассказы. Подобно прозревающему слепому, он открывает для себя в стихах мир. Сначала наощупь... Потом вдруг видит на оттаявшей скале цветок, учится распознавать запахи, краски. И вот уже для нас с такой же силой звучит симфония жизни. В стихах Шаламов именно поэт. А в рассказах - аналитик.

Михаил Сопин прозы вообще не писал, поэт и аналитик в нем сливаются, а с годами аналитик стал преобладать.

Есть еще один очень важный момент: Сопин пишет на несколько десятилетий позже. Колымский страдалец исторически не мог видеть того, что открылось последующему поколению. С тех пор общественное сознание ушло далеко вперед. Уже издан «Архипелаг Гулаг» А. Солженицына, раскрыты архивы НКВД...

В конце восьмидесятых двадцатого века в полный голос о лагерях еще не говорили и Московское издательство стихи Сопина на эту тему отмело. А он входит в нее все глубже. Поначалу это еще не раскрытие темы - скорее, ее предчувствие в знакомом песенно-образном строе:

«На холме три тополя, три ракиты...»
«Без весла, без шеста я плыву на плоту...»

Но чем круче сворачивает он с освоенной дороги, тем труднее не увязнуть в трясине. Стихи теряют прозрачность, становятся громоздкими, тяжеловесными, перегружены «не-поэтичными» подробностями.

Я уже отмечала удивительную способность Михаила вживаться в прошлое. По намеку он способен вновь увидеть пережитое, как на фотографии. Однажды по запаху огуречной травы в нашем огороде восстановил полностью картину детства, описал, где эта трава росла, как ее готовили для еды...

Вот он берет старое, бросовое, казалось бы, стихотворение, находит удачную строку - по ней, как по проводнику, возвращается в полузабытое состояние... Но тогда еще не было мастерства. А теперь - надо же! - получается свежо и интересно.

Первые годы после освобождения - психологическое, даже физиологическое неприятие прикосновения к лагерной теме. Чтобы описать правдиво состояние заключенного, надо было снова влезать в его шкуру. А организм отторгал: невозможно жить и дышать так, как «это было там». Но незримое присутствие этой «шкуры» все равно постоянно ощущалось:

И боль моя становится не болью,
А частью жизни, сросшейся со мной.

В то же время возвращение к тому состоянию сулило возможность освободиться, скинуть с себя эту шкуру. Но она не сползала, приходилось сдирать вместе с кожей:

А на темном стекле
Обнаженно,
До резкого света:
Ирреальная явь,
Темно-красные слезы мои.

Подстегивало осознание, что он все же должен сказать за тех, кто «не дополз, упал, не дышал»: «Кто не жрал наркомовского хлеба, не сможет передать его вкус и запах. Говорить надо сейчас. Можно и потом, но потом будет другое».

... Каждый вечер Миша приносит мне новые пачки стихов. Я сначала прочитываю добросовестно, но в какой-то момент останавливаюсь и дальше не хочу. Возникает потребность побереечь себя и читателя. Предлагаю сокращения, указываю на непонятность для аудитории некоторых строф:

- За разъяснениями надо лезть в специальные справочники!
Миша молча сгребает листы:
- Дети разберутся!

Я понимаю, что сейчас должна проявить внимание и терпение, но... иду на кухню и принимаюсь за приготовление ужина.

Спорим из-за уголовного жаргона, который я требую убрать - либо, в крайнем случае, делать сноски. Сходимся на компромиссах. Теме еще нужно вылежаться, отстояться, на это потребуются годы.

В поисках энергетики стиха поэт ищет новые выразительные средства, появляются словообразования типа: «слепо-зряще», «вожделюбы», «всезапойные катастрофы», «со зрачками-зонтами», «крестико-звезды»...

(Сейчас искала это словосочетание и прочла полностью предложение: «На лице моем синем-пресинем СТАВЯТ крестико-звезды, Россия». Заметьте, в конце восьмидесятых поэт еще выводит Россию из-под удара, обращается к ней как бы жалуясь. Пока еще она - высшая инстанция: кто-то ставит крестико-звезды, а она, Россия, должна рассудить. Через несколько лет он поправит: «СТАВИТ крестико-звезды РОССИЯ», без запятой в середине строки.)

Пока для него самое страшное - «слепо-зряще и жутко реял идол вождя», «садистские дознания в подвалах» и смак, с которым «дяди» из НКВД ломали подросткам кисти рук. Пройдет немало времени, прежде чем поэт придет к выводу:

«Не в сталинщине только дело - народный зверь сжирал свое нутро».

Стихи на лагерную тематику впервые были включены в сборник «Смещение», изданный в Северо-Западном книжном издательстве в 1991 году. Он увидел свет почти одновременно со сборником «Судьбы мой поле». Такой дружной публикации во многом способствовала потеря нашей семьей старшего сына Глеба - как видно, автора пожалели. «Смещение» посвящено Глебу, и подросток на титульном листе (в графическом изображении художником А. Савиным) на него похож.

После выхода этих книг Михаил Сопин был принят в Союз советских писателей, который через пару месяцев был преобразован в Союз писателей России. Его членом Михаил оставался до конца своих дней.

Иронией судьбы сборник стихов Сопина в Архангельском книжном издательстве оказался для вологодских авторов едва ли не последним. Издательства разделились. А у Миши появилась присказка:

- Стоит мне куда-то вступить, все тут же разваливается. Издал книгу - не стало издательства. Вступил в Союз писателей - развалился Союз. Только-только начал превращаться в полноправного гражданина СССР - рухнула страна.

* * *

На холме - три тополя,
Три ракиты.
Три тропинки во поле
Перевиты.
Первой - шел я в ночь свою,
Второй - в счастье.
Третьей - в землю отчую
Возвращаться.
В том и дело, Родина,
В том и дело:
Каждый думал - пройдено,
Значит, в дело.
Каждый верил - сказано,
Значит, к месту!
Отслужили слаженно
Злую мессу
Не царю небесному
Со владыкой,
А земному деспоту -
Дичи дикой.
Вместе славя, хлопали -

Врозь убиты.
На холме три тополя,
Три ракиты.

* * *

Со слепыми зрачками,
С обрубками крыл
Я по красному-красному полю проплыл.
Меж Цимлой и Соленым
Глотал пливуны,
Опираясь культями о стены страны.
Все здесь шло по модели,
Что преступный народ
Сам себя раскуделит,
Перервет, перебьет:
Больше дел, меньше гнили –
Сей лишь распри и месть.
И тимуровцев били,
И квакинцев здесь.
«МАЗ» рванёт в две сторонки -
Вскрик хлестнет по волне.
Никакой похоронки
В безымянной войне.
И с зрачками-зонтами,
С обрубками крыл
Я по красному-красному воплю
Проплыл.
А в грозу, в промежутках,
Меж обвалов дождя
Слепо-зряче
И жутко
Реял
Идол вождя.

* * *

Вой волчьих чучел.
Льдинка песни птичьей.
Холст – котелок на неживом костре.
Ни сон, ни явь.
Глухое безразличье
У брата к брату,
У сестры к сестре.
А я смеюсь,
Смеюсь, от страха ежась,
Безумию ума смертельно рад,
Что возглавляю скопище ничтожеств,
Позвякивая ужасом наград.
Собою не владея,
Всем владею!
Карательною силой войсковой
Я наделен, олигофрен идеи,
Слюдой зрачков, улыбкой восковой.

Под подбородком у меня свеча.
И корчусь я
Настенной тенью зыбкой.
И по стене сползает массой липкой
Культурная гримаса палача.
Куда мы шли? Куда нас завели?
Заплакала... Жива душа-калека!
Шаг первый мой -
Земного Человека.
Последний шаг -
Ничтожества земли.

* * *

Согреваюсь опять я
У белого стылого полымя,
Правым боком припав
К продувному
Судьбы пустырю.
И поет мне метелица
Голосом дикого голубя.
И с улыбкой замерзшей-
Не помню уж сколько,
Стою.
Через снежное поле
Теплее ловлю колыбельную.
И хочу, чтоб так длилось,
И ветру шепчу:
«Я дойду...»
И зеленой звездой
Снежинка
В ладонь мою белую
Опустилась, как с елки,
В опухшем голодном году.

* * *

Вот так и было. Тягомотно. Тошно.
Таков мой путь к Парнасу,
Вот таков:
Цинготный. Голодранный. Беспортошный.
Сквозь золотую россыпь
Тумаков.
Не снится мне:
Без роздыха, без брода
Барахтаюсь, Отчизна, наяву.
Клейменный сын
Казненного народа
Жив!
С кляпом в горле
Жив. Еще живу.

* * *

.....
... Не добит, не дострелян,
Железом каленым не выжжен,
И на серость плюю - как плевал,
Но бескровно, смеясь.
И той частью, где сердце,
К Отчизне - уж некуда ближе.
Жизнью битые, гнутые -
Все мы страны сыновья.
Нам шаманили в двадцать
И в сорок:
«Надейтесь. Однажды...»
Никакого однажды.
Мы мчимся, подобно лучу!
Поддержи меня, Родина,
Не лишай меня мужества жажды:
Дострадать, досказать,
Догореть без остатка хочу.
И другим я не стану.
Не желаю средь гнуса и лени
Бить локтями в лицо
И в восторге вопить:
«Все равны!»
Вон они рвутся в зал
Для духовного всеоскопления.
Раздувается зал,
Достигая масштабов страны.
Мне б себя отыскать.
Отыскать бы себя мне... Поверьте!
От глупцов-погонял
Я, как рикша, под мыслью влачусь:
Не в чужой похвале
Наша сущность и наше бессмертье -
В нас, в живых,
В нас самих,
В естестве наших мыслей и чувств.
Я кричу в летаргию эпохи
И в оцепенелость окружи:
Мы - родня на Земле.
И Земля нам на время дана.
На Голгофу идущих
Беру я душой на поруки.
Жизнь - одна.
И Любовь.
Кровь - одна.
И Свобода - одна.
В этом трепетном мире,
По сути своей не жестоком,
Осеняю признаньем
Травинки, пичужек, зверье.
Всех живущих прошу,

На все три стороны от востока:
Защитите Любовь!
Иль распните меня за нее.
Не добит, не дострелян,
Железом каленым не выжжен,
И на серость плюю –
Как плевал.
Но бескровно, смеясь.
И той частью, где сердце,
К Отчизне – уж некуда ближе.
Жизнью битые, гнутые –
Все мы страны сыновья.
Океаны молчанья
Мчат безмолвия долгого волны.
Для того и живу,
Сквозь глумления чащу дерусь,
Что без этих вот строчек
История будет неполной -
Как без «Мертвого дома»,
Как без Гоголя странного
Русь...
Пятилеток снега,
Как странички тетрадей в косую,
Мрак листаёт над тундрой,
Вглядитесь, взгляните вокруг -
Там вон дети войны,
Сиротище страны голосует
За «счастливое детство»
Кульями обрубленных рук.

(Из поэмы «Агония триумфа»
1993 г.)

СУДЬБЫ МОЕЙ ПОЛЕ

После выхода сборника «Предвестный свет» Миша подсчитал, что если разделить гонорар на 12 месяцев, то примерно с год, снизив собственные потребности до минимума, он сможет поддерживать семью без ежедневной отработки на фабрике. Уволился и перешел на работу, о которой давно мечтал - грузчиком в Вологодский филиал Северо-Западного книжного издательства.

Небольшая зарплата грузчика плюс пай от гонорара... Далее возможна книжка в Москве и опять как-нибудь перекантуемся. Однако с Москвой оказалось не просто. Конечно, мы мечтали о публикациях в гремевших тогда журналах «Но-вый мир», «Знамя», «Дружба народов»... Помню удивительный совет знатоков: «Стихи должны быть отпечатаны на хорошей бумаге и без поправок. Иначе и рассматривать не станут».

При всей курьезности такого требования в нем есть рациональное зерно. Это особенно стало заметно в девяностые годы, когда печатные издания наводнили грамматические и стилистические ошибки, совершенно исчезла редаKTура, а уж как по радио и телевидению стали выражаться... Полное неуважение к русскому языку.

Ну, достать хорошую бумагу и с нескольких попыток отпечатать текст согласно требованиям оказалось не самым сложным. Однако наши пухлые бандероли продолжали возвращаться с завидной настойчивостью. Хотя и качество стихов, вроде бы, не хуже, и темы приемлемы...

Однажды Кожинoв сказал Мише:

- Твоя судьба - журнал «Наш современник» и издательство «Современник». В другие лучшe не суйся.

(Интересно, что журнал «Молодая гвардия», который для многих считался созвучным «Нашему современнику», не назывался никогда).

Это можно было понимать так, что между журналами шла внутренняя распря, и уже своим пребыванием в Вологде, встав под «кожиновское крыло», мы примкнули к определенному лагерю. Ни за что не напечатают у противников, и наоборот.

Творческой личности раздел вообще чужд. Но для Михаила это имело реальные последствия: в Вологде он оказался в определенной степени «свой среди чужих, чужой среди своих».

В восьмидесятые годы процесс еще не зашел глубоко, значительных авторов печатали везде, и широкая публика (в том числе мы) литературного политиканства не понимали. Как не вспомнить, что сатирический роман В. Астафьева «Печальный детектив» был впервые опубликован в «Нашем современном»! Рядом с публикацией Михаила в этом журнале в 1990 году - «Красное колесо» А. Солженицына. Почетное соседство!

Издательство «Современник» приняло рукопись к рассмотрению. Несмотря на благожелательное отношение, работа не принесла Михаилу удовлетворения. Он в то время уже осваивал новые темы, рвался с ними к читателю, а его возвращали к старому. В конце концов сказали: «Будем делать на основе «Предвестного света», в расширенном варианте».

Это была обычная столичная практика - 50 процентов опубликованного (проверенного), 50 - нового. Сборник «Судьбы мой поле» (1991 г.) Миша долгое время недолюбливал и считал слабым, начиная с названия - хотя, по-моему, он не прав. Там много прекрасных стихов, а маленькая поэма «Лунным полем, темным бродом» - шедевр.

Хочу обратить внимание читателя на цвето-звуковую гамму стихов того периода. Она необычайно широкого диапазона. То автор идет словно бы наощупь («Ослепший лебедь», «...Душа что-то ищет незряче...», «Пробежал по земле, заслонясь маскировочной сетью от живой красоты...»), то широко раскрывает глаза и видит Россию с «багровым закатом в полынную степь». Распахивает окно «в спелый дождь» и вспоминает «тени дождей, отраженные в давнем окне». То же самое о звуках: от немого «Говоря, ты молчишь, и смеяшь, ты молчишь...» — до: «А я и сотой доли не сказал о том, что слышу, к полю припадая».

У нас в детстве была такая игра. Надо крепко-крепко зажмурить глаза, и когда уже привыкнешь к темноте, внезапно их открыть. Ярko, празднично вспыхивают словно бы обновленные краски. Но - ненадолго. Потом опять привыкаешь к будничности.

Некоторые стихи интересны адресностью. Так, читая про «железобетонную эру», которая уходит, «от едких дождей опустив капюшон на глаза», я вижу поселок химиков Кислотный на Каме, над которым в семидесятые годы всегда стояло «оранжевое небо». А тополеk из стихотворения «Протяни мне ладонь, тополеk» рос под нашим окном в Пермской квартире. Уходя в армию, наш старший сын Глеб переписал в свою записную книжку это стихотворение: «Оно мне нравится, потому что я знаю этот тополеk».

В последний год перед смертью Михаил пересмотрел свое отношение к сборнику под влиянием читательской аудитории Интернета, которой оказалась близка эта интонация.

* * *

Я не знаю
Судьбы бесприданеe.
Но запахнет травой в укос!..
Ах, душа,
Не зови в поле раннее,
Где так нежно,
Так горько жилось.
Где то было:
Певали повечеру
О замерзшем в степи ямщике.
И лошадины губы доверчиво
На моей замирали щеке.
Все пропало.
Вдруг рывкнули траками.
Рухнул храм.
Пала пыль по росе.
И пошла моя жизнь буераками,
Резко взяв стороной от шоссе.
Сколько лет было лютых и снежных!

Но едва лишь забьется «ку-ку» –
Пробуждается тихая нежность
Стебельком яровым на току.
Край полей,
Сторона аномалий,
Полюбил я печаль и вину –
Все, что женщины вдруг понимали,
В полыньи моих глаз заглянув.
Что прошел с той поры,
Что проехал...
Но с полей
Тишины и войны
Все зовет меня
Черное эхо
В две,
Навек болевых, стороны.

* * *

И стал я немym обелиском
Над степью,
Где все сожжено.
И плакал –
Из камня –
О близком,
О том, что вернуть не дано:
Где был
И жесток, и неласков,
И слышал,
Как рвано дыша,
Кричала во мне несогласно,
К любви призывая, душа.

* * *

Когда мы родились,
У нашего царского ложа
Российская мать
Опалила нас совестью глаз,
Чтоб праведно жили!
Где лгали за славу –
Сытожим:
В витрину столетья,
На общий обзор,
Напоказ.
И слаще не надо,
И горестней этого плена.
Пройдет наше время,
Покатится солнышко вниз.
Еще покочуй, моя нежность,
В раскатах вселенной,
К раkitам закатным,
К морщинам полей прикоснись.

* * *

Знаю, в хмурые дни
Ты подходишь к окну.
Что скрывать –
Всем нам хмарь да окно.
Ты обманешь себя,
Я себя обману,
Но скажу:
«Все забыто давно».
Говоря, ты молчишь.
И смеясь, ты молчишь.
Вряд ли только
В тревожной судьбе
Голосами дождей,
Лунным светом в ночи
Мы сумеем сказать о себе.
Даже в лучшие дни
Тишиной заперты:
Все скрываем, молчим да таим.
И лицо, и слова, и улыбка –
Не ты!
Только слезы у сердца - твои.
Может быть, с той поры
В нас осталось добро –
Задышаться, страдая в тиши.
Мы с тобою –
Как старые письма на фронт...
Не пиши, что в груди,
Не пиши.

* * *

Чем дальше, тем выше
Дома –
Одиночества глыбы.
Распятое тело
Бетонные гвозди прожгли.
Все меньше на свете
Живых родничков и улыбок,
Наследственных песен
И древностей русской земли.
Зачем тут гаданья?
Всмотритесь, как в сумраке сером,
Плодя одиночек,
Стремится, не глядя назад,
Панельная морочь,
Железобетонная эра,
От серных дождей
Опустив капюшон на глаза.

* * *

Россия, Россия,
Приснись мне, как прежде,
С серебряной Ворсклой,
С костром на горе!
В судьбе моей осень.
Тускнеют надежды,
В которых так долго
Мог сердце я греть.
Зарядные вьюги
В глаза парусили.
Прошу на прощанье,
Пока не ослеп,
Приснись мне, Россия,
Приснись мне, Россия,
С багровым закатом
В полынную степь.
Ревет, пролетая,
Метель над крестами,
Грядут мои дни.
Заметет добела.
Любовь и печаль,
Я тебя не оставил!
Вся в памяти смертной –
Какой ты была.

* * *

Разбег и равнина!
Ответь,
Где предел тебе,
Воля?
В просторы врываясь,
Года разметав по пути,
Мои табуны
В предзакатном пластаются поле.
Нет власти над ними.
Не смог обратять и пасти.
Вина ль моя в том,
Что прошел по декабрьской дороге,
Не мною придуманной,
С горьким названием –
Жизнь?
Прости меня, месяц,
Попутчик полей круторогий,
За раннюю глупость
Тропинку в степи укажи.
И лунно, и звездно,
И свет из окошка у брода.
Прощально так помню –
Исхлестанный волнами челн...
Стою над обрывом,
Улыбчиво плачу о чем-то:

О раннем,
О позднем,
Да мало ли, друг мой, о чем.

* * *

Пока живешь душа, люби –
Холмы в пути или равнина.
Ты не могла хранить обид,
И потому сама любима.
Как травы юные свежи!
Как осени светла усталость!
Так мало остается жить.
Так мало
Выстрадать осталось.

* * *

Путь - дорога,
Раскатная, санная,
Лихо под гору
Шла до поры...
Все ли отдано
Нежное самое
Беззащитным сердцам детворы?
Сколько помнится,
Сколько не помнится!
Оттого-то и сердцу больней –
Все пронзительней
Свет над околицей,
Чистый свет
Остающихся дней.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

Год 1990 для нашей семьи - черный. Первого ноября мы потеряли нашего старшего сына Глеба. Младший сержант Глеб Михайлович Сопин погиб при исполнении служебных обязанностей в ракетных частях под Красноярском.

Это был талантливый юноша, любил людей и был полон страстного желания утвердить себя в мире. Оставил после себя художественно-литературное наследие. Его ранний уход был чудовищно несправедливым и еще раз напоминал: мир - это стихия, которая бьет, как торнадо: правых и виноватых, врагов и своих... Если бы я верила в Бога, в те дни восстала бы против него. Если Бог - это и есть природа, то обращаться (с пожеланием ли, просьбой...) можно только к себе - туда, где хоть чем-то в пределах видимости можешь распорядиться.

Но человек протягивает руки из своей слепоты разве что до поворота, и то в ясную погоду:

И гений, освещая только миг,
Предвестит тьму, неведомую прежде.
(из стихотворения Михаила 1987 года).

Весной 1991 года могила Глеба оттаяла и требовала подсыпки. Мы с Мишей таскали землю ведрами, и он в сердцах сказал:

- Здесь должен был лежать я, а не он.

Потом будет 12 лет попыток издать наследие Глеба, в конце концов подобие его завета: «Я вернусь! Я все равно когда-нибудь вернусь!..» - исполнится. Книга «Четвертое измерение, или приключения Красной Шестеренки, «храброго» предводителя триуновсов» издана, вот что пишет о книге поэт и издатель Эвелина Ракитская:

«Книга Глеба Сопина – это не просто результат трудов и материальных вложений семьи, желающей отдать должное памяти погибшего. Она является высокохудожественным, оригинальнейшим произведением (вернее, сборником произведений) очень популярного ныне жанра – комиксов для детей и подростков. Однако, в отличие от других книг этого жанра, «Четвертое измерение...» - это РУССКИЕ комиксы, созданные в РУССКОЙ традиции, безо всякого влияния наводнивших наш книжный рынок и зачастую чуждых русскому читателю героев и тем. Несмотря на то, что основные персонажи Глеба живут на далекой планете, они имеют РУССКИЕ характеры, легко узнаваемы и вызывают бурю эмоций у читателя... Книга Глеба Сопина – это россыпи остроумия, кладезь доброты, она отличается прекрасным вкусом, с огромным интересом читается и рассматривается не только детьми, но и взрослыми».

А тогда, летом 1991 года Миша написал стихотворение, посвященное Глебу - «В семье единой».

Здесь все не случайно - от традиционного названия до поставленной в конце точки. Звучит многоголосье. Отец и сын, мать отца и мать сына меняются местами, голоса то

сливаются, то расходятся, как в церковном хорале; порой непонятно, от чьего имени обращение.

«Мне страшно: а вдруг я неволю живущих живым сострадать?..» - это отец.

«Я жалуюсь белому полю, чтоб голос мой слышала мать...» Мать отца или сына? Скорее сына, потому что далее следует: «Мне холодно, мама, я стыну... Мой голос звучит или нет?» Но это же и отец: «Россия, родимая, стыну! Метелит в бурьяне былье.» Это отец постоянно обращается к России, у него заметелена биография, а у сына она только началась. Но сын погиб на службе Родине, и его обращение к России тоже можно считать правомерным.

Потом сын уходит совсем, отец остается один:

«И в снежную тонет пустыню прощальное слово мое...»

Течет мимо ненужное, чужое многолюдье. На других нет вины, ибо нужен только один - тот, кто никогда больше не откликнется. Последняя строчка ставит все на свои места. Хорал пропал, и все до ужаса стало ясным, как в снежный зимний день при ярком солнце, на которое смотреть нельзя - получишь ожог сетчатки глаз:

«Убитому жалуюсь сыну на участь живого отца».

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

Глебу Сопину

Мне страшно: а вдруг я неволю
Живущих живым сострадать?
Я жалуюсь
Белому полю,
Чтоб голос мой слышала мать:
«Мне холодно, мама,
Я стыну.
Мой голос звучит или нет?»
Торжественно. Людно. Пустынно.
Ни слова, ни звука в ответ.
Россия, родимая, стыну.
Метелит в бурьяне былье.
И в снежную тонет пустыню
Прощальное
Слово мое.
Бессмысленно-медленно стыну.
И нет многолюдью конца.
Убитому
Жалуюсь
Сыну
На участь
Живого отца.

ТОПОЛЕК

Подари мне листок, тополек,
Золотого оклада иконку.
Ты своею листвою поблек.
Я своей облетаю тихонько.
Сердцем чувствую
Ласку и боль,

Но второе щедрей выдается.
Мы до грусти похожи с тобой,
Отражаясь в судьбе,
Как в колодце.
Я тебя понимаю, дружок,
До глубинных корней понимаю:
Сколько раз свою душу ожег
О бураны
На подступах к маю!
В балагане для массовых сцен
Одиночкой пропел я во поле.
Был свободным
Меж карцерных стен
И невольником классовой воли.
Путь земной мой
Едва ли далек.
Жизнь нас рубит,
Как яростный конник.
Протяни мне ладонь,
Тополек,
Сквозь решетку
На мой подоконник.

(Любимое стихотворение отца, которое в 1989 году Глеб, уходя в армию, переписал в записную книжку).

БЕЗ КОНВОЯ ЛЕТАТ ЖУРАВЛИ...

В 1990 году в журнале «Наш современник» благодаря содействию В.В. Кожина появилась подборка стихов Михаила Сопина. Этот номер попал в Америку. В городе Монтерее его случайно купил писатель-эмигрант Алексей Коротюков. Сел за пишущую машинку и напечатал: «Вы первый русский поэт, к которому за последние

десять с лишним лет мне захотелось обратиться...»

Письмо пришло в адрес «Нашего современника», оттуда переслали в Вологодское отделение Союза писателей, а те отдали нам.

Миша сказал:

- Уже только ради такого письма можно было жить и трудиться.

Алексей рассказывал о себе. Бывший московский киноактер и киносценарист, журналист, писатель. Уехал в Америку в 70-х годах. Причины выезда не объяснял - впрочем, они прочитывались в его романе «Нелегко быть русским шпионом», первую часть которого Алексей нам подарил.

В романе - тема лживости, пронизывающей все общество сверху донизу. Язва афганской войны. Слежка КГБ. Язык, стиль - все замечательно. Как хорошо этот роман читался бы, к примеру, в журнале «Новый мир»! Какой «бомбой» мог бы оказаться, опубликованный вовремя! Увы, не случилось... Алексей Коротюков напишет свое последнее письмо к нам, так и не узнанный в России, в убогой Монтерейской хибаре, где за стеной будет плакать соседский ребенок, а во дворе хлопать на ветру чужое мокрое белье.

...А тогда завязалась теплая переписка; к ней подключились и я, и Алешина жена. Они присылали нам фотографии с видами на океан, мы удивлялись качеству этой любительской цветной фотосъемки. («Кодак» в России был еще не известен).

Алексей рассказывал, что жизнь в Америке не такая уж простая. Русские эмигранты трех волн держатся друг от друга особняком; у семьи Коротюковых больше друзей среди американцев, чем среди русских. Ощущение нелюбимости, одиночества. Писатели не котируются - американцам достаточно Солженицына.

Разговор переключался на детей. Мы рассказали о гибели Глеба. У Алексея и его жены Ирины - своя боль, сын Тимоша. Рядом - Голливуд, зараза наркомании...

Мы поделились печалью - невозможно издать книгу Глеба. И тут Алексей сделал нам роскошный подарок: прислал заверенные по международным стандартам права на издание своего романа «Нелегко быть русским шпионом» сроком на три года (по замыслу, гонорар от публикации должен был получить Михаил и на него издать Глеба). Думается, у Алеши была тайная мысль: он хотел видеть опубликованным свой труд на родине.

Мы приложили титанические усилия - не ради гонорара, ради Алеши. Я перепечатала роман на машинке, чтобы можно было давать на прочтение без риска утерять единственный оригинал. По рекомендации ездила с рукописью в Самару. Потом появилась

возможность делать ксерокопии, мы рассылали их по журналам. Но журналы закрывались, отовсюду - отказ.

Алексей обещал рекомендовать стихи Миши в «Континент» и еще куда-то... Возможно, действительно что-то было напечатано. Однажды Мише в письме из Киева прислали десять долларов. За что, мы так и не узнали, но купюру долго хранили «на счастье». Письмо прислала знакомая нашего американского друга, которая была в Монтерее, встречалась с Алексеем, он дал ей наш адрес.

Переписка с семьей Коротюковых прекратилась так же неожиданно, как и началась. Это были самые тяжелые годы развала бывшей страны. Мы разыскивали Алешу, как могли, еще несколько лет. Полагая, что почта не ходит через океан, просили бросить письмо в почтовый ящик США людей, которые уезжали туда. Но он больше не отзывался. Не могли и друзья из Интернета...

Не мог он исчезнуть вот так, внезапно. Нет, наверное, в живых нашего Алеши... А книга стоит на книжной полке, на титульном листе надпись:

«Михаилу Николаевичу Сопину, чья боль - моя боль. Алексей Коротюков.»

* * *

Престижные квартиры, развалюхи,
Невольные и вольные рабы,
Апостолы, герои, воры, шлюхи,
Все из нее – из классовой борьбы.
Я понял: эта страшная борьба
Плодит в душе чуму, разбой, усталость.
Взглянул в себя – там больше нет раба,
Но человека тоже не осталось...

* * *

Не знал я одежды
Достойнее лагерной робы,
И света не ведал
Светлей, чем в барачной клетке.
У гроба, Россия,
Дай снять арестантскую робу.
Дай в саване вольным
Во имя твое отойти.

* * *

Много сказано – прошлого ради.
Я уверен: ему же вослед
Мы расскажем о нынешней правде,
Может быть, через семьдесят лет.
Годы бедствий уйдут вместе с нами
В край распятой любви матерей.
Наши вопли останутся снами
Ледовитых бездонных морей.
Не слышать автоматного воя.
А в небесной осенней дали
В первый раз, погляди, без конвоя
Над отчизной летят журавли...

ГРЯДУЩЕЕ - КЛИНОМ

Еще в Перми Миша написал стихотворение, которое было прочитано моей подругой:

И путь мой не длинный.
И плоть моя - глина.
И слезы - озера.
Грядущее - клином.
Прошедшее - ливни
По пеплу разора...

Подруга сказала:

- Этот тот случай, когда мастерство играет против автора, потому что он пишет не от жизни. Вот если бы это сочинил какой-нибудь автор из Латинской Америки, можно было бы признать гениальным.

Подруга жила лакированной обложкой советского образца и не думала о том, что мы как раз и есть Латинская Америка, только... хуже. Через несколько лет она положит партбилет на стол со словами:

- Никакой вины за то, что творилось в стране, у меня быть не может. Я этого не знала.

Михаил видит гораздо больше, потому что смотрит снизу вверх, а вся нелепая общественная громада на него давит. Он уже давно убеждает меня, что из тюрьмы вообще видно лучше. Именно поэтому считает, что пребывание в тюрьме для осознания общественных истин для него было необходимо: «Там сгусток общественного неблагополучия. Слепок нелепостей». Только вот... многовато - пятнадцать лет.

Много лет спустя он посвятит мне стихотворение:

Пора - к исходу все, к исходу -
Уму и сердцу моему
В твою тюремную свободу,
В мою свободную тюрьму...

Мне это покажется почти обидным:

- Почему это моя свобода - тюремная?

- Потому что ты тоже в зоне, только оградка подальше и вышек не видно.

И он был прав. Человек должен распрямляться и становиться свободным изнутри. И уже в тюрьме Миша был духовно гораздо свободнее, чем я, идеологизированно воспитанная.

Понять, что творится в мире, со скованными руками можно. Только вот некому. Народно-то там... темноватый, не пробужденный. А с другой стороны - лучше и не будить, зверя дикого узришь. А потому

И хлопала
Большая
Малой зоне,
Чтоб мелодичней лился
Звон оков.

Многие стихи (начиная с конца семидесятых годов) раздражают, по меркам того времени кажутся почти оскорбительными. (Сопин вообще в течение всей последующей поэтической биографии будет раздражать, хотя по жизни - полная противоположность).

Не убежать, не защититься мне
От вечного заката на окне,
От алчности персон и персонажей,
От дотов, камер,
Моргов и светлиц,
От модных тканей,
Выгканных из сажи,
От маринада чувств,
От грима лиц,
От модных морд
И от безликих мод,
Отравленных лесов, полей и вод,
От униформ,
От вечных норм на корм,
От нюхающих газ слезоточивый,
От братьев пьющих,
От неизлечимо
И беспробудно трезвых
Дураков.

Эти стихи, конечно, никто и не думает печатать, а «на кухне» говорят:

- Миша, ну откуда ты все берешь? Смотри на жизнь светлее!

Комментаторам и в голову не приходит, что здесь налицо последующая история страны в свернутом виде. Обратимся к сегодняшнему дню. «Алчность персон и персонажей?» - кто же с этим нынче спорит! Доты, камеры и морги... к сожалению, их больше чем достаточно.

«Нюхающие газ слезоточивый» - нет, уже не газ - похлеще. Вот насчет норм на корм и тканей из сажи - пожалуй, в начале девяностых пошли изменения в лучшую сторону, за-граница помогла.

Просто удивительно, как поэт постоянно опережает время. Помню, я возмутились строчками «Враги давно друзьями стали и нам на нищенство дают...»: «Друзьями, может, и стали, но что дают на нищенство - это уж слишком». А пару лет спустя Россия стала получать гуманитарную помощь от Германии.

В конце восьмидесятых годов группа вологодских писателей выступала в Череповце. Преподавательница профтехучилища чуть не за грудки схватила Михаила после прочитанные перед ребятами строк:

Вы куда разбрелись,
Исторически нищие мальчики,
На безлюбии людном
Свои растеряв голоса?!

Опасаясь за неправильное воспитание подопечных, она искренне выкрикнула:

- Мы не исторически нищие!

Прошли годы... Увлеченные бизнесом, сексом и еще Бог знает чем, молодые люди все меньше интересуются прошлым страны, попирают святыни, а некоторые регионы бывшего Советского Союза и вовсе откололись, вытесняя русскоязычное население.

Публика набрасывалась на поэта за «чернуху». Но можно ли винить автора за то, что прозреваемая им ситуация оказалась столь тяжелой?

Увлечение социальной тематикой слишком привлекало стихи к быстротекущему моменту, и я говорила:

- Их ждет печальная судьба. Время бежит так быстро, что строки, которые звучат сегодня как прозрение, завтра появятся в передовицах газет. То, что тобой выстрадано, другие преподнесут в порядке конъюнктуры. А ты так и останешься для историков литературы... если кому-то будет не лень потрошить архивы.

- Ну что ж, - отвечал поэт. - «Для нас - по-человечьи умирать, коль жить по-человечьи невозможно».

* * *

Меня пугали:
«Путь прямой тяжел».
Шагал. Решили испытать на робость:
Прикрыли
Многолетним снегом
Пропась.
Я знал - там пропась.
Потому и шел.
В паденье слышал -
Ликовала рать!
Ну что ж,
Для них победа -
Сабли в ножны.
Для нас -
По-человечьи умирать,
Коль жить по-человечьи
Невозможно.

* * *

Иду среди скопищ и сборищ,
Глупцов и пророков.
Иду издалека,
Бог знает, в какое далеко.
И темную ношу несую я,
И светлую ношу.
И друга в печали,
И недруга в скорби не брошу.
Под таинством неба иду я,
По таинству поля.
Людская неволя во мне
И господняя воля.

* * *

Без обуви,
По насту похрустывая,
Прохожу без проторенной колеи.
Далеко, высоко -
Всюду, Русь ты моя:
Недолеты чужие?
Попаданья мои?
Весь наш путь -
Внутри круга.
Бетон - берега.
Видим в недруге друга,

А в друге - врага.
Явно - зло не простим.
Тайно - честь не простим,
Двоедушие личное
Скомкав в горсти:
Углубляемся в масть,
Расширяемся в масть,
Однозначно -
Стремясь выше смертных попасть.
Хором славу поем,
Оглядишься кругом -
Каждый рабье свое
Выжигает в другом.

* * *

Безлюдье. Суда без причала.
Мне горестно, друг мой, до слез.
Давно ли здесь правда звучала,
Как тяжкий поклеп, как донос?
И снова звучат марш-парады,
И снова затравленность фраз...
Не надо встречаться, не надо
С толпой, отражающей нас!
Раздумья, раздумья...
Мир зыбок.
Все то же:
Вот - мост, вот - ручей.
И та же двоякость улыбок.
И те же зрачки стукачей.
И вновь всепокорные люди.
И тот же призыв, что звучал...
Ужель мы всегда у прелюдий?
Мы - общество вечных начал?

* * *

Все мы мним себя в жизни пригорками,
Тратя годы
На зависть, на спесь.
В этом больше смешного, чем горького,
Но, конечно, и горькое есть.
За двойными оконными рамами,
Задыхаясь в духовной пыли,
Умиляемся битвами ранними,
Знать не зная,
А что обрели?
Завтра подвиг безумьем окажется -
Это нынче у всех на виду!
Мысли, чувства -
Как летние саженцы
В оглушающе зимнем саду.

* * *

Ужель до смерти мне отпущен
Путь среди чуждых сердцу вех?
Мольба раскаяний в грядущем
За бесконечный властный грех?
И так - чем дальше, тем суровой?
То слепо кайся, то греши...
На белом поле
Капли крови
Измученной моей души.

* * *

Осенний дождь,
Смывай, смывай со щек
Следы земных печалей и лишений.
Прозрел я свет.
Чего желать еще?
Свободно мыслить -
Значит быть мишенью.
Не крестоносец страшен нам,
Не хан.
России страшен
Власть имущий хам.
Культура хамства!
Из ее тенет
Исхода безболезненного нет.
Лишенная естественного права,
От хамства претерпев, как от врага,
Болезненно, озлобленно, кроваво
История
Хлобыщет в берега.

* * *

Речи без смысла.
Темень за дверью.
Не проповедуй!
Я не поверю
В долгое счастье,
В краткое горе,
В малость ненастья,
В радости море...
В то, что по свету
Ходится просто,
В то, что поэты -
Братья и сестры,
Пустоповерью
Я не поверю.
Не проповедуй
Кровь и победу.
Сносному аду,
Сладкому яду,
Властному зверю

Как я поверю?
В мирные мины,
Доброй простуде,
В то, что безвинных
Нынче не судят.

* * *

Зачем мне пропаганда? Я не слеп.
Устал - не знаю, как сказать яснее -
От мерзости,
Что жрет народный хлеб
Десятки лет,
Нисколько не краснея.
Отчаяние? Нет. Я устаю
От трескотни речей,
От политралли,
От лжеповодырей,
Что обокрали,
На нищенство пустив,
Страну мою.

* * *

Баста. Нет больше сил разлучаться,
В пене красной бежать в никуда -
Для борьбы за вселенское счастье
За годами сжигая года.
Не могу - от политанекдотов,
От смиренных роб дон-кихотов,
От похожестей, тождеств и сходства,
От маразма устал и от скотства,
От притворной общественной спячки,
От пророчащих в белой горячке,
От увечного страха-полона,
От конвульсий дебильных поклонов,
От залапанных истин потертых,
От починов, значкистов, значков,
И дрожат средь живых, среди мертвых
Поплавки моих красных зрачков.
А по ним,
Разъярив себя в игре,
По команде, под рупорный зуд,
Сладострастно хрустя сапогами,
Вожделюбы в шеренгах идут!
От оркестров, от маршей, гавотов
Веселясь, погибая, губя,
Я устал умирать для кого-то
И, наверное, жить для себя.

* * *

Согрелся на стылом,
Ожегся на милom
Душою землею.

А что это было?
А с кем это было?
Со мною. Со мною.
Грядущее - клином.
Прошедшее - ливни
По пеплу разора.
И путь мой не длинный.
И плоть моя - глина.
И слезы - озера.
О доля, за что так?
В двенадцать окошек
Где дом мой лучистый?
Глухая толока.
И род мой подкошен
И вытопан. Чисто.
И слово - улика.
И немость - улика.
А в сердце доньше
На месте калитки
Росинок улыбки
На стеблях полыни.
1982-1988

ИЛЛЮЗИЯ РАЗУМА

Сборник «Смещение» вышел в Северо-Западном книжном издательстве в 1991 году. Я спрашиваю у Михаила:

- Почему - «Смещение»? Что смещается и куда?

- Смещение – как иллюзия разума или плата за безумие добровольного возвращения к тому, от чего пытался удрать, используя голоса, реплики... Симуляция новшества. Смещаются ограниченность разума и мгла безумия в сторону новых храмов и вечных истин.

- А что смещалось конкретно в тебе?

- Понятия, их грузоподъемность. Пытался избавиться от сегодняшнего, чтобы попасть в кабалу завтрашнего-позавчерашнего. Конец света рассматривается как начало расцвета... за которым последует закат мировоззренческого уровня.

- Какой свет кончается?

- Я бы ответил так: приходит осознание невыполнимости задач, изначально виртуальных. Конец света - определение условное. Это скорее захлопывание... аплодисментами, дверью или захлопывание как удаление. Или мимикрия - социалистическая революция, перестройка...

- Можно ли захлопнуть смерть? Удалить под аплодисменты?

- Ты имеешь в виду центробежную силу идиотизма? Или мировые открытия?

- Я хочу спросить, может ли быть у смещения конец?

- Нет. Независимо от того, какое это смещение - колеса телеги или мировоззрения.

Речь идет о фиксированном мгновении. Насколько применима сегодняшняя формула для завтрашнего дня? Что словарь Даля - для Интернета?

Смещение - это продукт не закавыченных человеческих действий. Нам трудно ориентироваться в происходящем, потому что живем по закону навязанного. У нас идея заранее противопоставляется ее реализации, получается раздвоение. Отсюда – путаница. Каждый человек как бы подмигивает собеседнику: «Я понимаю, о чем ты говоришь» - а на самом деле – нет! И смещение - как отход от навязанного, чтобы вернуться к себе! Осознать: что ты потерял? Что приобрел? Кто ты - на ладони времени?

Когда я работал в цирке, там был ручной медведик, перед выступлением его держали на цепи. Он вставал на задние лапы и долго-долго подпрыгивал - вверх-вниз, имитируя бег. Вот так и мы – думаем, что куда-то бежим, а на самом деле, как тот медведик...

Трагедия каждого человека – его проблемы. Трагедия личности, управляющей государством – трагедия народа. Какой ценой обретаем мы доблести наши? Проживая в скудоте, утверждаем, что богаты. ...Смещение – как «раскоряченность» в сознании, когда вдруг понимаешь, что многое не благополучно.

И что самое удивительное – двое будут размышлять 72 часа, абсолютно утерев суть предмета обсуждения, но при этом делать вид, что понимают друг друга. Трудно найти момент сближения. И вместо того, чтобы сказать «да», мы вступаем в конфликты - то есть, делается все, чтобы укоротить жизнь, а не продлить её. Нам необходимо определить-ся в этих размышлениях. Если будем говорить о человеке – результат один. Если об обществе – другой.

- Этот процесс закономерный? Или форма самозащиты?

- О человеке – защита. Об обществе - мировоззренческая усталость. Невозможность закончить одно, чтобы перейти к другому. У любого дела должен быть результат. Вот мы желаем уйти от войны, насладиться победами. И вдруг оказывается, что «победа - дураку награда, для мыслящего - тяжкий крест». У меня есть стихотворение: «И то, что в молодости подвиг, иначе в зрелости звучит...»

...Усталость и самозащита так же условны, как жизнь. Из чего мы вырывались с кровью - возвращаемся к тому же, но уже по доброй воле. Упоительный возврат в тюрьму-казарму, в храм-тюрьму или симуляция возвращения к вере... Причем, все происходит молниеносно. Только подумал – а оно уже воплотилось! Уплотняется разница до мгновения между тобой пропевшим и мною услышавшим.

...Смещение как движение по восьмерке - от разумного к безумию. Чтобы кормить время, человек насаживает самого себя на крючок вместо наживки, делает пируэт и в повороте пытается рассмотреть себя в пространстве... Так меньше разрушается психика, ее защитная часть. Безразличие времени, избыток его ведет к смятению, обезличивает потери, находки, слова уже не соответствуют заложенному в них смыслу.

...Не надо мешать жизни определениями, умершими вчера. Вся она – смещение... чтобы ошибаться, делать открытия, забывать о них и возвращаться к прежнему. Но капелька рассвета рождает восторг.

- У тебя есть тревога, что жизнь коротка?
- Что за ценность обретенной жизни, если другой распоряжается именем моим?
- Где же спасение, выход?
- В уровне самооткрытия - «нимб имени моего». Человек открывает свою неповторимость. И через нее только я просматриваю условность или конкретность происходящего. В отчаянии мы выбрасываемся из существования, как киты на берег... Это крик о невозможности реализовать себя в той среде... почти все-гда зная, что только такой ценой можно заявить о себе в мире безумия. Киты, работающие «на обслугу», не выбросятся.

Я вижу строительство будущего по принципу ласточкиного гнезда. Из маленькой грязючки птаха лепит домик, в котором родятся птички и осенью улетят, но инстинкт рождения непременно приведет их обратно.

В мире, строящемся по подобию ласточкиного гнезда, не бывает такого, чтобы то, что один созидал годами, другой получал за минуту без всякого труда. Если твои действия вызывают у окружающих улыбку хотя бы малого удовлетворения, уход с мировой сцены воспринимается как полная исчерпанность в деле, которое было для тебя музыкой. И тогда уход не так страшен. Просто: «Прощайте, ухожу...»

СМЕЩЕНИЕ

Как формируется калека?
Смещают свет и тьму ума
В бетонной центрифуге века:
Страна - казарма, храм - тюрьма.
Народный голос - рев амбиций.
И друг вчерашний - враг уже.
И выполняют план убийцы
Под лязг затворов и ножей.
И удобряют ниву прахом.
И нет претензий. А к кому?..
И торжествует Молох Страх,
В мешке ведущий
Свет во Тьму.

* * *

Обиды нет
На ревизоров высших.
Их дело – план,
Колонки цифр и строф:

Сочтут рекорды,
Нас бесстрастно спишут
В счет великозапойных катастроф.
Судимым, битым,
Недочеловекам
Нам даже мертвым искажают счет.
Я не пропал. Пришел к исходу века.
Бежит река судьбы моей. Течет.
А где-то над болотами, лесами
Кочуют стаи душ!
Метель, дыми,
Сокрой их, нелюдей,
Кого списали...
Те, кто всегда зовут себя людьми.

* * *

Свечи. Свечи. Свечи в ряд.
В память обреченным
Души-свечечки горят
В сверхдержавье черном...

БРАТЬЯМ МЕНЬШИМ

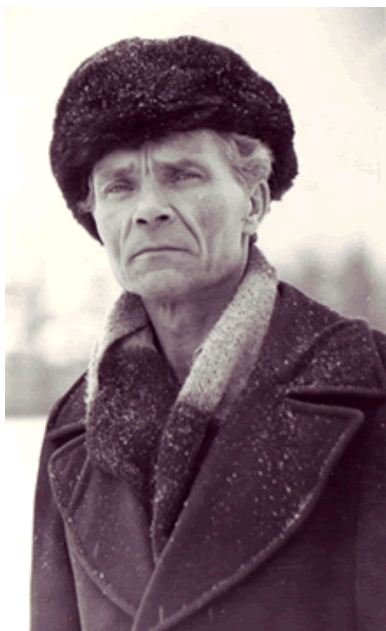
Прирученные братики-звери,
Все пронзительней
Душ наших связь:
Я в загонное счастье не верю,
А иного не будет для вас.
Но нельзя.
Не спастись нам иначе.
Легче тем, кто рожден взаперти.
Только я по ночам
Еще плачу,
Что-то помню о прошлом пути...
То ль леса,
То ли вольное поле,
Где не раз я бежал наугад,
С сердцем,
Рвущемся радостной болью,
Сквозь февральские
Настежь снега.
А теперь от лесов обнищанья
Веет долгая в душу тоска.
Как и вы –
Я себя ощущаю
В индустриальных железных тисках.
Иногда вдруг слышу – завывли!
И зайдусь, задыхаясь в ночи.
Сам из тех,
Что в отстрел не добились,
А теперь вот
Должны приручить.

* * *

Иллюзий нет.
Мой путь почти что пройден.
Каков итог? Осмыслим рубежи.
Впитал, вдыхал я
Ужас «малых родин»,
Чтоб навсегда
Одной, большой,
Страдая, жить.
Жестокий век,
Жестокий личный опыт.
В нем ослепление и прозрение в нем.
И что пришлось, отхлопав, перетопать,
Уж никаким не истребить огнем.
И в отдаленных тех краях не даром
Жевал свой хлеб,
Как жестяной осот.
Оттуда «десять сталинских ударов»,
Из далей тех осмыслил и высот.
Сбрось массовый психоз, народ, не рань
Себя лесами идолов в металле!
Оплачь калек войны, уродцев, рвань,
Их по твоим же просьбам заматали.
Иллюзий нет, душа.
Помыслим, стой.
Вглядишься в фанерки звезд, в погосты-чащи.
Легко произнося: «Тридцать шестой...»,
Мы восхваляем мрак кровотокащий,
Тот, ножевой, жеребий злобой взмах,
С которого начнутся все расчеты:
Смешав идею Господа и Черта,
Чума свила гнездилища в умах...
Пока буржуев превращали в нищих
И тайная плелась интриг игра,
По приграничным росам
Танков днища
Ползли к воротам нашего двора.
Уже повержен Краков. Пал Париж.
О чем молчишь ты,
Каторжный дружище?
О чем с самим собою говоришь?
По проволоке ржавой
Одиноко
Скользит луна.
Свет камерный в окне.
О ней молчишь,
Теперь уж недалекой,
В Прибужье сталью дышащей войне.
Тревожно так.
Тревожно мне. Тревожно.
Вдруг резко обернись -
Глаза в глаза! -

Все та же всеготовность.
Вновь возможно,
Команду дав: «Вперед!» -
Идти назад.
Когда энтузиазм бурлит, нет места
Для личного. Все объединены:
Клеймя «врагов народа», как известно,
Мы глушим мерзость
Собственной вины.
Да, да, да, да,
У нас все это просто.
Достаточно сказать:
«Тьма - свет. Свет - тьма»,
И светоч коллективного ума
Не отличишь от стадного уродства.
Вот только так,
Услужливо, уроды,
Вошли мы в тупиковый гололед.
Лишь только так -
От имени народа
Народ себя
На плаху и ведет.
Прикажут - бьем.
Заставят - возгордимся.
Притопнут - судим.
Совесть не в цене!
И вот идут уж по карагандинской,
По вечной по колымской целине.
Им несть числа. Шагают легионы...
А рядом - автоматы на ремне.
По всей - по всей земле приговоренной,
По той дальнесибирской стороне.
И гул призывов массовых
Неистов!
Гулаговцам-отцам не угадать,
Куда пойдут сыны-рецидивисты:
В разбой, в забой
Иль под плотину, в гать.
И лишь глава убийц пьянел от трона,
И зыркал, шурясь, в город и село.
И сонмы,
Миллионы похоронок
В страну
С востока,
С запада
Мело...

ПРИСПЕЛО ВРЕМЯ МАРОДЕРУ...

В июле 2003 года Миша взял в доработку стихотворение «Бой отгрел...» и написал посвящение: «Моим родимым - Леночке с Вадимом». Запоздалая признательность человеку, который никогда об этом не узнает - он умер в 2001 году. Не узнала об этом и второй адресат посвящения, жена Вадима Лена Кожина. Связь наших семей порвалась.

Вадиму Валерьяновичу, его авторитету, личной заинтересованности Миша обязан своим прорывом в литературу. Он рассказывал, как вскоре после переезда в Вологду был приглашен в гости в Москву. Чтобы создать непринужденную обстановку в общении с бывшим лагерником, Кожин решил обставить это «под спирт». На кухонном столе стояло несколько поллитровых баночек, в которых были налиты в разном количестве спирт или вода. Время от времени мужчины заходили, чтобы прихватить очередную баночку, а Лена (единственная женщина!) бегала по кухне, нюхала оставшиеся и частично подменяла спирт водой.

Вадим достал гитару:

- У меня нет голоса, но я пою душой.

Миша протянул руку:

- Дай-ка я.

Провел по струнам, поправил настройку. Мастер чувствовался сразу:

- Ах, не одна ли дорожка во поле...

Да и ту прометет добела.

И не надо ни доли, ни воли,

Кроме той, что ты, Русь, мне дала.

Напряжение «хрустнуло». Кожин подхватил песню. Много было спето в тот вечер, а эта осталась главной.

А вот как муж рассказывал об отъезде из Москвы. На вокзал шли с кем-то вдвоем, конечно, пьяные, и в пути друг друга потеряли. Деньги остались у приятеля, а где его искать? - может, уже под забором уснул или милиция прихватила. Миша вышел на перрон, где уже стоял поезд «Вологодские зори». Завтра с утра на работу. В отчаянии зашел в вагон и забрался на верхнюю полку.

Застучали колеса. Проводник пошел проверять билеты...

- Я признался сразу, - вспоминал Миша. - Попросил: «Только не ссаживайте меня. Выпишите штраф и доведите до Вологды». Проводник так и сделал. Штраф пришел на фабрику «Прогресс», Миша сразу его уплатил.

Время от времени Кожин приезжал в Вологду, Мишу приглашали на встречи. Как-то вологодские писатели сняли прогулочный теплоход и поехали по Сухоне на родину Николая Рубцова - там должно было состояться открытие памятника поэту. На палубе Сопин и Кожин сидели вместе за столиком, и кто-то сказал:

- Смотрите, два Кожина.

По интересной случайности они были не только одного возраста, но и похожи внешне.

Дома у нас Кожин не бывал, но однажды попросил приютить на несколько ночей незнакомого человека, пока тот не найдет постоянное жилище. Наверное, подумали мы, такой же бедолага, как некогда Михаил... Мы эту просьбу выполнили, но дружба не продолжилась - кажется, протеже в Вологде не задержался. Даже имени не помню.

После журнальной подборки 1992 года в «Нашем современнике», где было напечатано стихотворение «Бой глуше. Дальше...», Вадим Валерьянович позвонил в Вологду. Поздравил, и все повторял:

- Миша... Миша...

Создавалось впечатление, что он то ли задыхается, то ли плачет. (Миша был растроган, растерялся, поделился со мной: «Я даже сначала подумал, что он пьяный»).

Это стихотворение Кожин цитировал в своих трудах и в телевизионной передаче, а в одном из частных разговоров о Михаиле сказал: «Это провидец».

Когда Миша, рассказывая по телефону о выходе очередного сборника, сказал, что поэтической биографией он обязан ему, Вадиму Валерьяновичу, тот ответил:

- Жене скажи спасибо.

И все же, по крупному счету, Кожин о Сопине-поэте не написал. Почему? В личном разговоре объяснил это мистически:

- Я, Миша, боюсь о тебе писать, потому что всех, о ком я написал, уже нет в живых.

Но мы с Михаилом думали, что есть тому более глубокая причина. Кожин сказал правду, когда в 1982 году на встрече в Доме литераторов в Москве мне разъяснил:

- Я поэзией больше не занимаюсь. Перешел к истории.

Он действительно не хотел больше заниматься современной поэзией, но это ему не удавалось. Приходили такие, как мы, за помощью, и он не мог отказать. Посильно содействовал. Но возможностей оставалось все меньше - и, похоже, сил тоже.

Через год после выхода сборника «Предвестный свет» в журнале «Москва» появилась рецензия его аспирантки Ларисы Барановой-Гонченко «Это я пробиваюсь через поле судьбы...».

В последний раз Миша встречался с Вадимом Валерьяновичем в Вологде уже в разгар перестройки. Кожин сказал:

- Принеси стихи. Я сам отнесу их Стасу Куняеву (редактору «Нашего современника»).

Миша ответил, что в журнале уже есть несколько подборок, а дома, еще раз обдумав ситуацию, решил, что нести ничего не надо. Видимо, у журнала в то время уже были другие ориентиры.

- Не все в моей власти. Но огорчаться не надо, - говорил Кожин.

Имена не назывались, но полагаем, речь шла о тех, кто вырос на кожинском авторитете и после смерти сделал его своим знаменем. «Приспело время мародеру по душе смертную мою» - похоже, Кожин применял эти строчки и к себе...

Крупная и неоднозначная это была фигура - Вадим Кожин. Миша попытался сформулировать свое впечатление:

- Чем дальше он отходил от работы, достойной масштаба его личности, тем больше поворачивался лицом к одиночеству.

Безусловно правильной Михаил считал позицию критика «не замечать» в поэзии то, что ему не близко. Но если заметит «искорку», будет с этим человеком работать.

Эту позицию Сопин перенял, когда ему выпало недолгое счастье общаться с молодыми авторами в Интернете:

- Критика должна быть сестрой милосердия у постели тяжело больной поэзии.

Готовя эту публикацию, я достала две подборки из «Нашего современника», за 1990 и 1992 год, и сначала хотела их объединить. Но вдруг поняла: не складывается! Слишком много в жизни общества произошло за эти два года. Изменилась и поэтическая интонация Михаила Сопина. Она стала жестче, живописность строф все более сменялась графичностью. Почти уходила присущая ему в ранний период распевность, а если и появлялась - скорее как скоморошничество. Вместо лирической эйфории: «Без конвоя летят журавли...» - «Исход мой ясен. Враг дал деру. Припело время мародеру...»

Публикация 1992 года в журнале «Наш современник» была последней. Больше в центральной прессе муж не печатался.

Из подборки, опубликованной в журнале «Наш современник» в 1992 году.

* * *

Моим родимым – Леночке с Вадимом

Бой глуше. Дальше. Стороной.
Я обречен державной кликой
Беззвучно плакать
Над страной
В период гласности великой.
Чем больше павших и калечных,
Тем громче слава о войне.
И страшно то,
Что страх во мне
Истлел.
Испеплился.
Навечно.
К тому и шли, мечту веков
Осуществив впервые в мире!
Дым разнесло, в державном тире –
Ни белых, ни большевиков.
Кто устремился к грабежу,
Кто – к ностальгии о тиране.
Прижав ладонь к тяжелой ране,
Один на бруствере лежу.
Мне, отшагавшему в строю,
Сценарий ясен:
Враг дал деру.
Припело время мародеру –
По душу смертную мою.

* * *

Нечем думать.
И веровать нечем.
Пролетарии, проданный класс,
Новый век,
Опускаясь на плечи,
Индевет от вымерших нас!
К небу,

В землю –
Землистые лица.
Церковь в куреве снежном,
Как челн.
Вздеты руки –
Крушить ли, молиться?
Но кого?
Но кому?
Но о чем?..

* * *

Стой...
Че-ло-век...
Застыл я, не дыша.
Ржавь проволоки,
Пихты да березы.
Я камень сдвинул,
А под ним – душа.
Прильнул к травинкам –
Зазвенели слезы.

* * *

Иду по закатному полю.
Приучен к побоям, к ярму.
Меняю напасть на недолю.
Свет –
На пустословную тьму.
Эмблему, кокарду, одежду...
Столетиями так.
Почему
Меняем ханжу на невежду?
Не учит нас мир ничему:
Россия. Снега. Занавески.
Безлюдна дорога. Пуста.
Но гордо мычат
По-советски
Зашитые болью уста.

ОБЩЕСТВО

Приливы да отливы,
Как утлое тряпье,
Смывают торопливо
Сошествие твое.
Грай воронов о благе.
Ветр созиданья сед.
И на багряном флаге
Слезы горячей след.
Фатальная картина?
Духовный недород?
Шамана на кретина
Меняешь ты, народ.

* * *

...Но в сердце смертном
Три колодца
Материковой глубины:
Былое - без конца и края,
Грядущее - без берегов,
И нынешнее - где сгораю
От брани братьев и врагов.

* * *

Опять лютует боль в груди.
Глаза не видят строк.
Шепчу себе:
Не уходи,
Еще не кончен срок.
Пока ворочается мысль –
Усталость не беда!
Присядь,
«С вещами» соберись,
Как в давние года...
Тревозно в нашем шاپито –
Последний ли скандал?
Но не суди
Рабов за то,
Чего им Бог
Не дал.

* * *

Гляди, душа,
В снежинках млечных лица.
Они во сне
Врачуют сны людей:
Богатым – рай,
Голодным – пища снится,
Толпе – волхвы,
Ущербным – блуд идей.
Такие мысли
Над страницей белой...
Пока пуста –
Ни света в ней, ни тьмы.
Клясть нечто и бранить –
Пустое дело.
Все в нас самих.
Россия – это мы.

СУЖДЕНО ЛИ НАМ ВЫЙТИ ИЗ КРУГА?

В 1990 году Вологда бурлила, как и вся страна. Возникали и рушились политические партии, по почтовым ящикам раскидывали листовки, происходили перезахоронения жертв политических репрессий. Люди митинговали в скверах и на площадях. На Кремлевской площади предложили выступить вологодским писателям. Миша тогда еще не был членом Союза писателей, но хорошо читал, и его охотно при-глашали для публичных выступлений.

До сих пор эти выступления обычно были для него малоинтересными: «обязаловка» в школе, случайная публика в библиотеке... (Как юмористически оценивали такую деятельность сами члены Союза - «отпичковались»). А Михаил жаждал общения с массами, хотел видеть полный зал военных, молодежи. Наибольшее удовлетворение принесло выступление в вологодской мужской тюрьме (по приглашению политотдела). Сразу установился контакт с аудиторией, довольным осталось и начальство. Михаил знал, что говорить.

И вот ему впервые предстоит читать перед сотнями слушателей на площади. Мы решили выбрать коротенькое - выступающих много, Михаила явно выпустят в конце, когда публика уже устанет. Нашли три-четыре «забойных» стихотворения. Наконец, муж остановился на единственном, в десять строк.

Площадь есть площадь. Кто-то, придвинувшись, слушает, в задних рядах движение, переговариваются, жуют. Среди публики, как положено, заместитель первого секретаря обкома КПСС по идеологии.

Все настроены благожелательно, выступающие оправдывают ожидания, им хлопают. Звучат стихи о любви к Родине, к природе в традициях Николая Рубцова. И вот настает очередь Михаила. Он берет в руки микрофон и читает медленно, чеканно:

МОЛИТВА

Спасибо, Господи, ты спас
Меня от раболопья масс,
От гостеррора - зверств людских,
От государственной тоски,
Пророчащих нетопырей,
Отцеубийц,
От лагерей,
От бомб, от пуль,
От века спазм -
От голосующих за казнь,
От вьюг, что в сердце мне мели -
Гослжи,
Госпьянки,
Госпетли.

По многолетнему партийному опыту, по неуловимому «дуновению» среди слушателей идеолог с первых строк чувствует, что происходит что-то не то. Она протискивается вперед и пытается вырвать у Михаила микрофон:

- А вот этого не надо!

Но рядом оказывается мужественная радиожурналистка Татьяна Файнберг. Она подает Сопину свой микрофон, что позволяет поэту дочитать до конца, а Файнберг записывает выступление на пленку и стихи звучат по радио.

Время демократического подъема, искренних надежд. Но у Михаила уже нет той эйфории, с какой он вышел из тюрьмы искать свободу. На выборах мы голосуем за правое крыло, а стихи - уже без иллюзий:

Суждено ли нам выйти из круга
Нищих благ, планетарных потерь?
Суждено ли понять нам друг друга
Не когда-то потом,
А теперь?!
Суждена ль нам
Гармония в целом,
Если тело и дух не равны?
Если ваша душа не мертвела
На гигантских
Этапах страны?
Если ваша свобода - в субботу?
Через пеплы,
Кровищу и грязь,
Я ходил умирать за свободу,
Обретенной
Неволей гордясь.

В те месяцы на демократической волне родилась новая газета «Русский Север». А в 1997 году туда приходит отличный журналист и фотомастер Алексей Колосов, бывший собственный корреспондент «Комсомольской правды», друг десантников и пограничников. Раз в неделю Алексей выпускает приложение к «Русскому Северу» под названием «Среда» и для повышения читабельности приглашает Мишу. Обычно это выглядело так: полоса читательских писем, выражающая спектр общественных мнений. В центре фотография (коллаж) и стихотворение.

Регулярные публикации в этой газете продолжались в течение двух лет и играли огромную роль в пропаганде творчества Михаила. Иногда ко мне подходили малознакомые люди и говорили о признательности к поэту. На вопрос: «Откуда Вы его знаете?» - ссылались на «Русский Север».

Из подписей к фотографиям и коллажам, опубликованным в «Русском Севере» в 1998–1999 годах.

Портрет ветерана войны с орденом в нищенской одежде.

Умудриться бы в этой стране
Как-нибудь
Без ночных визитеров
Свой крест дотянуть.
Для кого и зачем
Я все это пишу?

Свое сердце
От яростной боли гашу:
Целовали меня
Сапогами вчасос.
И войну,
И тюремный режим перенес.
Значит, здесь я не лишний.
Знать, для судного дня
В летописцы Всевышний
Готовил меня.

Коллаж: старуха-калека идет мимо храма.

Не поймешь – какого рода
Наша жизнь без злых вестей?
Пусто власти без народа.
Шиш народу от властей.
Дума дремлет на экране.
За окном – метель жнивьем.
С каждым годом –
В брань из брани.
Ничего, переживем...
Съезд партийный. Гость Китая.
С троеперстием, с пестом
Кособочит Русь святая
Меж Коммуной и Христом.

Фотография: монах в молитве.

К исходу день.
Хлеб черный есть на ужин.
Я никому -
И мне никто не нужен:
Ни друг, ни враг,
Ни раб, ни господин.
Я в этот мир,
Прекрасный и позорный,
Распяленный свободой поднадзорной,
Один пришел
И отойду один.

*Коллаж: торгующая толпа на перроне, из окон поезда свешиваются заграничные вещи...
На переднем плане – глава правительства России Виктор Черномырдин с зажженной свечой.*

Рухнули своды идей.
Красные, звездные своды.
Призраки вольных людей
Стонут под игом свободы.

Фотография: женщина перед строем ОМОНа, а вышедший вперед человек что-то ей злобно внушает.

Где-то мыслят.
Наши только верят.
Прикрывая верой зад и перед,
И уже который век подряд
С пьяною слезой,
Под «аллилуйя»,
Проклинают жизнь свою былую
И о новой,
Светлой говорят...
Продолжайте обольщать надеждой.
В самоупоении лгите вновь,
Чтоб опять под серую одеждой
Черною
Взбурлила злобой кровь.
Было!
На округу шла округа,
Брат – на брата:
Резали друг друга.
Левое и правое крыло
Красною метелью замело.

Коллаж: нищая старуха на фоне правительственного дома в Вологде.

Дерзаем, строим,
Гробим разом.
Влачим проклятий котому.
В правах
Не восстановлен разум.
Наш путь – свидетельство тому.
Глядит Всевышний,
Брови хмурия.
Он знает –
Счастье не для нас.
Но пролетарской
Дикой дури –
Астрономический запас!
Живем-живем,
А жизни нету.
В злом милосердии своем
Идиотизма эстафету
В грядущий век передаем.

Фотомонтаж: Ленин, стоя у сломанного автомобиля, почесывает затылок.

Товарищи и господа -
Мольба моя летит безусто:
Нас смысла
Смутная вражда,
Остановитесь от безумства!
К концу столетья –
В никуда

Опять пришли,
Сложив знамена.
Остекленевшая беда
Нас окликает поименно.
Куда мы завели страну?
Не миф ли –
Мечущийся гений?
Замерз рассудок наш
В плену
У бело-красных привидений.

Коллаж: могила с крестом, а позади - гигантской тенью женщины с портретом президента Бориса Ельцина.

Тропа дана. Сума дана.
Любви отведен час.
И приговоров письмена
Начертаны для нас.
Играет власть –
Все карты в масть.
Власть сирых – плеть судьбы:
Назад – столбы.
Вперед – столбы.
И по бокам – столбы.
Защиты нет. Пощады нет.
И свет в окне крестов.
И от тенет, и от клевет
Бессилен Храм Христов.
Так назревает для страны
Проблемы острый нож:
Не Богом мы разделены
На нищих и вельмож.
Одним – в цари,
Другим – в псарь,
И предreshен вопрос?
Нет.
Умирает псарь,
Как царь,
И царь гниет,
Как пес.

Фотография: потасовка на улице, лозунги, человек в каске...

Команды, колонны, этапы –
Безродных кочевников шать...
И стали российские бабы
Жить на смех
И наспех рожать.
Страну разрушают обиды –
Бессрочный и наглый цинизм:
Убиты,
Убиты,

Убиты,
Отпеты, пропиты, забыты!
Преступен такой «гуманизм».
Мы сыты идейною манной.
Все дорого в жизни в свой час:
Старайся, страна,
Быть гуманной
С живыми.
Сегодня.
Сейчас.

Коллаж: дубинками разгоняют толпу, а над всем этим – икона Богородицы

Депутаны, федерасты, тати,
Сколько драться будете за трон?
Душам женским отдышаться дайте.
Тяжко им рожать –
Для похорон.
Отдыхаться бы от войн,
От зон
Ради поколений в обороне...
Голосует скопище воронье.
Тяжкий
Агрессивный
Длится
Сон.

Фотомонтаж: женщины кормят грудью детей под картиной на религиозную тему.

Так мало в нас тепла.
Так много стыни.
Замерзло европейское окно.
Ни свет социализма,
Ни святыни
Сожженные
Не греют нас давно.
На фоне снега
Видятся мне лица
Полуконвоя,
Полукаторжан.
И снится, снится,
Будто мы – столица
Иноплеменных северных южан...
Замри, душа!
На ветках – снегири!
Надсаживает сердце
Краткость лета:
Нам не хватает
Теплоты и света.
Нам не хватает
Солнца изнутри.

ЧЕМ ГЛУШЕ МУЗЫКА ЛЮБВИ... (ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД)

Через год после смерти Глеба возвращался его призыв. Петя, тогда еще студент-виолончелист музыкального училища, играл в камерном оркестре. У ор-

кестра не было постоянного помещения, адреса репетиций и концертов менялись.

Иногда в залах было холодно (плохо топили), и страшновато было за артистов, которые играли во фраках и легких платьях, в то время как слушатели сидели в шубах.

Однажды во время такого концерта в зал зашли двое молодых людей в военной форме - они искали меня. Представились: бывший сослуживец Глеба Слава Цветков из Подмосковья с товарищем. Военнослужащие попросили меня показать Петю. Мы потихоньку вышли в фойе. Ребята рассказали, что едут домой из армии и вот сделали крюк, чтобы посмотреть на брата Глеба - похож ли? Нашли, что очень. Я стала зазывать в гости, но они, извинившись, отказались: дома у нас уже были, а теперь торопятся на поезд.

Я вспомнила эту встречу через два года, когда в воскресенье 3 октября 1993 года в зале Вологодского музыкального училища звучали трагические аккорды симфонии Дмитрия Шостаковича в исполнении гастролирующего симфонического оркестра. Но мы еще не знали, что в Москве стреляют.

Возвращение домой было ошеломляющим. Мы с Мишей провели бессонную ночь у телевизора и приемника. Мише показалось, что в одном из интервью для радио, взятом на площади у Белого Дома, прозвучал голос нашего друга, молодого режиссера документального кино из Санкт-Петербурга Саши Сидельникова, который делал в Вологде фильмы с участием Михаила. Часть этих кадров снималось у нас дома.

- Дядя Миша, - спрашивал Саша, - а что такое для Вас понятие Родины?

- Я здесь живу, и все, что с ней происходило, происходит и будет происходить - мое. Надо понять, чего нам не следует делать, хотя бы для того, чтобы не делать хуже... Посмотри, как мы ведем себя на Родине - то ли как на случайно оккупированной территории, то ли в хлеву: страшно ногу поставить, чтобы не очутиться в дерьме. Нам на гербе вместо медведя надо мусор прицепить, чтобы помнили, где живем. Пробьешь верхушку корки, на которой обитаешь, и очутишься от внезапного потока зловония.

Сейчас Родина - как страдающий больной. А человек на ней должен чувствовать себя, как младенец на груди у матери: защищен и накормлен; свободно, уютно и не страшно. Красотой, добротой должен быть привлечен. Чтобы каждого, кто уехал - в Прибалтику ли, в Америку - посещала мысль: «Надо поскорее купить билет, съездить домой, в Россию...» Это и есть любовь к Родине. И если я увижу у себя в доме неблагополучие - разве не скажу об этом? Все, что я делаю в поэзии - мой метод защиты свободолюбивых, нормальных отношений...

И вот теперь неведомый нам столичный радиожурналист, узнав известного документалиста, спрашивал у него - каково настроение в российской глубинке? И тот отвечал в свойственной Сидельникову манере:

- С Российской глубинкой - нормально...

Так мы узнали, что Саша, как всегда, в центре главных событий.

Весь день по Российскому радио в перерывах между репортажами и перестрелками звучала песня Б. Окуджавы:

«Не обмануться бы во мраке: чем глуше музыка любви, тем громче музыка атаки...»

А вечером стали передавать списки погибших. Среди них был назван кинематографист из Санкт-Петербурга... Александр Сидельников. Снайпер убил его со спины. Попасть в Сашу было нетрудно: ростом - почти под два метра, богатырского телосложения, он всегда возвышался над толпой. Стреляли по человеку с кинокамерой.

В Мишиной книжке «Девяносто третий год» всего семь страниц. Серийное производство рекламной библиотечки, задуманной в целях поддержки нищенствующих поэтов. Сборник-проспект тиражом в 1000 экземпляров издавался в Москве согласно Федеральной целевой программе книгоиздания России. Предполагалось, что авторы эти книжки будут продавать или распространять и таким образом о себе заявят. Будучи в столице, я сложила тираж в две большие сумки, хотела часть оставить в московских книжных магазинах, но... оказалось, что платить за продажу и хранение придется дороже, чем от того выручка. Увезла все в Вологду. Конечно, мы ничего на этом не заработали. Раздавали, дарили...

Великое дело делал Союз писателей России этой акцией. Поэтам давали понять, что их творчество может быть востребовано.

СТОЛИЦА

Открывай, столица, врата,
Гульче бей, звонарь, в набат:
Убивают братец брата,
Смертным боем -
Брата брат.
Ржава память!
Мысли ржавы!
Девяносто третий год!
По державе
Две державы -
Красный сход
И крестный ход.
Триста лет, не третьи сутки
Дикий лай, стервотный вой -
Скопары и проститутки
Над Россией становой.
Орды. Морды.
Кто? Откуда?
Вурдалаки во главе.
Тянут лапы зла и блуда
К древней белой голове.

* * *

Александру Сидельникову

Преступную в злобе,
По-детски святую,
Туземью,
Богатую, нищую,
В вере слепую, тебя,
Больную, хмельную,
Чужую, родимую землю,
За все до удушья,
До спазм ненавижу,
Любя!
Ты вечно, Россия,
Была замордованным краем:
Воюют брат с братом,
С семьей враждует семья.
До нас пропадали.
И мы, не живя, отмираем.
Зачем же, скажи мне,
Уходят твои сыновья?!
Не плачь, мое сердце,
Не жди в этой жизни привала.
Нас матери наши
Затем ли рожают на свет,
Чтоб властная клика
На наших костях пировала?
Иначе у нас не бывало.
Не будет.
И нет.

* * *

Крестили - тебя не спросили,
Раб божий, земной человек.
Идет «пробуждение России»,
Двадцатый кончается век.
И длится, все длится и длится
В веках затянувшийся сон.
Во сне перекошены лица
Идейно озлобленных зон.
Страна, сочиненное чудо,
Прощай, суеверья игра.
Пора уходить ниоткуда.
К себе возвращаться пора.
Мечтанье - продление обмана,
Кукушка в декабрьском лесу,
Мосток из огня и тумана,
Качающийся на весу.

* * *

За фронт
И за опухший тыл,
За жертвы,
За громил,
За старших пил,
За младших пил,
За то, что свет не мил.
За «Землю Малую»,
За Курск,
За-за-за-за-за-за...
За «развитой»,
За «верный» курс,
Самоубийц глаза.
За Млечный Путь,
За красный брод, -
До донышка - до дна!
За оболваненный народ.
А чаша все полна.

* * *

В передрабасветном
Стоне сухожилий
Шуршит усталость,
А не благодать.
Мы за Россию
Стольких уложили,
Что уж самой России не видать.
Сгорает память.
А по гарям - зимы.
И в этих вечных зимах
Я поблек:
Так тягостно мне,
Так невыносимо
От героизма нищих и калек.

* * *

Церковь - словно погасший фонарь.
Не пойму - слышу звон или помню?
Не зови меня,
Новый звонарь,
На поруганную колокольню.
Нет у веры былой.
Нет огня:
Много минуло,
Все ль миновало?
Я тебя не спасу,
Ты - меня,
Как в нашествие ревтрибунала.
Зависть правит толпой и азарт,
Срам и страх с круговой порукой.
Не зови.

Не вернусь я назад.
Мертвым звоном меня не аукай.

БЛАГОВЕСТ

Едва под звоны
Отворили храмы,
Как хлынули толпой
В дворяне хамы.
Не дай нам Бог,
Изменится погода -
Не миновать
Семнадцатого года.

МАТУШКА

Величают тебя белой лебедью,
Свет-Ярославной.
С безответным вопросом
Подхожу к тебе, как по ножам:
Христианка ли ты,
Если ты не была православной?
Православна ли ты,
Полосуя плетью прихожан?
Что ж вы, братья по вере,
Мужиков забивали в колодки
И вели на торги
Продавать православных, как скот?
И шалел от бесправья мужик,
Как от яростной водки,
Наспех лоб осенив,
Торопился в дубраву на сход.
Ой, не раз ты, не раз
Спотыкалась, Россия, на ровном:
То приказ, то указ -
Проявление высших забот.
Разъясняли друг другу
Православные волки и овны:
Общей Родины нет,
Есть своя у рабов и господ.
Непролазная ложь,
Будто прежде любили друг друга.
Отвернулся Господь?
Государю и нам не помог?
С головами накрыла нас всех
Бело-красная вьюга,
И семнадцатый год
Совместил эпилог и пролог.

ПЕВЦЫ

Певцы-слепцы,
Нам было так по нраву,
Свой край любя,
Воспеть над ним расправу.
Мы, славя слепо,
Приближали день -
День погребенья
Русских деревень!
О как звонко медально лесть звучала -
Разбойный улюлюкающий гимн!
С тех самых пор положено начало
Губить - одним,
А каяться - другим.
Российский панихидный день -
Наш праздник:
Гуляй, круши,
Чтобы в конце концов
За море слез,
Немыслимые казни
Посмертно обвинить вождя слепцов.
Отчизна, через сомкнутые веки
Я плачу о себе,
О человеке...
Сам пред собой - в закате золотом -
Слепой пастух,
Растоптанный скотом.

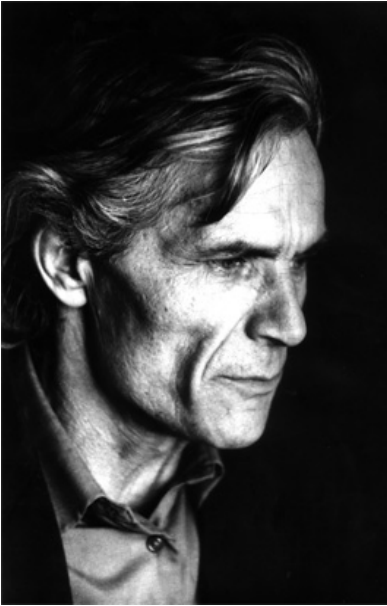
МУЖИК

Недавно в гости не просили -
Сегодня грабят.
Воронье,
Не надо каркать о России,
Вы трижды предали ее.
Кровь полевая не остыла.
Непостижимо:
Не враги -
Извечные каптеры тыла
Опять сгибают в три дуги
Того, кто мыкал все напасти,
Да в самый смак,
Да в самый шик
Тебя, Архангел серой масти,
Российский спившийся мужик!
Не от трудов душа сломалась,
От вечной жи
Ты сдал хребтом,
И если б выпрямился малость,
Стоял бы в уровень
С Христом.

* * *

Запеть бы мне,
Да голос тих.
Едва подумаю о добром,
Бьет сердце изнутри по ребрам,
И бред слетает с губ моих.
И явь мне шепчет:
Не трави
Живых! Пой в пустошь на причале.
Вся наша слава на крови -
Идейный полигон печали.
Не примирив народ и власть,
Служивых со сторожевыми
Дано нам
Вечно мертвых клясть
И лебезить перед живыми.

ОБУГЛЕННЫЕ ВЕКОМ

«Мы входили в жизнь без идеологических шор, с широко распахнутыми глазами от бомб 1941 года. Мои откровения не давались мне через лозунги и декреты. Всегда через личные потери, через страдания. Мы искали в правителе высшего судию, а находили в рабе палача. Мы жаждали от сильного покровительства, а находили в слабом садиста. Мы искали в незнакомом друга, а находили в кровном врага...

Мы собачьими глазами просили у общества участливой нежности, а общество обеспечивало нас ненавистью по высшей категории. Материнскую ласку, друга, любимую, свободу, пайку и махорку нам годами заменяла ненависть. Так было до тех пор, пока я не увидел, что ненависть плачет беспомощными слезами... Почему? Потому что наша ненависть являла собой бессмысленную, щенячью форму самозащиты, рассчитанную на милосердие от обнаженной общественной дикости. Мы входили в мир без идеологических шор и уходим без иллюзий.

Именно это укрепляет меня в убежденности: рано или поздно, при мне это произойдет или без меня, если ненависть способна заплакать покаянными слезами, Родина неизбежно обретет чело-веческий облик. Так думаю. Над этим работаю» - таким предисловием начинается сбор-ник стихов «Обугленные веком» (1995 год). Точнее концепцию своего творчества Михаил не выразил, пожалуй, больше никогда.

Изданием этого сборника он обязан Совету самоуправления (так тогда называлась городская Дума) и Администрации города, а инициатором выступил депутат-коммунист Владимир Громов. Удивительным образом за стихи Михаила хватались представители самых разных политических течений: им казалось, что он бьет их врагов, и только потом соображали, что в такой же степени это повернуто против них.

Володя - бывший железнодорожник, которого мы более знали как исполнителя бардовских песен и прекрасного, чуткого человека. Бывал у нас дома. Обладал редким по проникновенности тенором, играл на гитаре. Ему Миша посвятил одно из своих лучших стихотворений «Слева - чаща. Леса...», которое мы полюбили в его исполнении.

К тому времени, как мы подружились, Володе было за сорок. Он имел высшее инженерное образование, но трудился машинистом тепловоза (здесь больше платили). Работу любил - в его рассказах о дальних рейсах много поэзии. Но вот выработаны годы, необходимые машинисту для получения пенсии, а сил еще достаточно, в душе неудовлетворенность. Володя вступает в Коммунистическую партию и с головой окунается в политику. Сначала он становится одним из самых видных депутатов городского Совета самоуправления, а потом делает головокружительный взлет - по спискам КПРФ проходит в Государственную Думу. Мы догадывались, что поддерживая Михаила, Володя рассчитывал привлечь его к агитационной работе. Стихи нравились, и компартию Громов поддерживал искренне, только, думается, идеалы КПРФ он больше сочинял... Миша утешал: «Володя,

не переживай. Для меня неважно, сколько партийности в человеке – важно, сколько человечности в партии».

(Через четыре года Громов вернется из Москвы и отойдет от политики. На распросы будет только с досадой махать рукой, да мы и не станем спрашивать. По слухам, он хотел сборником «Обугленные веком» поразить товарищей по партии, но не встретил поддержки. Стихи никуда «не пошли», чему мы только порадовались).

А сборник остался... По тональности он близок к «Десяносто третьему году», стихи жесткие, часто афористичные. Очень много посвящений. Миша говорил: «Что я могу сделать для людей, которых люблю? Подарить стихотворение. Другого у меня ничего нет...»

Однако в целом от книги - неудовлетворение. Отделение Вологды от Северо-Западного издательства привело к тому, что квалифицированные редакторские кадры остались в Архангельске, своими Вологда так и не обзавелась, а мы навсегда потеряли поддержку Елены Шамильевны. В непредсказуемой политической обстановке и ожидании очередного дефолта выделенные средства надо было использовать молниеносно. Сборник «Обугленные веком» (230 страниц) составлялся в спешке. Миша с другом подбирали опубликованное в газетах (якобы прошедшее редактуру, что на самом деле было не всегда). Несмотря на серьезные удачи, сборник оставлял впечатление «сырого». Незадолго до смерти Миша взялся его переработать. Некоторые исправления нам с сыном потом показались спорными... Спорным кажется и художественное оформление, хотя оно делалось в соответствии с пожеланиями автора. Тем не менее... если бы мы тогда не собрали эти стихи вместе, то и вовсе растеряли бы их.

...Одно мы отсылали, другое забирали случайно зашедшие знакомые. Потом хваталось - оказывалось, что самое удачное неизвестно где. Миша стал печатать под копирку, но копии тоже терялись, а горы недоработанных стихов, к которым автор потерял интерес, росли.

Время от времени я пыталась систематизировать рукописи, но получалось плохо. Михаил все рвался вперед, многое оставалось на уровне заявок. Все это складывалось в пачки, которые перевязывались тесемочками. Миша обещал, что к этому вернется, но становилось все яснее, что это время вряд ли наступит.

Бумаги заполняли квартиру, собирали пыль. Однажды я жестко за них взялась. Делала рукописи на несколько кучек: номер один (удачное, но чуть подработать), номер два (отдельные ценные строчки и мысли) и номер три – копии, на выброс. Печки у нас не было, уличный контейнер Миша использовать не хотел. Мы набивали рукописями хозяйственные сумки и увозили за город на свой картофельный участок - сжигать. Когда у Миши серьезно заболели органы дыхания, врач потребовала капитальной чистки квартиры. Унести рукописи было некуда, возить для сжигания не стало сил. Я все-таки упаковывала их в газеты и бросала в мусорку...

Сначала дело шло довольно бойко, среди ранних стихов слабого попадалось много. Но потом я все чаще оказывалась перед фактом, что выбрасывать практически нечего. Наконец, сказала: «А в этом разбирайся сам».

Груды бумаг долгое время лежали на подоконнике. Порой я вытаскивала что-нибудь из середины для журналистских нужд, и если видела в стихотворении удачную мысль или строку, подсовывала для доработки. Часто такой ход бывал плодотворным.

... Муж вернулся к сохраненным стихам незадолго до смерти. В последние месяцы нового не писал, но охотно правил: это было не только занятие для души в тяжелой больной обстановке, но и отвлечение от физических страданий. Стало ясно, как много там ценного. Это же почувствовали мы с сыном Петром, разбирая после смерти рукописи. Напоследок оказалось гораздо богаче, чем можно было предположить.

* * *

В. Громоу

Слева - чаща. Леса.
А направо - обрыв.
А с небес - голоса,
Плачут души в надрыв:
О себе, о тебе,
Обо мне, обо всех –
Как по красному полю
Калиновый снег.
Лопнул свет-грозовей!
А за ним - темнота.
И распяло меня вертикалью плота.
Не видать ничего.
Я ослеп, что со мной?
Заливает глаза
Маслянистой волной.
Но устала река.
И вздохнула вода.
И великою тишью объяло года.
И пока я пытался понять - пронесло?
Поглядел, а в руках
Догорает весло.
Вниз по речке - закат.
Вверх - калина в цвету.
Без весла, без шеста
Я плыву на плоту.
А вода холодна-холодна!
И красна.
И на тысячу лет
Подо мной
Глубина.

* * *

К разрубленным виями узам
Влачился
С великим трудом.
Отторгнутый братским Союзом,
Спешил я в родительский дом.
И вижу,
Что нет его боле:
Звон вишен,
Кукушечий плес –
Обман.
На мираж колоколен
Ползу, как подстреленный пес.
Чтоб скрыться,
Уйти от бессилья,
К тебе, обновленной, стремлюсь,
Умытая
Кровью

Россия,
Слезами
Омытая
Русь.

* * *

Век гильотинный,
Липкий,
Век железный.
Прошу, молюсь
У пропастной межи:
Останови нас, Господи,
Пред бездной
До жатвы
До кровавой.
Удержи!

* * *

Когда я говорю,
Что нет меня,
То это значит:
В сердце нет огня.
Я стал другим.
Поэзия не та.
Вокруг –
Зияющая темнота.
Темна, необитаемо-пуста
Моя душа,
Как церковь без креста.

КАЗНЕННЫМ ДО РОЖДЕНИЯ

Двадцатый век!
Часы несут
Бред классовый
После итога:
Война. Экстрема - Божий суд?..
Казнил народ
Царя и Бога.
Полуночь вспарывает:
«Ах!»
Свистя, сечет кровавый посох
Детей,
Убитых в матерях,
В больницах,
На ночных допросах.
Все это в жизни,
Не в бреду:
Из подземелий лица, лица...
Детишек призраки идут
Взглянуть в глаза своим убийцам -
В глаза родителям идей,

В глаза защитникам детей:
Чиновным людям и врачам,
И государевым заплочным
Идут. Идут по далям млечным
Колонны мертвых по ночам.
Хорутви вьюг метут косые,
Переливаются, шуршат,
Бинтуя в путь
Стопы босые
Лишенных жизни малышат.
Бесчеловечно. Стынь пустынь.
Энтузиазм умалишенных
Натаскивает капюшоны
На церкви, пашни, на кресты.
Меж тунеядцев и стилиг,
Мстя городам,
Диктуя избам,
Между вождизмом и рабизмом
Век движется на костылях,
Раскачиваясь, как сосуд,
Расплескивая сладость яда.
Кто там припомнил Божий суд?
Не надо, Родина.
Не надо.

ЧЕРНАЯ ЛАМПАДА

Из позабытого былого
И скорбь светла,
И боль легка.
И мысль, и праведное слово
Доходят лишь через века.
Ни мира нет в тебе,
Ни лада.
Казнишь и славишь на бегу,
Россия –
Черная лампада
На вечно каторжном снегу.

ТРЕТИЙ АНГЕЛ

Разгул. Животность.
Ересь-речь.
Народ и есть народ,
Не боле:
То табунами
Церкви жечь,
То бандами на богомолье.
Вновь третий ангел пред лицом
Ждет, когда дождь падет свинцом
И все затмит-зальет:
И проклянут отцы сынов,

Сыны пойдут против отцов
Сквозь красный гололед!
Река из слез,
Из крови брод...
Мне стыдно за такой народ!
За перекошенную внешность,
За нищедольные края.
Моя Россия –
Ум и нежность.
Бандитски-рабья - не моя!

* * *

Отчизны мрачные черты:
Сокрытость,
Злоба человечья.
Незримые свистят кнуты,
Переувеченных увеча.
Калеча явь,
Вторгаясь в сны,
Звонят, грозят стальные пути.
Влачат гиганты кладь страны.
Сидят на козлах лилипуты.
Ошеломленные, с трудом
Живем, в невежестве и в шоке.
Пока рядились строить дом,
Кузнец сковал к нему решетки.

* * *

Вечно борьба или бой –
Ради калечных оаций.
Тяжко нам, русским, с собой
Наедине оставаться.
Тысячу лет я в пути.
Тысячу лет - все знакомо!
Тысячу лет не уйти
Из сумасшедшего дома:
Бесятся, рушат, творя,
Курточки, форменки, шубки...
Вытекший глаз фонаря.
Жутки
Российские
Шутки.

ТОЛПА

Во многоглазом тулове
Нет Бога.
Она всегда
За божеской межой:
Двулика. Самоедна и убога.
И каждый самому себе - чужой.

В кликушестве сильна.
В добре нема.
Над разумом владычествует тьма.

* * *

Память, память...
Стар я, болен?
Как я нынче одинок!
Тянет сердце возвратиться
В мир иллюзий на денек.
Нет, не плачу я, не плачу...
Это там, в груди, в глуши
Одиноко стонет кляча
Дико загнанной души.

* * *

Плакун-трава
В заросших межах.
Глазами к стенке - образа.
Очаг мой отчий —
Дом приезжих.
Цветет кукушкина слеза.
Над безразличья океаном,
От глумы массовой спеша,
Куда, куда ты
Курсом рваным
Спешешь одышливо, душа?

* * *

Я знал тебя, Россия,
Всякой, разной:
Полубезумной — в пятилетках казней,
Под карлика, ублюдочного хана
Ложась мстительно и пьяно,
Этапной,
Атакующей в бою!
И задыхаясь,
Говорю упрямо:
Все вижу, светлая,
Все помню, мама,
Кладя ладонь
На голову твою.

РОССИЯ - ЭТО МЫ

Гляди, душа —
В снежинках млечных лица.
Они во сне
Врачуют сны людей:
Богатым - рай,

Голодным - пища снится,
Толпе - волхвы,
Ущербным - блуд идей...
Такие мысли
На странице белой.
Пока пуста –
Ни света в ней, ни тьмы.
Убийц к ответу звать –
Пустое дело.
Все в нас самих.
Россия - это мы.

(Из сборника «Обугленные веком»).

НЕ СОЖЖЕНА СВЕЧА...

Тот, кому «повезло» быть солдатом в сорок первом, остается им навечно, даже если ему было тогда десять лет. Тем более - если десять, а выбор сделан без присяги. Напомним, что Михаил и сам был из семьи военных, где высоко ценилось и воспитывалось чувство патриотизма и долга. Его деды разошлись разными дорожками - но все считали, что сражаются за Родину и свободу. Отец был

военным инженером, испытателем танков на 183-м танковом военном заводе (Харьковском паровозостроительном). В конце тридцатых арестовали... Но - отпустили. Мише было семь лет, но он запомнил, как ночью отец, держа в руках большевистский партбилет, плакал (очень странное поведение для военспеца и коммуниста!). А вскоре отец умер от скоротечного распада легких, его хоронил весь завод.

Михаила сизмальства учили брать на себя ответственность. Не случайно в сорок втором бабушка посылала 11-летнего внука выводить из «Харьковского котла» советских солдат, хотя не могла не понимать, чем рисковала.

С тех пор и навсегда Сопин остался защитником человека в погонах - того, кто умирает по приказу. Ему нравились люди мужественные, с активной жизненной позицией. В Перми казался прекрасным романтический бросок молодежи в Сибирь:

...Я завидую БАМовцам,
Рельсы бросающим в жизнь, -

В Вологде однажды пригласили в молодежную редакцию на встречу с «афганцами» первой волны. Дома Миша рассказывал: его покорила рассказ юношей о том, что когда предложили защищать братский народ, они действительно шагнули вперед добровольно. Современное поколение этот порыв не поймет... а тогда это было искренне, и Сопин тоже откликнулся стихами.

(К счастью, оба стихотворения не были напечатаны и потерялись).

Он не просто откликнулся на события времени (для не печатающегося автора занятие более чем бесполезное). Он ими ДУМАЛ: «Освобождал в сознании место, чтобы было от чего оттолкнуться и двигаться дальше».

Но дискредитация афганской компании уже начиналась, патриотично настроенная молодежь оказалась заложницей политических игр. Позднее Сопин скажет жестко:

Но человеком быть уже
На белом свете не престижно.

Вспомним, с каким страстным желанием любить вернулся поэт из заключения:

Я спешил в тебя веровать, Родина,
Я приполз в тебя веровать, Родина,
Надсадив сухожилия о наст.

Но как быть с тем, что защитников Родины он встречал на этапах?

Не сожжена свеча!
Стакан не поднят...
Романтика - особый род вины.
Опомнись, помолись...
Они уходят
В безмолвное ничто издалека
Последние солдатские этапы,
Безвестные советские зека.

Как он это читал! Первую строчку - на подъеме, с сильным ударением на конце - восклицание! Потом спад - почти до полупрошепота, с выраженным многоточием. «Опомнись, помолись» - почти в растяжку. И последние две строки - чеканно и ровно, как солдатский шаг.

Если понимать Родину, говоря словами поэта, «не просто как собрание березок-рябинок, а в совокупности с общественной жизнью, то она меняла декорации быстрее, чем люди успевали разобрать, что на них изображено». «У нашей Родины слишком непостоянное меню». Это очень знакомое многим состояние отражено в стихотворении:

Я знать хочу,
За что мне власть
Вчера любить,
А нынче клясть.
... Я знать желаю след во след
Не через семь десятков лет.

А как же здесь быть человеку в погонах? Тому, с кого требуют не просто «любить или клаясь», а умирать?

Солдата убивают дважды:
В бою и в памяти людской.

Отделяется Прибалтика. Громят могилы бывших освободителей, которых теперь именуют оккупантами. Полны сочувствия к человеку в погонах строки:

Нет слез балтийских, русских, датских...
Они одни на белый свет.
Не трогайте могил солдатских.
Средь павших оккупантов нет!

Безысходная трагедия современного человека в погонах воплотилась в судьбе отличившегося на войне в Чечне, а потом осужденного полковника Буданова. Он стал заложником политической системы, которая, в свою очередь - заложник многовековой российской истории.

Этот многолетний, бесконечный судебный процесс раскалывал общество. Появление на сайте «Стихи.Ру» стихотворения «Полковнику Буданову» вызвало бурю эмоций, от восхищения: «Это лучшее стихотворение Сопина!» - до: «Позор, как можно с сочувствием писать об убийце!» (Очевидно, что в обоих случаях рассматривались не художественные особенности, но позиция). А позиция у поэта такая: человека в погонах на войне, не признанной войной, общество распинает подобно Христу...

Как реквием читается стихотворение «Двадцать девятое марта» на тему чеченской войны. В те дни бригады ОМОНа гибли одна за другой, и не всегда было ясно, почему. Помню кадры по телевизору: хоронят омовцев Сергиева-Посада, а сквозь толпу пробивается чудом уцелевший парнишка. Его пытаются остановить, тележурналист сует микрофон, но он угрюмо отодвигает камеру: «Я ни-че-го не буду говорить».

А через короткое время - подобная история с Пермским ОМОНОм. Этот край (Пермь, Березники) почти родной. Мы многих там знали и с напряжением смотрели на телеэкран: вдруг появятся знакомые фамилии? Нет... Но все равно - на фоне знакомых городских пейзажей они как наши дети, сверстники наших детей. Медленно проплывает по экрану список убитых, задерживаясь на каждом имени...

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ МАРТА

Памяти Пермского ОМОНа

Все длишься ты, праздник,
В слезах о родимых и близких.
Убитых бригады
Глядят на сошедших с ума...
Я вижу Россию
В военных дождях, в обелисках.
Солдат безымянных
Земля возвышает сама.
Мне стыло от мыслей.
На юге по-мартовски тало.
Психозно гудит над страной
Похоронный завей –
Я слышу, я вижу,

Я знаю, земля, ты устала
И плотью, и духом
Своих хоронить сыновей!
Сегодня
Засадой
Расстреляна группа ОМОНа...
Мне даже молитва
Казенно звучит, как вранье!
И память моя
Окликает ребят поименно:
Простите,
Простите,
Простите бессилье мое.

* * *

Нас гваздали будни и беды
И лозунгов диких вранье
За множество лет до Победы
И столько же – после нее.
Без слов, без гранат, без атаки,
Вслепую – какая там связь! –
Ложились под бомбы и танки,
Российской землей становясь.
Над нами
По росту, по ГОСТу
Шеренги чеканят шаги.
Живых вопрошают погосты:
«Россия! Над нами – враги?
Чья форма на них, чи медали?
Не видно сквозь тяжесть земли...
Скажи, чтобы здесь не топтали,
Скажи, чтобы в нас не плевали.
Мы сделали все, что могли».

* * *

Ищу друзей
На той войне.
Здесь мир не мой.
Страна другая.
Мне страшно, братцы,
Пусто мне.
Чужой я здесь
До содроганья.
Бегу – в огонь из-под огня.
Пить! Пить... хочу...
Красна водица!
И понимаю – для меня
Что умереть, что пробудиться.
Приснилось мне,
Что я живой.
Рассвет был мрачен и прохладен.
И ветер почты полевой

По голове меня погладил...
В каком году, в каком краю –
Приговоренно, безысходно
Средь павших без вести стою
Один,
Построенный повзводно.

* * *

Окопный брат,
Этапный друг,
Идет к концу наш путь.
Без брода
Я вижу хилость вздетых рук
В поддержку палачей народа.
Свои – в своих.
Расстрел в лесу
Живет во мне,
Идет по следу.
Полвека с лишним
Я несу
В руках закованных
Победу.
Страна в общественном бреду
Трагическую
Славит дату!
Спасибо, мать,
За доброту
Твою к российскому солдату.
Такой ценой, такой ценой...
Другой для нас с тобою нету.
Давай, товарищ,
По одной
За нашу
Тяжкую
Победу...

* * *

Глухой безвыходностью заперт,
Я вижу
Истины фасад:
Мы шли солдатами на Запад,
Вернулись
Пленными назад.
Зачем я это вспоминаю?
Так жаждал верить
В то, что есть
Другая жизнь,
Совсем иная!
Да не про нашу, вышло, честь...
Маразмом общества контужен,
Я знаю фронт.
Я знаю быт!

Солдат – герой,
Пока он нужен.
Война окончена –
Забыв.

* * *

Звон погребальный
Над родимым кровом
Опухшим,
Заметенным добела.
Зачем я
Новой ложью зачарован,
Пытаясь заглушить колокола?
Дымов и вьюг кочевья – на Воронеж...
А над селом – безбрежность воронья!
Зачем ты, память,
Стой души хоронишь,
Во мне, живом, бывшее хороня?
Не сожжена свеча!
Стакан не поднят...
Романтика –
Особый род вины.
Опомнись, помолись:
Они уходят,
Уходят
Последние солдаты
Той войны:
Идут через норильские ухабы
В безмолвное ничто
Издалека
Последние
Солдатские этапы,
Безвестные
Советские
Земля.

СТЫД И ПАМЯТЬ

Бесконечно в юдоли земной
Стыд и память
Плетутся за мной,
Год от года
И день ото дня
Загоняют раздумья меня:
До Чечни
Со второй мировой
Поэтапно
Добрался
Живой,
Чтоб отсюда глядеть
В те года

Через сумерки
Слез
И стыда.

* * *

Полковнику Буданову

Войной
Сменяется
Война.
Темны
От зерен черных
Всходы.
Куда стремишься ты,
Страна,
С державным знаменем Свободы?
Года. Беда.
Гробы в свечах.
Судилищ диких
Полигоны.
И на полковничьих плечах
Гвоздьми
Прибитые
Погоны.

* * *

Пришел солдат из плена
И чувствует душой:
Родные пахнут стены
Обителью чужой!
Кругом чужие лица.
И все без перемен.
И больше жизни длится
Бесчеловечья плен!
Прополз по лихолетью.
Пришел
В свою страну.
Напился,
Сделал петлю
И завершил
Войну.

МЕЛЬНИЦА НА КОСТЫЛЯХ

У поэта есть два, казалось бы, взаимоисключающих себя стихотворения. Вот одно:

* * *

Живу в другой стране.
Звонят колокола.
Из той, где прежде жил –
Ни отклика, ни звука.
Все - думы. Все - дела.
И память подвела –
Когда и с кем была
Последняя разлука.
Гуляю иногда.
Вдруг резкий окрик:
«Стой!»
Я замедляю шаг,
Едва соображая,
И с болью сознаю:
Не свой... Не свой? Не свой!
Чужой я для нее.
А эта –
Мне чужая.

И другое:

...А я без смутной вести
За краем вижу брод.
Сейчас, на этом месте,
Рождается народ.

Ситуация для этого автора не такая уж необычная: у него много противоположного, казалось бы, взаимоисключающего, сливающегося в полифонию, которая после некоторого привыкания совсем не кажется противоестественной.

Обратимся к первому стихотворению. Если идти по упрощенному варианту - типичное состояние человека старшего поколения, выкинутого из сегодняшней жизни (нищета, маленькие пенсии, обидно за падение Советского Союза, раздражают «новые русские» и т.д.) Хотя типичный представитель старшего поколения о Союзе тоскует, а поэт говорит: «Я той стране - чужой...» То есть, это скорее диссидент, а не поклонник пропавшей системы.

В состоянии выкинутости всегда оказывается часть населения при революциях (кровавых, как в семнадцатом году, или мирных, как в девяносто первом). Это состояние Владимира Набокова, в ночном кошмаре мысленно возвращающегося в Россию, чтобы быть расстрелянным в одурманенном цветущей черемухой рву. Оно знакомо беженцам – бывшим советским гражданам всех волн эмиграции, почти независимо от того, как складывалась дальнейшая судьба. В данном случае речь идет о внутренней эмиграции из обеих стран - и бывшего Советского Союза, и нынешней непонятно какой России. У поэта рождается страшный образ Родины в виде мельницы, бредущей на костылях:

Вольная-вольная воля.
Лунное-лунное поле.
Вдаль убегающий шлях.
И через лунную жижу
Двигается - чувствую, вижу –
Мельница на костылях.
Шаркают свайные ноги.
Скорбно скрипят костыли:
«Я заблудилась
В дороге.
Родина я. Постели.
Крови потеряно много.
Все упования - на Бога.
Сядь. Я забудусь чуть-чуть.
Как же далек еще путь»...

Мельница, которая перемалывает. Мельница Дон-Кихота, сражаться с которой бессмысленно... Но она же - необходимый атрибут благополучия селян, для которых мельник - самый необходимый и уважаемый труженик. Где здесь найти место человеку? Он попадает под перемалывающие крылья и... тут же сам чувствует себя мельником, уже начинающим управлять ситуацией, хотя бы в виде рифмующихся строф:

Я знаю,
Время льет большую воду
Больной страны
На мельницу мою...

Это рождение человека, если хотите, и есть обретение независимости, к которой даже в век свободы стремится далеко не каждый.

- Под то, что названо перестройкой, - говорит Михаил, - было вложено столько надежд и желаний... Сколько было лозунгов, криков о независимости республик, составлявших бывший СССР! После всего того, что они выстрадали, все были достойны этого и получили. Но я не увидел стремления к духовной независимости каждого человека. Пробурчали с тяжелого похмелья «День прощения»... Кто кого простил? Тех, кого не догрохали? Кто из страха объявит себя простившим? Перемены метафизичны: одним - вечно мордовать, другим - вечно прощать? Истинных преступников столько же, сколько истинно верующих, остальных создают обстоятельства... Кто получает коротенькие вожжи, чтобы для пользы дела чем-то управлять, тут же стремится въехать в государственную власть и обеспечить этот въезд своим близким. Отсюда - хроническое недоверие к власти...

- Так все-таки, - спрашиваю я, - остается надежда?

- Я не антипатриотист, не антигосударственник, не хочу терять доверие к стране, в которой живу. Я антиидиотист. А пока «обрядили страну в уголовных блатари из кремлевских палат», для меня важнее, кто мать и отец мои, а потом уже государство, диктующее общественный гипноз...

* * *

Сейчас даже смерти печать
Меня не заставит молчать!
Что думаю – выскажу:
Пусть
Узнают меня наизусть.
Чем больше я прошлым горжусь,
Тем меньше для жизни гожусь.
Без малого семьдесят лет
Глядит черно-белый сюжет
Без цвета, без форм, без огня
В меня,
Сквозь меня, за меня
Туда,
Где мой дом средь раки
На проклятом месте стоит,
Дом-призрак.
И призрак в окно
За мной наблюдает давно.

* * *

Нет, жизнь моя не горький дым.
Я не свожу с тобою счеты.
О чем ты, Родина, о чем ты?
Я жив
И, видит Бог,
Любим.
Могли мы все пройти вдвоем!
Не по моей вине разлука...
Пришел,
А в имени твоём
Ни смысла прежнего,
Ни звука.

* * *

Смешалась боль
Святых и подлых.
Не панацея –
Меч и щит.
И то, что в молодости подвиг,
Иначе в зрелости звучит.
Больных идей,
Пустых идиллий
Нет сил осмыслить,
Боже мой!
Куда бы мы ни уходили,
Какой бы бред ни городили,
Придется двигаться домой.
Ни бег нас не спасет,
Ни битва,
Ни триединство,
Ни чума.

В себе – алтарь.
В себе – молитва.
В себе –
Свобода
И тюрьма.

* * *

Времена не выбирают...
Бог с тобою, простота.
Миллионы выгорают
Без звезды и без креста.
Потому и выгораем,
Что погибель выбираем.

* * *

Бежал за жизненной красой
По снегу юности босой!
Союз распался.
Я остался
Перед незримой полосой.
Былое соткано из боли
И дом стоит на минном поле.

* * *

Ты один, я один,
Каждый смертный один!
Вместе - пасынки века.
Я ищу тебя
Средь лиховертных годин,
Где ты,
Сын человека?

* * *

Самодурство. Чванство. Пустофразие.
Свой, не свой –
С дороги осади!
Масленицу ладит полу-Азия –
Крест прижав к языческой груди.

* * *

Свобода –
Что она, мой друг?
Когда идешь по жизни молча,
Плеть формирует
Стайный дух,
Станичная культура волчья:
Советский пепел на кострах
Еще горячий!
А Россия
Уже внушает древний страх,
Живя предчувствием насилия.

* * *

Свободная рутина.
Засушливый потоп.
Не топлена квартира.
Налоговый гоп-стоп.
Кто грезит о монархе,
Кто жаждет пахана,
Кто в шлюхи,
Кто в монахи –
По швам трещит казна.
Россия. Гололедье.
В сознание - недород.
Двадцатого столетья
В глазах неупорот.
А я без клятв, без лести
За краем вижу брод -
Сейчас, на этом месте
Рождается народ.

МОЛИТВЫ ВРЕМЕНИ РАЗЛОМА

Такой простор!
Куда от дум уйти?
Гляжу вокруг
С молитвой и обидой:
Россия - птица,
Над землей обильной
Ослепшая
От поиска пути.

С перевала хорошо видно. Здесь прозрачный горный воздух, далеко просматривается горизонт в обе стороны. На разломе эпох возникали самые значительные произведения мировой культуры.

Мы еще не знаем, что останется в истории на развалинах социализма, не готовы подвести итоги и выделить главное. Но появление авторов, пытающихся размышлять на этом переломе, знаково.

Очередной свой сборник стихов Михаил Сопин назвал «Молитвы времени разлома». Позднее он скажет: «Я пишу не стихи, а молитвы от имени ушедших и уходящих». Он уже и сам не молод - за шестьдесят, неизлечимо тяжело болен...

Меняется стихотворный стиль - свойственная раннему периоду цветистость сменяется анализом, краткостью, афористичностью, вот только частушечная лихость порой поэту не изменяет. В стихах «трудно дышать» из-за жесткости горного воздуха. Возможно, к этому надо привыкнуть.

«Я той стране не свой...»

Да, не свой.

Это он понял еще в заключении. Но тогда оставалась мечта. Надежда. Будущее пришло и оказалось не узнанным:

Друг стал похожим на врага,
А враг - на друга...
Смятость. Снулость.
Все возвратилось в берега.
Все на круги свои вернулось.

Может быть, это только переходный период? Вот что-то произойдет, продвинется еще немного...

Куда спешим? Не знаем...
Потупив в землю взгляд,
С сомнительным сознанием
Гребем вперед-назад.
Полипы вечной гнили
Юродствуют, грубя:
«Нас предали! Забыли!»
Мы предали себя.

Может быть, это скорее скоропись времени, чем отстраненная - впрочем, вполне достойная - позиция «жить своей жизнью, не замечая творимой вокруг мерзости». Больше газета, чем взгляд из прошлого в вечное.

Когда-то живущий в Крыму во время Октябрьской революции Иван Бунин писал о том, как носит на дачу песок и топит камин. «Окаянные дни» он напишет уже потом, в Париже. А Макс Волошин в том же Крыму не только писал о сегодняшнем дне, но и помогал друзьям, независимо от окраски «пычек» (говорят, его не раз хотели расстрелять то красные, то белые). Разные подходы ко времени и к себе могут быть у поэта. Это его право...

Заслуженная артистка России Е.Н. Распутко так образно характеризует впечатление от стихов Михаила Сопина:

- Когда маленький ребенок ступает в холодную воду, ему хочется ножки отдернуть. Но вот он ими немного поболтает, привыкнет... и уже не так страшно. А для здоровья полезно.

Сборник «Молитвы времени разлома» (2000 год) печатался в частном издательстве за счет автора в ста экземплярах. Мы раздаем книжки знакомым. Отклик в печати – нулевой, если не считать рецензии Саши Кучер «Книжка для дураков» величиной с пару спичечных коробков (областная газета «Зеркало»): «...Михаил Сопин забивает последний гвоздь в гроб российской дурости. Но вся беда в том, что дураки этого не замечают».

(«Ну почему же последний? - комментируем мы с Мишей. – Дурости нет предела. И не только российской. Дурость - понятие интернациональное...»)

Еще цитата из рецензии:

«Концентрация страшная, химически чистая. Сопин верен себе – он, как патолого-анатом, исследует современность. И если предыдущая книга «Обугленные веком» пронизана нежностью и прощением, то в «Молитвах...» автор беспощаден. Веку он вынес приговор, а вот человеку... Человек сам себе вынес:

«Кончается двадцатый век – в крови, в моленьях и надеждах. Стереотипен человек и жалок в действиях и одеждах». «Поэзия? Куда такую? С ней больно сердцу и уму. Я ничего не публикую, не нужно это никому», - признается Сопин. От книги холодно. Стужа прозрения сильнее всякой другой».

* * *

Крик взбулгаченных ворон.
Голоса со всех сторон:
«Ты люби, меня, люби,
Луною утомленная,
Пока водятся рубли,
Пока шуршат зеленые!»
Частушечки. Гармошечки.
Совхозные хиты.
Зашторены окошечки
С утра до темноты.
Заспано. Затравлено.
Нравы таковы:
Российская окраина
Под боком у Москвы.
Жить, как есть, желанья нет.
Умирать не хочется.
В центр бы выправить билет,
Да столица - склочница:
Склочница-притворщица,
Брешет и не морщится.
Эх ты, Дума моя, Дума,
День ненастен. Ночь темна.
Воровская, мусорская,
Пролетарская страна:
Умным – рюмочка вина.
Вечным нищим – знаки...
Выживают сорняки.
Пропадают злаки.
Девки плавают в вине,
На сосках помада.
Бомж повесился в окне,
Очумев от смрада.
Полу-судьи, полу-урки,
В лицах оволчение -
Демонстрируют придурки
Ополчение.
Что там? Кто там?
Ска-ра-бей нич-ком!
Бородой в гранатомет...
Мир фугасный
Красным венчиком
Чистилище метет.

* * *

Я – зыбкость сугробов,
Накат раскаленной волны.
Я – детская обувь
На мертвых дорогах войны.
Я – стон изможденных
В застенках,
В рудничной пыли.
Я – вопль не рожденных
В раздавленном
Чреве
Земли.

* * *

Тяжелый подземельный
Смрадный запах
Насилия,
Карболки и войны –
Забитые в бегах
И вагонзаках
Мишени без имен
Погребены.
Не надо поздних клятв
И слез предвзятых.
В покое обреченном
Все равны –
Усопшие
Рабы
Пятидесятих...
Больной,
Блатной
И ссученной страны.

* * *

Не выношу прощений поздних.
Отмщенья нет.
А боль жива.
Раскаяния горький воздух –
Тлен. Эхо. Мертвые слова.
Народ предаст, продаст, отступится...
Не в первый раз ему уже...
Дай сил мне,
Мысль,
Дай сил, заступница,
Дай сил на тяжком рубеже.

* * *

Продудел полководец
В дуду,
Продудел и забыл
Про беду,
Что погостная темная птица

На гнездовье
Домой возвратится.
Поражение. Победа. Война.
Торжествует,
Гордится страна.
Безымянный
В районе Ростова
Плачет дождь
Девяносто шестого...

ПУСТИВ ПО КРУГУ ШКАЛИК...

(Оперная ария)

Пустив по кругу шкалик,
Лепил народ божка.
Рождался полукарлик
С ухваткой мужика.
Не чувствуя напасти,
Толпа гудит хмельней.
А карлик – ближе к власти,
А он уже над ней!
Навис над серым роем
И дразнит кумачом.
Назвал народ героем,
А сделал – палачом:
Немым велит молиться,
Слепцам – поклоны класть,
Стреляет пастве в лица,
Отняв у Бога власть.
Чуть зыркнет –
Мы немеем,
Вдыхая страх крутой.
И стал
Народ
Пигмеем
У карлы под пятой.

В КОСМАТЫХ МЫСЛЯХ

Я думаю, далекий брат...
Не нам одним
Не впрок примеры.
Мы взяли веру напрокат
И стали
Призраками веры.
Бродячий европейский миф!
Я вижу,
С горечью итога:
Переувечили своих,
А результат победы –

Тот же.
Поминки. Праздник.
Эпатаж станичников,
Безродных татей?
В косматых мыслях:
«Отче наш!», -
А на губах –
Полюнь проклятий.

В СЕБЕ ПОВЕРЖЕННЫЕ НИЦ...

Любвевождизм
Чеканит наши лица.
Так мало умных и красивых лиц.
Видать, нет сил самоопределиться.
Живем –
В себе поверженные ниц.
Поди, уклад столетий опровергни!
Не изгнан,
Не осужден, не убит,
Живу на взрыве
Двух больных энергий –
Своих страданий
И чужих обид.
Мадам, Россия,
Облетают листья?
В глазах твоих откуда эта стынь?
На рынке изнасилованных истин
Горит наследство
Попранных святынь...

* * *

Стране,
В которой жизнь теряет цену,
Все отдано.
Пуста душа. Готов.
Свое сыграл.
Других прошу на сцену –
В безликий зал
Паяцев и шутов.
Гляжу вокруг:
В речах, в деяньях – серо.
Пока бродил по серости дорог,
Спилась Любовь,
От слез ослепла Вера,
Надежду сам я выгнал за порог.

МИФ

Все спуталось:
Погоны, флаги.
Трезвон идей и бубенцов.
Мои распухшие фаланги
Трещат под обувью бойцов.
Жри, миф кровавый,
Что прикупишь!
Тебе, опричный,
Сквозь века
Показывает
Мертвый кукиш
Моя замерзшая рука.

* * *

Мы с блеском лжем своей душе,
Больным.
Забытым.
И забытым.
И Апокалипсис уже
Стал повседневным нашим бытом.

* * *

Кончается двадцатый век
В крови,
В моленьях и в надеждах.
Стереотипен человек
И жалок
В действиях и в одеждах.
Мысль на меже. На рубеже!
Живет разгадка – еле слышно –
Что человеком быть уже
На белом свете
Не престижно.

* * *

Не проклиная этот свет
За неразборчивость деяний.
Мир будет до скончания лет
Творить себя без покаяний.
Встречая одинокий взгляд,
Прошу:
Беги от злобной жажды.
Все наши боли отбоят.
Все слезы высохнут однажды.
Гляжу в себя,
В былую даль,
И понимаю ближе к краю:
Мне человека в жизни жаль!
А человечества – не знаю...

НА РУБЕЖЕ МОЕМ ПОСЛЕДНЕМ

Я уже писала, что составлять сборники муж так и не научился. К собственным детям-стихам объективным быть не мог. Подборки делались под настроение, а потом обнаруживалось, что главное осталось «за бортом»... Так создавались и «Молитвы времени разлома». Разбираясь в оставшемся, я досадовала. К счастью, в Вологодском отделении Союза писателей России подошла его очередь на

брошюру из серии «Вологда-XXI век».

Сборник «Свобода - тягостная ноша» составляла я. Михаил в то время был в больнице и только внес коррективы. В Союзе писателей с текстами согласились, только заголовок сборника не понравился (слишком публицистично!). Был предложен другой - «Тягостная ноша», но мне он показался безликим, да и Михаил не согласился.

- Автор и есть публицист, - сказала я. - У него такое лицо. А «Тягостная ноша»... что-то от такелажа: «Цемент», «Железный поток».

Тираж у этих малоформатных брошюр был приличный - 999 экземпляров, их рассылали по области, раздавали для пополнения школьных библиотек. Резонанс в прессе - нулевой.

...Он давно не выходит из дому. Собрания Союза писателей он и раньше не очень-то жаловал, а тут... появилась уважительная причина оставаться в стороне - болезнь. Он и рад.

Светлым пятном в конце девяностых была наша семейная дружба с врачом детской поликлиники Верой Леонидовной Бузыкаевой. Вера искренне увлеклась творчеством Михаила Николаевича и приобщала других. Часто бывала у нас дома как друг и врач. В ней было особое женское обаяние, за которым, впрочем, ощущался твердый, мужской характер. Она замыслила написать о Михаиле художественно-документальную книгу, и не только с блеском выполнила задачу, но и издала книгу за счет своих скромных медицинских заработков, с привлечением спонсорских средств. Книга «Нет, жизнь моя не горький дым...» получилась большая, красивая. Но, несмотря на активную Верину пропаганду и положительные отзывы практически всех, кто ее прочитал, достойного отклика книга так и не получила, что больно ранило автора.

Почему же так вышло? Осмелюсь предположить - по той же причине, почему не нужен был сам Михаил Николаевич. Никому ничего особенно не нужно, если перестаешь «толкаться и давить». А «толкаться» Вера устала.

...Вспомнилось, как в семидесятые годы прошлого века первый секретарь обкома КПСС посчитал, что Вологде для повышения престижа власти нужно иметь прирученного писателя-классика. На роль мэтра был приглашен с Урала Виктор Астафьев. Ему дали квартиру в престижном доме и подарили мебельный гарнитур. Но Астафьев не оправдал надежд: вел себя независимо, а потом и вовсе уехал, да еще и написал по мотивам вологодской жизни сатирическую повесть «Печальный детектив». Это писателей и власть оби-

дело («Гарнитур взял, а нас опозорил...»), «После знакомства с этим произведением хочется помыть руки»). Когда я рассказала об этом профессору Пермского университета Р.В. Коминой, она засмеялась: «Писателям дарят не гарнитур, а понимание».

Миша говорил о коллегах-писателях:

- Я никому ничего не желаю плохого. Но я им - не по зубам.

Болезнь скручивала его. К физическим страданиям добавлялись моральные. Мучаясь от одиночества, все больше замыкался в себе.

КРЕСТ

Жизнь вечна
В мечтах дурака:
Признание,
Раденье о благе...
Спокойно выводит рука
Раздумья мои на бумаге.
Мелеет надежды река.
Тень в черном,
Российские дроги...
Выводит рука старика
Знак Плюс
На вчерашней дороге.

Знак Плюс - это и есть крест. Многим казалось: жизнь поэта подходит к концу, он уже никогда ничего нового, интересного не напишет. К счастью, они ошиблись.

* * *

Страшись безликой тишины,
Когда в безумной круговерти
И жизнь, и смерть
Обобщены
В таинственное жизнесмертье,
Где по команде слезы льют
И выше смысла ставят фразу,
И любят нищие салют,
И умирают по приказу.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Вере Бузыкаевой
Ты задай мне вопрос,
Не отвечу –
Задай его снова.
Может, вместе найдем –
Как с собой примирить это слово:
Превратиться в пыльцу,
Стать ничем
Под дождями, снегами.
Безразличное время
По лицам пройдет сапогами.
Как осмыслить ничто:
Беззащитность,

Бесправье,
Безгласье...
И при жизни еще
Отыскать с неизбежным согласием.

* * *

Никого я в друзья не зову.
Ни пастух мне не нужен,
Ни стадо.
Други, недруги –
Сон наяву.
Сновидений мне больше не надо.
Оскудев, разбежались друзья.
И петляет еще в поле голом
Беспричальная стежка моя
Меж свободою
И произволом.

* * *

Безумнее на свете нет беды –
Жить в вечном состоянии вражды,
Когда дыханьем,
Мыслью правит бой –
Неважно с кем,
С врагом
Или с собой.

* * *

Я знаю
Кровь и смерть войны,
Колосья,
Тучные от праха,
Глаза казненных без вины,
Психоз бесправия
И страха.
Так уж ведется на Руси...
У самого себя спроси
За тесноту,
За нищету,
За немоту,
За темноту,
За политический разбой,
За всех,
Гонимых на убой.
И никаких гарантий нет,
Что мы не повторим тех лет.

* * *

Было стыло. Стало пусто.
Нищий верит. Умный пьет.
Ритуальное искусство -
Пляска в прорву, в гололед.

Обрученные с бесплодием,
Скрыв трагедию под фарс,
Мы от прошлого уходим,
А грядущее – от нас.

* * *

Помолчим.
Больную память я не трогаю.
Слез удушье: дорогая...
Дорогой...
Весь свой путь
Прошел разлучною дорогою.
И пришел к тебе – другой.
И сам другой.
Заморожено на сердце,
Заморочено.
То, что было,
Не воротишь, помолчим.
Наша молодость
Страною укорочена,
Перечеркнута
Без смысла и причин.
Ты прости меня, далекая, родимая,
Не брани за преждевременность седин:
За утерянное, за необратимое!
Жизнь уходит.
Ты одна.
И я один.

* * *

За все, что выстрадал когда-то,
За все, чего понять не мог,
Две тени-
Зека и солдата-
За мной шагают
Вдоль дорог.
После боев
Святых и правых
Молитву позднюю творю:
Следы моих сапог кровавых
Видны –
Носками к алтарю.
Есть в запоздалом разговоре,
Есть смысл:
За каждый век и год,
Пока не выкричится в горе,
Пока не выплачется в горе,
Любя, душа не запоеет.

(Из сборника «Свобода – тягостная ноша»)

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

В прозаической миниатюре «Еретикон» критик Сергей Фаустов назвал Сопина японским поэтом, аргументировав цветисто: «Я мечтаю его стихи читать на японском языке - написанные иероглифами. Иероглифы изображают разорванную колючую проволоку империи гостеррора и лжи. Они изображают колючую проволоку человеческой глупости. Стихи Сопина разрывают колючую проволоку несвободы, поэтому они должны быть написаны иероглифами! Я это утверждаю с восклицательным знаком».

Вряд ли японец согласился бы с таким одиозным толкованием своего исторического пись-ма, но по краткости и афористичности некоторые стихи Михаила действительно приближаются к китайско-японским формам хэйку или танка.

Некоторые из них возникали как четверостишия сразу. Привычная картина: Миша ходит по комнате взад-вперед, рифмует и вдруг выдает нечто, что немедленно надо записать. Нередко просит сделать это меня, чтобы не искать очки. Предлагается вариант. Этот процесс может растягиваться на месяцы и годы, двигаясь как в лучшую, так и в худшую сторону. Наши мнения расходятся, мы начинаем спорить, даже ссориться... Сходимся на компромиссе: «Пусть полежит».

Другие четверостишия представляют собой концовки стихов с «разгонным» началом, которое впоследствии урезалось самим автором. Наконец, некоторые мини-стихи возникают в памяти из утерянного. Возможно, это не самый плохой путь отбора: повторяли часто, вот и запомнили.

* * *

Россия, властная держава...
В эпоху черного крыла
Твоя неизбежная слава
Моей трагедией была

* * *

Мои глаза - как два провала
На поле снежной целины
Глядят сквозь века покрывало
Из затаенной глубины.

* * *

Далекая луна по травополюю.
Иду сторонкой от грызни земной.
И боль моя становится не болью,
А частью жизни, сросшейся со мной.

* * *

Я видел жизнь
Без войн, без зон, без плача...
Мне снился сон.
А наяву – иначе.

* * *

Есть свет в осмысленной беде!
Нет смысла – с вымыслом бороться.
Я знаю: никогда, нигде
При жизни жизнь не удаётся.

* * *

С тех пор, как был распят Христос,
Войной шла милость на немилость.
Так много крови пролилось,
Чтоб ничего не изменилось.

* * *

Мне страна подарила
Стальной, не терновый венок.
Я за несколько лет
Стал на десять веков одинок.

* * *

Чужое – деспотии запах стойкий:
Бесправие. Героика. Попойки.
Свое – случайной жалости словцо
И памяти разбитое лицо.

* * *

Молитвы. Плач. Песни и пляски.
И в этом зверином лесу
Себя в инвалидной коляске
Я в «светлое завтра» везу.

* * *

Россия. Снега. Занавески.
Дорога безлюдна, пуста.
Но гордо мычат по-советски
Защитые болью уста.

* * *

Несет по жизни человек
Глаза и ордена
И говорит: «Двадцатый век...»
А слышится – война.

* * *

Война, война.
Распятый страхом тыл
Застыл.
Мой длится путь по лихополюю.
Я общества щадящего не помню.
Безвременьем убитых не забыл.

* * *

Если гордость наша - пыль парада,
А плоды победы – дым в горсти,
С нами происходит то, что надо,
Что не может не произойти.

* * *

Переход затмения в темноту.
Ни фонарика, ни бубенца.
Убивающее «накануне»
Над Россией длится без конца.

* * *

Шел в коммуны паровоз.
Оказалось – мимо.
Утонул в потоке слез,
Ни огня, ни дыма.

* * *

Строят невольники волю
Не на года, на века...
Пафос, запекшийся болью,
В светлых зрачках дурака.

* * *

Горбя до треска сухожилий
За пайку, водку и пшено,
Вы митингуете, как жили –
Тогда, когда разрешено.

* * *

Эпоха следствий и причин –
Исконно наше постоянство.
Средь переменных величин
Незыблемы война и пьянство.

* * *

Я тону в людской словесной ржави:
Не кочевник и не вечный жид.
Жизнь моя принадлежит державе.
Смерть моя принадлежит державе.
Что же лично мне принадлежит?

* * *

Ты один, я один, каждый смертный один...
Вместе – пасынки века.
Я ищу тебя среди лихих годов,
Где ты, сын человека?

* * *

Стынет мысль. Угасают лета.
К этим дням не теряй снисхождения!
Может, вера твоя – слепота?
Может, правда твоя – клевета?
А суждения твои – заблуждения?

* * *

Над весной моей – белым-бело.
По быломu – снега намело.
Давняя обида и беда –
Со стекла оконного вода.

* * *

Тихо-тихо-тихо
Облетает снег
Нынешнего лиха
В мой вчерашний смех...

* * *

Если нет жизни иной –
Радость уходит, слабея.
Смейтесь, друзья, надо мной,
Смейтесь до горе-забвенья.

* * *

Мир проигрывает раунд.
Хлеб золой боев пропах.
Мои мысли отмирают.
Мои просьбы догорают
На обугленных губах.

НА ДАЛЬНИЙ СВЕТ, СКВОЗЬ НАЛЕДЬ ОКОН...

Все началось буднично: мы купили компьютер. Пришла вологодская писательница Галина Щекина, пощелкала клавишами:

- Стихи можно ставить здесь. На сайте «Стихи. Ру» регистрируют всех.

Так началась новая жизнь. Это было в январе 2003 года.

Мне нравится это веселое сочетание: «Стихи.Ру», «Стихира», нечто среднее

между стихами и стихией, а посередине твердый, раскатистый стерженек. Или так: стихи и египетский Бог солнца Ра.

Про этот невероятно разбухший, расхристанный, неопрятный, немного хулиганству-ющий сайт, где могут «оправиться в обеденное блюдо» и неожиданно тепло поддержать, говорят разное. Но именно здесь Михаил нашел то, чего не имел никогда – свободный выход к массовому читателю. Признаюсь честно: нечистот, которые порой появлялись возле наших имен, мы не читали. А на отношения с близкими по духу это не влияло.

У нас появились друзья в разных странах. Михаил заинтересованно читал чужие стихи, писал к ним комментарии. Было приятно ощущать, что к его словам прислушиваются.

Аудитория на «Стихира» большей частью молодая, и с нею Михаил молодел. Он стал возвращаться к своим ранним неопубликованным стихам, кое-что дорабатывал. Прислушивался к замечаниям, даже если был с ними не согласен. Вживался в это состояние подъема... Удивительно, но даже физически он, неизлечимо больной, стал себя чувствовать лучше! Мы завели блокнот для афоризмов, на которые Михаил всегда был мастаком, а тут они пошли щедро. Частично использовали их в рецензиях.

А иногда брошенную собеседником мысль хотелось развить, как это получилось, например, с ответом Евгению Е., который сетовал, что его поэтический мир не обогащается:

«Не могу согласиться с тем, Евгений, что обогащать его надо искусственно. Когда-то один поэт заметил: «Вам хорошо, Михаил Николаевич, вы сидели...» (!) - имеется в виду, что есть своя тема. Но если идти по этому пути: тот не сидел, другой не воевал, третий не расстреливал, десятый не лгал, какой-то там говорил только правду... Сварганится из этого такая кутья, что получишь хлебово ядовитое, от последствий которого враз не изба-вишься.

Основной признак поэзии? Она обладает лечебными качествами. Сказал - избыл вну-тренний груз. Потому что вначале было не слово, а предисловие. Стои боли, стои голода, холода, общения, попытка осмыслить себя - главная наука о человеке. А слово - потом.

У тебя есть выражение: «Поэт-затворник обречен перепевать свою законсервированную душу...» Не перепевать, Евгений, а РАСПЕВАТЬ. Это разные вещи. Даже «Отче

наш», когда эту молитву шепчешь, зная, что ни Богом, ни в храме, ни в райкоме она не будет услышана и востребована, может взорвать человека изнутри. Такие вот дела.

Мир гораздо звероподобнее, отвратительнее и прекраснее, если его не сочинять, а попытаться понять. Поэт необходим, иначе политико-партийная шизофрения закусит нами на банкете в честь победы безумия над разумом».

Так была зафиксирована на бумаге концепция собственного творчества. А раньше этим заняться, вроде бы, не было повода...

Однажды, когда мы попали в типичную для «Стихиры» скандальную переделку, нам стали звонить по телефону из разных стран (США, Израиль...) со словами поддержки. Вот этого ощущения востребованности Михаилу не хватало всю жизнь!

Но было в этом общении и нечто более важное. Поэт впервые, пожалуй, по-настоящему стал смотреть на себя со стороны. Мы наглядно увидели, что стихи могут быть не поняты, а своего читателя надо формировать.

Потребность рассказывать о поэте и судьбе стихов я стала реализовывать на «Сакан-сайте», где писатель Сергей Саканский любезно позволил мне открыть «Дневник писателя» и оказывал всестороннюю поддержку. Потом эти материалы легли в основу повести «Вызов судьбе». Анастасия Доронина помогла Михаилу зарегистрироваться на «Поэ-зии.Ру», где его встретили очень приветливо.

Самой большой радостью для Миши в больнице были вести из Интернета, хорошие стихи:

«Ты сказал намного больше, чем написал, я это чувствую. Наверное, каждый нищий был бы польщен таким отношением... Живем на одной земле, одними радостями и печаль-ми и просто обречены на то, чтобы слышать друг друга» – Михаилу Берковичу.

«Леня! Обнимаю молча. Пусть лучше перекрывает кадык, чем мозги...» - Леониду Марголису.

«Человек в застегнутом состоянии, а хочется сразу большого. А если его положили, как одуванчик, на ладонь, и показали миру – зазвучит мировая симфония» – Иосифу Пись-менному.

У Варлама Шаламова есть рассказ о последних минутах поэта (считается, Мандель-штама) в лагерном бараке. Ему чудятся идущие стройными рядами строки Большой Поэ-зии, и все остальное в мире становится неважным. Меня не оставляет мысль, что подобное ощущение испытывал Михаил, когда писал вот эти строки:

«Большая поэзия – это гигантский планетный музыкально-литературный смысловой оркестр, и в нем закономерностей больше, чем случайностей. Если одна творческая мысль затронет струну другой – они зазвучат. Они будут играть поэзию. Начинается сыгровка оркестра».

Но есть важное отличие. Если поэт «по Шаламову» слушал поэзию в одиночестве, знал эту обреченность и даже не тяготился этим, то Сопин как бы видит себя в огромном концертном зале, где каждый и исполнитель, и слушатель:

«Поразительно то, что бывает очень-очень редко... Не успеешь сделать инструмент-товку, а уже услышан! И хочется заорать, изобразить на своей харе НЕЧТО... Больше радости или печали? И с высоты такого понимания хотелось бы встретиться и больше не разлучаться».

За три дня до смерти он передал мне обрывок бумаги со словами прощания, который велел поместить в Интернете:

«ВСЕМ

Приближаясь к концу жизненного пути, благодарю мировую мысль (компьютер) и Родину - компьютеризация обеспечила мне возможность встретиться с мировоззренчески близкими мне друзьями (выйти из глухой блокады неизвестности), а государство терпело, не добило меня раньше времени.

Михаил Сопин».

ПОЭЗИЯ

В ней век и год,
И тьма, и свет,
Бесследие и след,
В котором правды горней нет
И лжи народной нет.
Есть мысль.
Есть дикость от ума -
Кровь межусобных драк.
Есть лжесвобода и тюрьма,
И церковь, и бардак.
Сама принадлежит земле
И все должна вмещать.
Она - на избранном челе
Господняя печать.

* * *

Кто мы?
Извечнейший вопрос.
Все под Законом
Тайным самым:
Скопление одиноких звезд,
Беззвучно падающих в саван.
Вот почему душа в ночи
На дальний свет,
Сквозь наледь окон
Прощально так
Другой кричит,
Другой,
Такой же одинокой!
Свой знаменуя перелет
Над монолитом светотъмыщи,
Поет она –
Она поет
Для очарованных и нищих.

ЛИРА

Свободная лира,
Буди, будоражь, не разбейся.
Не время. Повсюду
Казенщина, чванство и спесь.
У каждого века
Свой голос, свой лик, своя песня,
И в каждом грядущем
Свои невозможности есть.
Отцы - атеисты.
А деды молились иконе
И царскую дули,
И пели вовсю в кабаках.
У нас преимущество:
Недругу лиха не помни!
Автографы века стального
На наших боках.
Плачь, узница-лира,
О Родине
Павшей и падшей,
О вольных-невольных,
Что жили, цепями звеня.
Гори,
Моя лира степная,
На совести нашей,
Ты искрою
Будешь светить
После Судного дня.

МОЛЮСЬ НА КОЛЕНЯХ В ПЫЛИ

Кто сказал, что не чувствуют птицы?
Кто сказал,
Что не плачет трава?
И душа,
Перед тем, как разбиться,
Высочайшей печалью жива:
К маяку, к тростнику у болотца,
К тополям, что выросли в хутора,
Ко всему, что еще остается,
Ко всему, с чем прощаться пора...
Поглядишь на врага, как на брата!
Чуя сердцем непрочную нить –
Как же так,
Уходить без возврата,
Как же так,
Чтоб не стать,
Чтоб не быть?
Тяжко, душно –
Вон месяц над чашей!

И молюсь на коленях, в пыли –
Будто мне
По ошибке дичайшей
Приговор
Безнадежный
Прочли.

* * *

К...
О разлуке не надо,
Родимая, помни о встрече:
О совместном о нашем,
Предельно коротком пути,
И о страшной беде,
Что легла черной вьюгой на плечи,
От которой уже
Нам с тобой до конца не уйти.
Думай, друг мой, о встрече,
Ее беспокойном начале.
Помнишь, шли мы с тобой
Сквозь метельный
Невольничий свей!
От меня ты тогда
Увезла половину печали
И оставила мне
Половину надежды своей.
И остались мы оба,
Чтоб легче нести свои муки.
Помнишь, я говорил,
Что бессмертие -
Голоса звук!
Во Вселенной в веках
Сохраняются слов наших звуки.
Наша встреча свершилась,
А вечность не знает разлук.

* * *

Не возвращайся, Бога ради,
Не вспоминай мой крестный путь:
Давно сожженные тетради,
Молитвы мертвые забудь.
Поверь –
К исходу все, к исходу! -
Душе и сердцу своему,
В мою тюремную свободу,
В твою свободную тюрьму.
Слепой толпы дурман,
Событий
Вихрь не коснулся нас ничуть.
Мы в жизни Богом не забыты!
А суд общественный забудь.

* * *

Родимая, что нам осталось?
Висков крутое серебро,
Неизреченная усталость
И недобитое добро.
И прежде, чем уйдем мы оба,
Я в остывающем доме
За несвершившуюся злобу
Стакан граненый подниму.

* * *

В каком это будет году?
Буранами,
Яровью ль синей
Я прежней Россией пройду,
Представ перед новой Россией.
Упрека не выскажу я,
Свободный от плеток,
От клеток.
Я клял тебя -
Раб пятилеток.
Я был им.
И жил не живя.
Привет тебе, век, исполать,
Приветь меня, вечного мима!
О чем же мечтать, что желать? -
Все мимо:
Ни дома, ни дыма.
Бог с ним, двум смертям не бывать.
Успеть бы к родимой купели.
Не стоит меня отпевать.
Еще в колыбели отпели.
Дождями прибьет лебеду.
Домой,
Через степь,
По туману
В простор на закат я пойду
И степью туманною стану.

СЧАСТЬЕ И СМЕРТЬ

Миша умер 11 мая 2004 года в половине одиннадцатого вечера. За три дня до этого сказал:

- Не хотел тебя пугать...

Помолчал, потом все-таки продолжил:

- Сегодня ночью мне привиделась собственная смерть. Разрытая земля.

- Брось, - сказала я. - Тебе было плохо и думал об этом. Вспомни - сколько раз ты уже собирался

умирать, но обходилось.

Это было правдой, но в последние месяцы тяжелые мысли слишком приближались к реальности. Однако до последнего момента Миша хотел еще немного пожить. Мы сходили в стоматологический кабинет и подготовили зубы к протезированию. Залечил язву желудка. Готовился «довести до ума» сборник «Молитвы времени разлома», как это уже было сделано с «Обуегленными веком». Я купила ему новые кожаные ботинки - гулять, как мы это делали минувшим летом, обсуждая главы совместной работы «Судьба поэта».

Впоследствии лечащий врач скажет:

- Я думал, он лето еще проживет, а уж будущую зиму - вряд ли.

Но до лета он не дотянул.

Катастрофа случилась, когда Миша по своей беспечности, удивительной в его возрасте и при таком наборе болезней, пошел из больничной палаты ночью в общественный туалет в одной рубашке. Апрельское похолодание сопровождалось ветром и снегом, снег несло в раскрытое окно... Простуда сразу перешла в воспаление легких.

Его еще пытались спасти. Врач доставал через руководство больницы дорогостоящие препараты. Две недели я ночевала у него в двухместной палате, на вторую койку никого не помещали. После мучительной шестичасовой капельницы начали отекать ноги. Я купила ему растягивающиеся шлепанцы (на «залипах»), чтобы можно было делать изменения по объему ног. Однажды врач зашел в палату и с удивлением констатировал, что Михаил из кризиса, кажется, выбрался: такой крепости организма врач, похоже, сам не ожидал.

... По телевизору транслировали празднование Дня Победы. Еще вечером девятого мая мы с Михаилом обсуждали электронную почту и стихи с сайта «Стихи.Ру», я записывала ответы авторам. А десятого утром он позвонил по мобильнику:

- Приезжай, мне плохо.

Дальше были двое суток кошмара. Я снова ночевала у него, но сна не было обоим... Никто не мог определить причины тяжелого состояния. Вызывали хирурга. Сделали рентген, проверили язву, сердце, легкие, желудок - все в пределах «возрастной нормы». А между тем боли шли по нарастающей. Он почти все время стонал или кричал. Вот так же описывалась смерть Блока...

К вечеру 11 мая я пришла к нему с ночевой, но соседнюю койку занимал новый пациент. Это было для меня некоторой неожиданностью, да и для соседа, надо думать, присутствие в палате чужой женщины в ночное время составляет неудобство. Медсестра Галя сказала, что мне сейчас лучше уйти («Сделали хороший болеутоляющий укол, и теперь он будет спать, я дежурю и прослежу»). Придти посоветовала утром.

Однако укол не подействовал. Боли усиливались. Муж просил то приподнять его, то опустить, то помочь повернуться на бок... От не зажатой вовремя вены рубашка была кроваво-мокрой, я просила Мишу приподняться на локтях, чтобы её вытащить, но он уже не мог, а у меня не было сил. Я гладила его по незакрытым местам тела, ему это нравилось и немного успокаивало, только просил не касаться области воспаленного солнечного сплетения. Внезапно я ощутила, что опухшие ноги под моими поглаживаниями холодеют (не прокачивает сердце!), но ничего ему не сказала.

Снова пришел хирург и велел везти в хирургический корпус на операцию.

Я немало колебалась - стоит ли рассказывать дальнейший эпизод, он компрометирует порядки в городской больнице, врачи которой сделали для Михаила так много хорошего.

Для врачебного персонала Сопин был не рядовой больной. Думаю, главную роль играло внимание властей, которые время от времени по «наводке» Союза писателей России о нем справлялись. Врачи приходили к нему не только как к пациенту, но и как к интересному собеседнику. Видели, что он здесь не просто лечится, но работает (всегда обложен рукописями). Особенно часто заходил лучший вологодский кардиолог Виктор Александрович Ухов. Помню, как он однажды насмешил нас, сказав:

- Я, Михаил Николаевич, знаете, как Вас уважаю! У меня первым очень знаменитым пациентом был Виктор Астафьев, я тогда еще совсем молодым был. А теперь вот Вы. Вы для меня... прямо как Маяковский.

Маленький черно-белый телевизор Ухова постоянно «дежурил» в Мишиной палате, а гастроэнтеролог приносила редкие книги и магнитофонные записи.

Но вечером 11 мая никого из них здесь не было. И дежурного врача на отделении – тоже.

Не будь даже безобразных сцен, о которых я напишу ниже – спасти Мишу не удалось бы. Это уже была агония, она продолжалась вторые сутки. Все-таки больного честно пытаются спасти, но... до чего неуклюже!

Сцены хорошо характеризуют положение вещей в современной российской медицине. И как же эта фантаσμαгория созвучна творчеству Сопина – ну прямо подтверждение его стихов:

Две вечных российских проблемы –
«Что делать?» и «Кто виноват?».
Ни четкого плана, ни схемы...
Россия-Россия, виват!

Наконец, те, кому дорого творчество Михаила Николаевича, имеют право узнать о последних минутах его жизни, и, я уверена, он этому не воспротивился бы.

Итак, поступает распоряжение везти больного в хирургический корпус, а это в другом здании, через дорогу. Санитарная машина есть, но пациента еще надо доставить с пятого этажа вниз.

Идти сам он не может, а тележка не въезжает в палату. Приносят носилки, но их некому нести. Сестра Галя пошла по палатам, призвала на помощь мужчин помоложе. Они подняли Мишу прямо на окровавленной простыне и тонком одеяле, положили на холодные прорезиненные носилки. Везут по коридору, все это сооружение подсказывает, а я ведь знаю, что у него каждое неловкое движение вызывает боль. «Куда ставить в лифте?» - «Кладите на пол». Ну прямо как в военно-полевых условиях, когда медсестра тащит раненого по ухамам, у него ног нет, а она: «Потерпи, миленький...»

Вынесли на улицу, холод и ветер усиливаются. Стоим на крыльце, а проезд заняла посторонняя машина, отогнать - нет водителя. Я в курточке, здоровая, мне и то холодно. А

он полуголый. Прикрыть нечем - захватить второе одеяло не догадались. Кричит: «Мне холодно!» Я сняла курточку, пытаюсь укрыть, но она маленькая, сползает. Впрочем, вряд ли он тогда оценивал ситуацию адекватно.

Привезли в хирургию, вышел главный, посмотрел:

- Для операции нет показаний. Зачем привезли? Разве не видно, что у него хрипы по всем легким? - возвращайте в пульман, пусть лечат.

Тут даже медсестра возмутилась:

-Зачем издеваетесь? Ведь мы по вашему указанию доставили! Если ваш специалист не компетентен, могли бы прислать пограмотнее!

Далее повторяется весь этот кошмар в обратном порядке с той разницей, что теперь даже нижнее белье у меня в руках. Куда теперь? - в реанимацию, а такая всего одна, в кардиологии. Там не принимают:

- У нас только одно свободное место. А вдруг кого с инфарктом привезут?

Я взмолилась:

- Вы только снимите этот ужасный приступ. Куда такого в палату?

Галя трясет бумажкой из хирургии с указанием «принять», побежала договариваться...

Вобщем, согласились. Последние Мишины слова были: «Воздуху! Воздуху!» - и: «Ты, Татьяна, от меня не уходи».

...В реанимацию меня не допустили. Я спросила Галю, что теперь будет.

- Дадут сильный наркотик, чтобы снять боли, и этим окончательно посадят сердце.

Потом рассудила, что раз уж в реанимации взяли, до утра все равно не выпустят, да и в последующие два-три дня тоже. Лучше мне сейчас уйти, а утром позвонить.

Я пришла домой и позвонила Пете в Петербург:

- Сегодня ночью папа, наверное, умрет.

Но он умер не ночью... через пять-семь минут после того, как мы расстались. В это время я еще не покинула стен больницы.

На похоронах я сказала:

- У Михаила была тяжелая жизнь, и все-таки он был счастливым человеком. Он говорил: «Сколько ребят на Украине погибло от голода и болезней в тридцатые, а я выжил. Потом – война, бои, бомбы... Сотни тысяч полегли, а я жив. Дальше - лагеря. Люди умирали не только от голода, работы и расстрелов: спивались, уходили в наркоту, вешались... Это продолжалось с ними и по выходе на свободу. Их целенаправленно уничтожали, физически и морально, а я все жив. И не просто жив! Успел сказать Слово от имени этого поколения. Имею семью, замечательных сыновей, издаю стихи, принят в Союз писателей. Благодаря Интернету меня узнали в мире...»

...Он трудно умирал, но был не один. С ним были врачи, и я его не оставляла. Памяти Михаила Сопина посвятили страницы крупнейшие вологодские газеты. В одной из них опубликована статья Михаила Берковича из Ашкелона «Чему учит поэзия?» Но мне кажется, это только начало. Его творчество нуждается в серьезном изучении.

Из последних стихов, опубликованных на сайте «Стихи.Ру»

* * *

Снимали в профиль и в анфас
Радетели родной сторонки,
И обеспечили для нас
Еще при жизни похоронки.
Сравнив, кто я и кто они,
Отвечу строчкой многоточий:
То ночи белые, как дни,

То дни бездоннее, чем ночи...
Нет безболезненных потерь,
А жизнь – властительная сводня.
Моя надежда – цепь потерь.
Твоя – как выглядит сегодня?
Взгляну на жизнь со всех сторон:
В каком-то смысле – все мы ровня.
Но, веря мудрости ворон,
Себе возьму беловоронье.
Чего хочу – то будет пусть.
Кто я на свете
И зачем я?
И отрекаясь – отрекусь
От собственного отречения.

ВЕЧЕРНЯЯ СВЕЧА

За мной - стена. Передо мной - стена.
Душа от скверны освобождена.
От зависти,
Неправых слов сплеча.
Так много мы вокруг не замечали!
Теперь их нет.
Остался ровный свет –
Горит судьбы вечерняя свеча.
Глядят во пламя
Два зрачка печали.
И голова моя от дум седа,
От светлых дум...
Судьбу свою итожа,
Я счастлив тем,
Что выпало мне все же
Покаяться
До Страшного суда.

ПРОШУ

1.
Дышит насаженно лира,
Смотрит, не видя, вперед.
Мне
Из погибшего
Мира
Память
Уйти
Не дает.
2.
Прошу об одном лишь:
Пусть будет не поздней расплата
За слово, за немость,
За помысел тайный, за стих.
Избавь от победы,
От зависти, славы, от злата.

Пошли мне прозреньё -
Прозреньё до действий моих.

КОРАБЛИ СОЧИНЕННОГО СЧАСТЬЯ

Моим любимым, собратьям и сестренкам по сайту «Стихи.Ру»

Я застыл
На черте переходной,
Посылая молитвы в зенит:
Мир - стихия,
А мы - пароходы.
Каждый сущий в себе знаменит!
По Завету,
По злему навету
Скоросменной политчепухи
Мы развозим по белому свету
Островками
Не наши грехи.
Предпосылка, закон сопричастья?
Неразгаданность света и тьмы.
Корабли сочиненного счастья,
В темный порт возвращаемся мы.

ДВА ЖЕЛТЕНЬКИХ КОРАБЛИКА

Доверчивая, чуткая, любимая,
С глазами –
Цвета не увядших ив!
Подумать страшно –
Мог бы, мог бы мимо я
Пройти,
Твоей души не оценив.
Судьба моя,
Причальная излучина,
По милости властительных невежд
Так много
В моей жизни взбаламучено,
Так много в ней
Загублено надежд.
Тепло мое,
Святого света капелька,
Дороги наши сожжены не все!
Плывут два наших
Желтеньких кораблика,
Качаясь
В предзакатной полосе.

ТАК СТРАННО...

Так странно:
Однажды
Исчезнут мой разум и тело,
Подвластны законам,
Единым для звезд и песчин,
И я не услышу,
Что рядышком ты пролетела,
Частичку меня
Окликая
В бездонной
Бессмертной
Ночи...

* * *

Т.

Так куролесит,
Так выюжит -
Столбушки снежные,
Колодцы!
Теперь бы только жить да жить,
Да времени не остается.
Моей усталой жизни челн
Уносит к краю водопада.
Не говори мне ни о чем,
Не утешай, прошу, не надо.
Почти что сверстаны дела.
Лета разлуку прокричали.
Я не хочу, чтоб ты была
Последней пристанью печали.
Живи.
Тепло души храни,
И знай, что, уходя в дорогу,
Я пережил
Святые дни
Благодаря
Тебе
И Богу.

* * *

Однажды
Не взойдет звезда
Вечерового небосклона.
Не вместе
Крикнут поезда
И замолчат разъединенно.
И незаметно ты пройдешь-
Печалью глаз по закоюню.
И твой уход
В осенний дождь

Благословлю.
И не zapomню.

* * *

Позывные мои -
Бесконечно благодарю!
Ты молитвы мои
Допусти к твоему алтарю.
Обними -
Можно мысленно...
Не отторгай, что я делаю.
Подложи мне ладони
Под усталую голову белую.

ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

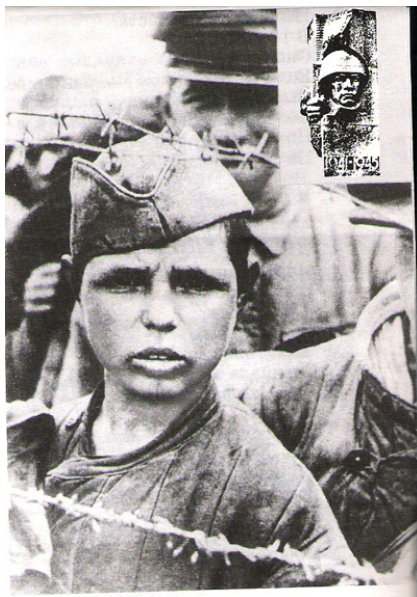
Я не знаю,
Поют ли теперь
Перепелки во ржи –
Когда можно, как в воду,
Войти в знойный запах над рожью!
Пусть никто обо мне
Никогда не услышит:
«Он жил...»
Я хожу и сейчас
Под дождями,
Тайгой, бездорожьем.
Пропадаю в туманах
И лугом дышу голубым,
И полынью,
И запахом
Яблонь и вишен!..
В это трудно поверить –
Как был я богат,
Как любим!
Все вошло в мое сердце,
Все помню,
Все вижу, все слышу.
Я приветствую жизнь:
Лошадей
И луга,
И луну.
Голоса поездов,
Пассажиров,
Названия станций.
И в рассветы столетий
Входя,
С головой утону,
Чтоб душою и сердцем
Остаться,
Остаться,
Остаться.

Вы летите, летите
К желанной
Далекой звезде!
Я останусь навек –
Там, где детство,
Как привкус от вишен!
Где любая изба
Проскрипит вам:
«Он только что вышел».
Журавлей над Россией
Спросите –
Ответят:
«Он здесь».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это эссе-размышление создавалось летом 2003 года, последнюю главу я дописала в мае 2004 года. Сейчас, когда Михаила нет в живых и я изучаю его архивы все глубже, думаю, что кое-что осветила бы по-другому. Но.... это наш совместный труд, все главы были прочитаны и поправлены с учетом пожеланий поэта.. Миша искренне радовался тому, что благодаря этим записям его творчество будет понято глубже. А если у меня или кого-то другого появятся новые размышления, толкования и наблюдения - это будет уже другой труд.

МАЛЬЧИШКА-ВОИН

Когда началась война, Михаилу Сопину было десять лет.

Вот как он это вспоминает:

«Мы не успели эвакуироваться, помню, собирались ехать в каком-то эшелоне, а в тылу нашем уже были немцы. Бежали из-под Харькова, в одной массе – солдаты, дети, старики, женщины... Это был какой-то бег исхода. Если бы нас остановили, мы, наверное, умерли бы на месте. До сих пор не верю, что выжил... Немцы нас нагнали. Разорванные, раздавленные дети, их утюжили танками. Меня ранило осколком в голову, спас какой-то военный – замотал голову тряпкой и пихнул в районе Богодухова в товарный вагон, я там валялся на опилках весь в крови. Растолкала старушка, снова мы куда-то шли. Снова я в скоплении народа. Помню, уперлись в реку: горел мост и солдаты наспех сколачивали плоты. На них люди прыгали вместе с детьми, плоты переворачивались. И все это под бомбежкой...»

Детей (Мишку, маленького братишку Толика и старшую сестру Катю) переправляют к бабушке в деревню, на Курщину, но война настагает и тут:

«У нас во дворе частями Красной Армии были прорыты профильные окопы, потом брошены. Окопы ошибочно выкопали за избой, а дом таким образом оказался на линии огня. Начались тяжелейшие бои. Однажды во двор заскочили двое молоденьких солдатиков и прямо перед окнами стали устанавливать пулемет, но никак не могли его заправить. Бабушка выскочила с поленом: «Куда ставите, сейчас начнут бить по хате, а здесь дети малые!» Велела тащить пулемет на угол двора и там сама заправила пулеметную ленту.

Когда начинались налеты, мы с Катериной бежали прятаться в погреб. Бомбежки продолжались по трое-четверо суток... Я был в зачумленном состоянии. Когда сутками напролет бомбят, перестаешь испытывать страх за жизнь – безразличие полное. В таком состоянии солдаты, измотанные, спят прямо в окопах. Сейчас это совершенно не может быть понято... Скорее бы бомба попала, кончились муки.

Как сейчас вижу солдатика с оторванной рукой: он сидел, привалившись к нашей избе, обнял уцелевшей рукой остатки пустого рукава и раскачивался из стороны в сторону...»

В марте сорок третьего в результате неудачной операции советского командования по освобождению Харькова сразу три армии попали в «котел»: не считая погибших, триста тысяч солдат и офицеров оказались в окружении (выживших потом назовут предателями Родины). Немцы были не готовы к приему пленных в таком количестве. Их стогнали в поле на участки, огороженные колючей проволокой, не кормили и не поили, а пытавшихся при-близиться местных жителей расстреливали. Стопроцентная смертность,

тысячи больных тифом... В конце войны даже немецкий генерал Розенберг ужасался этой советской катастрофе.

Но некоторым из окруженцев удавалось избежать плена, и они небольшими группами, в одиночку, с помощью местных жителей пробивались к своим.

Однажды в хату Сопиных постучались двое летчиков, вероятно, за самым простым: поесть, напиток. Бабушка Наталья Степановна подозвала одиннадцатилетнего Мишку и велела ему вывести этих людей из окружения. Сызмальства облазившие все окрестности и прекрасно в них ориентирующиеся мальчишки действительно были лучшими проводниками.

...Он их выводит, наступает расставание. Со словами благодарности летчик снимает со своей груди «Орден Красной Звезды»: «Носи, сынок, ты заслужил». Можно представить, что значила для пацана такая оценка!

Таких орденов у него было два. В начале совместной жизни я сказала: «У тебя документы есть? Нет. Ну и не говори никому». Он и сам это понимал. Чем становился старше, тем возвращался к теме неохотнее...

Наверное, я не стала бы об этом вспоминать вообще, если бы муж перед смертью не захотел сказать сам для радиозаписи. К нам домой пришла девушка из областного радиокomiteта. Михаил догадывался, что запись последняя, и не ошибся. Сказал: «Пусть микрофон слушает». Разумеется, в эфир не прошло, но запись сохранилась.

Пятого июля сорок третьего в тех местах началось величайшее в истории Второй мировой войны сражение – Курская битва. Вместе с бабушкой и другими сельчанами Мишка вытаскивал раненых с поля боя. Погиб братишка Толик. Михаил переболел тифом. Ушел из дому, скитался по военным дорогам, и, как записано в предисловии к сборнику стихов «Свобода – тягостная ноша» (Вологда, 2002 год), «периодически находился в действующих войсках Советской Армии, принимал участие в боях армии генерала Москаленко». Война закончилась для четырнадцатилетнего подростка в танковых частях в Потсдаме.

Мальчишкой присягнув на верность армии именно тогда, когда ей было труднее всего, поэт до конца жизни не изменил позиции:

«Моя армия – это армия 1941 года - начала 42-го. Еще ближе скажу: моя армия – отступавшая. Удивительно, я так устроен: болею за команду, которая проигрывает. Они ближе, понятней...»

ИРИНЕ

В сорок первый,
Весел, шумен,
Я качусь,
На зависть всем,
В двадцать первое июня
На трамвайной «колбасе».
Громяхают перекрестки!
Контролеры не жуют...
Гладит ветер
На матроске
Золотые якоря!
И глядят в меня игриво,
Улыбаясь вдрабадан,
Непогибшая Ирина,
Негорящие года.

* * *

Только вспыхнет где-то,
Дым метнув степной...
Кажется, что это -
Виденное мной.
В рамы бьет оконные
С ветром снег, сипя.
И солдаты - конные -
Прямо в седлах спят.
Едут не на запад,
А пока назад.
Йода стойкий запах,
Дыма цвет в глазах.
Всех теперь в отряды,
Всех война свела,
И бегу я рядом
До конца села -
Был в солдатских валенках,
Ростом не по мне.
...Я остался маленьким
Где-то на войне.

* * *

Не виноват, что нет тебя,
Мое родное захолустье.
Ты помнишь, я из тех ребят,
О ком темнело небо грустью.
Ты помнишь - плачущих навзрыд!
Пришла беда - ворота настужь.
Я шел в ненастья той поры,
Когда страна была в ненастье
С коротким именем -
Война.
И я -
Под бомбами,
За мамой
Кричал в пространство:
«Отче наш!»
Но отче
Изгнан был из храма.
Ползли не русские кресты.
Глотали танки жизнь и версты...
И потому меня прости,
Когда завидовал я мертвым.
Когда, казалось, сокрушен
Несокрушимый дух России -
Я припадал к земле душой
И болью
Вечно негасимой.

БЕЖЕНЦЫ

Деревья
Ветры обмели.
Машинам мокрым голосуя,
Застыли одиночки лип.
Дожди плетутся в даль косую.
Я помню -
Вот такой же день,
Тянулись беженцев обозы
Через разъезженную озимь
В тревогу мокрых деревень.
Под этим небом,
В этом поле
Кому кричать?!
Мы все равны,
Единые судьбой и болью.
Уже кочует полстраны.
И где конец,
И где тепло -
Ответа нет.
Одни вопросы...
И нас уносит под уклон,
Как эшелон
Без паровоза.

* * *

Лунно. Полночь. Луга.
Дремлют кони.
Костерок дымовой на лугу...
Так хочу
Это видеть и помнить,
И прощаясь,
Забыть не могу.
Только взглядом молю, призывая,
Чтобы крик не испугнул:
«Где же ты?!»
Но в пыли и в дыму Лозовая.
И себя не узнать сквозь бинты.
Подмените меня, замените!
Поезда на горящих путях.
В поднебесье
Разрывы зениток –
Словно белые шапки летят.
Жгут стопы
Раскаленные сходни.
Дальше - поздно.
За насыпью - пост.
И горит меж былым и сегодня
Перебитыми крыльями
Мост.

* * *

Мне шел одиннадцатый год,
И не моя вина,
Что не дошел он – что его
Оборвала война.
Слепой, истошный вопль в овсе –
Шли танки с трех сторон,
Давили, били, рвали всех
Без всяких похорон.
На равных
Бой
И крик - ура!
Багряный след в овсе...
И на смерть бил, как били все.
И пропадал - как все:
Стреляю. Плачу. Кровь в зрачок.
Бью в башни, по крестам.
Но под разъездом Казачок –
От пули в бок
Устал.
Устал... Усталости конец –
Убитых братьев зов.
И пил в одиннадцать сырец,
С багровою слезой.
Мне говорят:
«В стихах не плачь!»
И сразу вижу их:
Идет со шмайссером
Палач...
«Их шиссе!»* - не живи!
А я живу. Назло врагу,
Безликости назло.
Где плохо – плачу,
Не могу,
Пред павшими в долгу.
За каждый город и село,
За каждую семью –
В лицо запретчикам смеюсь
За всех, кого смело.
Я вправе говорить за всех,
За всю «братву-славян»!
Кто, ворогу кадык сломя,
Шел под Анадырь
В снег.
Пришел или остался там
Без почестей и дат.
И честь, и память их свята –
Я сам из тех солдат.

.....

* - я стреляю (нем).

ИРИНА

Полстолетья кружится
Граната волчком.
Ты упала
На жесткую наледь
Ничком
В сорок третьем,
Весной
Меж гранатой и мной...

* * *

Боль безъязыкой
Не была.
Умеющему слышать – проще:
Когда молчат колокола,
Я слышу звон
Осенней роши.
Я помню –
В зареве костра
Гортанные чужие речи,
Что миром будет
Править страх,
Сердца и души искалечив.
Так будет длиться –
К году год,
Чтоб сердце праведное
Сжалось,
Любовь
Навечно отомрет,
И предрассудком
Станет жалость...
Но дух мой верил
В высший суд!
Я сам творил
Тот суд посильно,
Чтоб смертный
Приговор отцу
Не подписать
Рукою сына.

ПЕХОТА

...За сто шагов до поворота,
Где Ворскла делает дугу,
Далекой осенью
Пехота
С землей
Смешалась на бегу.
И стала тихой и свободной,
Уйдя в прилужья и поля
Сырой земли

С преградой водной
У деревеньки Тополя.
Подбило память серой льдиной:
Я здесь и плакальщик, и гость.
За все-про все –
Надел родимой,
Земли моей
Досталась горсть.

* * *

Для кого и зачем
Из сегодня,
Спотыкаясь
О память и явь,
Я бегу
Под горящую Готню
По разбитым
Осенним полям?
Через смерть,
Через сжавшийся ужас...
Может, где-то
Не все сожжено.
Может, снова кому-то я нужен
С индпакетом,
С краюхой ржаной...
Обгоревшее
Детское счастье!
Батарейный накатистый гул.
Стрелевые сибирские части
С чернотой
Запекшихся губ.
Отболели
И зажили раны.
И не пахнет
Нагаром в стволе.
Но дымится
Земля под ногами –
Десять лет,
Двадцать лет,
Сорок лет.

* * *

Живых из живых
Вырывали без списков осколки.
И вечностью было –
До третьих дожить кочетов.
Мы шли в неизвестность
На год, на мгновенье, на сколько?
Живые с убитых
Снимали в дорогу кто что.
В большом лихове
Достаточно малого блага:

Ладони в колени,
Свернуться, в скирду завалясь.
И грела живого
Пробитая пулей телага,
Так нынче - уверен –
Не греют тузов соболя.
И снилась не бойня,
Не трасс пулеметных качели:
Мне - кони с цветами в зубах,
Их несла половодьем весна.
О сколько ж их было
В судьбе моей,
Страшных кочевий!
И видевших сны,
И не вставших из вечного сна...

НА ВЕТЕР, НА ОСЕНЬ

На ветер, на осень
Развезло выстрелов залпы.
Могила и каска –
В октябрьском дожде, как в росе.
Мы завтра уходим
Вторым эшелоном на запад,
А ты остаешься...
В нейтральной пока полосе.
Не слепишь игрушек
Из глины оконной – на взгорье,
Невесть для кого
Их в пустое поставив окно.
Не выпьешь из кружки
Сырцовую мутную горечь,
Как коркой, занюхав
Потертым шинельным сукном.
Но кто-то, когда-то,
Друзья фронтовые, солдаты
Присядут и выпьют,
Без слов, без боев, без побед,
И тихо прошепчут:
«За всех – до конца не дошедших,
За позднюю славу
И вечную память –
Себе».

* * *

Сторона моя
В дальней пороше,
Ветер бешеный,
Бьющий, как плеть!
Для кого мне,
Жалея о прошлом,
В настоящем себя не жалеть?

Хлеб мой горький -
Дорожный мой камень.
Сумасшедший прищур амбразур.
Почему
Пропылившее в память
Так легко
И так тяжело несут?
Сторона ты моя
В поле белом!
За тебя,
Разоренный уют,
Наливаю стакан до предела,
Через край - за разлуку свою.
За живых,
За погибших когда-то,
Ставших пеплом
В пожарищах битв...
Да, мне жаль,
Что я не был солдатом.
Да,
Мне жаль,
Что я не был убит.

ХЛЕБ

Поле,
Полношко послевоенное...
Как ни бейся,
Как слезы ни лей,
Тощих речек
Иссохшими венами
Не могли
Напоить
Мы полей.
Век от века,
Родные,
Как водится,
Вам нельзя
Уставать и болеть!
Дорогие мои богородицы,
Берегини российских полей...
Слезы вдовьи
Везде одинаковы.
Но тогда,
Когда бился народ,
Вы по-русски,
Особенно плакали,
На сто лет выгорая вперед.
Шаг за шагом,
Без крика-безумия
На валец налегали вдвоем...
До сих пор

Под железными зубьями
Разбивается сердце мое.
Бороздою
И пристяжью пройдено -
Тот не знает,
Кому не пришлось.
Не познав
Родословную Родины,
Не поймешь
Родословную слез.

КОРОВА

Дым ползет от хвороста сырого,
Виснет на кустах невядаке.
Бабкина пятнистая корова
Тащит в дождь меня на поводке.
Листика коричневого орден
Прилепился на ее губу,
И слезинки катятся по морде
За мою сиротскую судьбу.
Я гляжу надуманно-сурово
И в который раз, кривя душой,
Говорю ей: «Ты не плачь, корова,
Ты не плачь... Я вырасту большой!
И тогда ходить тебе не надо,
В вымокшее поле глаз кося,
Да и мне в колдобинах не падать,
В сапогах солдатских грязь меся».

* * *

Раздумья, раздумья...
Вкипели - не вырви, ни выкинь.
Живьем по живому
Упали в глубины души.
Сожженные избы -
Как будто Руси горемыки
Сошлись и застыли,
На посохи лет опершись.
Сажу у окна.
И гляжу в облаковую завязь.
А мысли - совсем не о том,
Что сейчас на виду...
Повеяло детством
И болью.
И вдруг показалось -
Какими путями!
Метелица...
В мертвом саду.
Воронки ровняла
Равнинною беглою мретью.
И в сердце вгоняла

Не грустный, а яростный вой.
Крутая, февральская,
С запахом тем,
В сорок третьем:
И пахло свободой
И смертью
У передовой.
Сжигали мне легкие яростью
Север и запад.
Но там, в сорок третьем -
В нем правда, свобода,
Мой суд.
И воли, и чести
Метельный отчества запах
До смертного часа
В душе болевой пронесу.

СУДЬБА ПОРОХОВАЯ

Еще ребят не называли ветеранами...
И День танкиста
От души благословя,
Без отстраненности,
Вплотную были равными,
Одной для всех
Пороховой судьбой славян.
Когда-нибудь
К разъезду выйду и поеду
Товарняком!
Взметнется пыль из-под колес!
В страну далекую,
Где делали Победу
Для светлой радости
И для тяжелых слез.
Туда, туда,
В родимую сторонку,
Где я необходим,
Как нежность и как суд!
Ах, годы-годы...
Еще будут похорожки.
Живые письма
От погибших принесут.
Курили «Экстру» и «Катюшу»
Мы подростками.
В телегах черных
Не страшились декабрей.
И поразительно,
В такие годы жесткие
Сердца приветней были,
Проще и добрей.

* * *

Не тобой
Я единственно болен.
Отдыхал ураганом стальным.
Дай мне мужества,
Детское поле,
До родимой дойти стороны!
Подними меня,
Юности птица,
Над простором,
Что мною воспет,
Чтобы мог я с разгону разбиться
На земле, где родился на свет.
Захлебнуться тем давним,
Что было,
Раз единственный
Счастьем вздурев,
В той земле
Прорасти чернобылом
Среди серых крестов на бугре.

ТВОЕЙ ЧАСТИЦЕЮ

Я не был
Беспокоен или тих.
Жил напряженно,
Тяжело и сложно.
Как дирижер -
От каждой ноты ложной
Я задышался, Родина.
Прости.
Прости меня.
Иначе я не мог.
Я - как слепой
Вставал на поле боя.
Не страх
Бросал вперед меня.
Не долг,
А невозможность
Не дышать тобою.
Мне важно - где
И важно - как умру!
Душа моя вольна,
Как в небе птица.
Оттуда я,
Где предок шел за Русь,
Забыв перед резней перекреститься.
Я знаю все огни
И холода.
Сдыхал в тифу.
И не был лишь инертным.
Не славу дай -

Ты
Умереть мне дай,
Чтоб стать
Твоей частицею
Посмертно.

ХОДИКИ

Вперед, мои ходики.
Тикайте, верные ходики.
Прошла семилетка, другая...
Кукушка: ку-ку.
Прошло изобилие.
Вышли в герои угодники.
Чего не пришлось повидать нам
На этом веку!
Прожил так, как надо.
И сверху не ждал перемены.
Когда на подъемах гудели
Поджилки мои -
Считали поэты за строчки рубли,
Как бармены,
И лирики скромные
Шли к холуям в холуи.
По всем тупикам-лабиринтам, судьба,
Мы протопали.
Душа разрывалась,
Но... дебри покоя - извне.
И бешеным чертом
Кружил я в пылающем во поле,
По самой - по саменной
Жал по его крутизне.
Сиротской, военной дорогой
Бежал по заснежью я,
На тяжкий свой крест
Восходил по босяцкой стезе.
Враги не добились.
Ты слышишь меня,
Моя нежная?
Молитвой своей защиты
От судей-лжедрузей.
Ро-ди-менькая...
Над чужими мне землями дальними
По детскому полю
Дыханье
Холстом простели...
Знамена гудят.
Ослепляет сиянье медальное.
К земле припаду -
Там увечно гремят костыли.
В чем счастье земное?
Не в том ли, что прошлое помнишь?

Стою вот теперь,
В перекрестьях морщинок лицо.
Во взгляде,
Еще удивленно распахнутом в полночь,
Огни батарей,
Поездов, пересылок, лесов.

* * *

Что было езжено,
Что было пожито,
Водою вешнею
Метнуло по желтью.
О чем страдать уже,
Зачем, печальница?
Горит- горит в душе
И не кончается...
На травы волглые
Какой уж снег летит!
Такая долгая
Любовь у памяти.
Не потревожат степь потерь
Гудками сизыми -
Все эшелоны те
Давно уж списаны.
Не жди вихрастого
Мальчишку-воина...
Одна ветла стоит
Пристанционная.

СОЛДАТАМ РОССИИ

Полвека снятся сны о битвах
Степных, метельных, дождевых...
Что я живой
Среди убитых
И неживой –
Среди живых.
И тягостно от лжепричастья
Словес:
Никто не позабыт!
Кричу,
Но мне не докричаться:
Кровавым грунтом
Рот забит.
И слышу без вести пропавших,
Их мысли шепчут ковыли:
«Что там за жизнь
У близких наших?
Ответь:
Не зря мы полегли?»
И я броском –
Назад от даты,

Туда,
Сквозь грязь,
По гужевым,
Где примут исповедь
Солдаты
И нарекут
Меня
Живым.

Я ТЕБЕ НЕ ПИСАЛ...
Из лагерных тетрадей 1968-69 г.

«Лагерные тетради», написанные на поселении Глубинное Чердынского района Пермской области, пролежали в домашнем архиве около сорока лет. Там многие сотни стихов. Они еще полностью не прочитаны, нигде не напечатаны, даже не сосчитаны. Прочитать их действительно трудно: бисерные строчки карандашом в каждую клеточку общих тетрадей, иногда по два столбца на каждой странице, заполнено буквально все и без помарок... потому что все

неудачное подтиралось резинкой – из экономии бумаги. Тетрадь нужно было всегда держать при себе, чтобы не пропала.

На поселение заключенных выводили после отбытия ими двух третей общего срока при отсутствии грубых нарушений лагерного режима. Труд такой же, как в зоне, но вместо постоянного конвоя - надзор. Разрешалось носить гражданскую одежду, иметь деньги и пользоваться услугами магазина (в котором, как правило, нечего купить), вести переписку и иметь свидания. За нарушение границ поселения – возвращение в зону.

«Лагерные тетради» отличаются от известной литературы подобного типа: это дневниковые записи внутренней жизни заключенного, и только в очень редких случаях – внешних ее проявлений. Между тем, от Михаила ждали и даже просили именно бытописания. «Все написано, все известно, - говорил он в таких случаях. - Читайте Шаламова, Солженицына...».

А если поэт и пытался вводить натуралистические детали, это выглядело инородно. Другое дело - природа: по «Лагерным тетрадям» живо воссоздается облик затерянного в

уральской глуши поселка. Стихами автор стремится сохранить душу, а душа тянется не к мертвому и жестокому, а к живому.

* * *

Опять на сердце
Омут странный
И учащенно-тяжкий
Гул.
Текут стихи,
Как кровь из раны.
Бегут и стынут...
И бегут.
И думы...
Как беде случиться
Непоправимой и большой?
И нет желания лечиться
Ничем:
Ни телом, ни душой.

* * *

Мне снился сон.
Приснился в детстве мне.
Он в памяти.
А память не слаба та.
Как будто я на вороном коне
Въезжал в страну стихов
Под тяжкий вопль набата.
На мне армяк мужицкий,
А в руке -
Не жезл, не нож,
Не свод приговорений,
А до сих пор не изданный никем
Посмертно
Том моих стихотворений.
Вокруг галдеж
И ожидания зуд.
И начал я о доле человеческой.
И плавилась людская боль в грозу,
Иное все сметая и увеча.

* * *

О близком,
Об утраченном,
О давнем,
Нисколько ничего не утая,
Я расскажу тебе,
Моя исповедальня,
И в тишь и в бурю
Спутница моя.
Я расскажу,
Как самое простое,
О тяжелой драке

Разума и чувств,
Чтоб каждою
Протоптанной строкою
Стать по уму для всех,
Как по плечу.
О радостях
Прозрачных и туманных,
Об океанах северной тоски,
О не заживших ссадинах и ранах,
Что жгут,
Как аравийские пески.

* * *

Смеющиеся рты. Не люди, а гримасы,
Глазeya на меня, стоят на берегу.
А я на их глазах – беспомощною массой –
Никак не утону и выплыть не могу.
Но это только сон, но это только снится,
Когда я сам с собой лежу, глаза смежив.
И прошлое, как пыль, садится на ресницы,
Года и дни идут - и так проходит жизнь.

БУДТО

Пою.
И до рези в ушах
не слышно голос мой.
Так поет лишь душа
или, освещенный факелом тоски,
в ночи
кричит немой.
Аплодисменты... Аплодисменты...
Это аплодируют мне,
смещаются руки и лица.
Но я их только вижу, как во сне,
или как взмахи крыльев,
когда осенью улетают птицы.
Плачу,
а по щекам моим
вместо слез
только тени их скачут,
только видения.
Смеюсь, запрокидывая голову.
Смех жизнерадостен и искрист.
А рот почему-то не могу раскрыть,
будто кто запаял его оловом.
И получается,
что кипением звуков, слов и чувств
я внутри самого себя клокочу,
как котёл на огне,
на котором манометра нет.

* * *

Я когда-то знал человека.
Он не стар. Не дожил до седин.
И хотел на кулачики с веком
Выйти драться один на один.
Только не соизмерил силы.
И удара не ждал - под дых.
Подкосило его, подкосило,
Как потоком густой воды.
И, как щепку в весеннюю паводь,
Понесло по подводным камням...
А ведь он не умеет плавать,
И до грусти похож на меня,
Что аж тело мне этим разливом
Прожигает до самой кости.
Неужели ж я вслед боязливо,
Глухо крикну: «Бродяга, прости!»
Ты же многим прощал и не это,
Да и это простишь все равно...
Но в ответ засмеялась где-то
Моя жизнь, обнимаясь с волной.

* * *

Стихи имеют вкусы и цвета.
Раз «белый» есть,
То значит есть и синий.
А у меня порой бывает так:
Пишу на чае и на эфедрине.
Но грусти в этом нет. Как нет и бед.
В краю безмолвья, выюг и безголосья
Я лишь хочу успеть в самом себе
Скосить стихов последние колосья,
Чтоб не остались - если дунет осень,
Нежданная, безвременная вдруг -
На брошенном до пахоты покосе
На стебельках качаться на ветру.

* * *

В моих стихах
Осенний стылый шум,
Иль путник мнет
Дороги хлипкой жижу.
Но я о солнце
Изредка пишу
Лишь потому,
Что сам его не вижу.
Во мне душа
Сорокой на колу
Сидит, как спит
С закрытыми глазами.
И путь пролег
Под грустным светом лун,

Где в полночь
Тихо-тихо плачет заметить.
О чем она -
То плачет, то поет?
Нельзя понять.
Но в том многоголосье
Мне кажется
Минувшее мое,
Как втоптанные
В пахоту колосья.

СМЕШНАЯ ГРУСТЬ

Дождливая осень.
На исхудалых шейках стеблей -
колосья
ржи.
Вниз лицом.
Пустыми глазницами.
И мнится,
будто поздравили
с утерянной радостью,
сердцем которую ты давно пережил.
Или наносят запоздалые удары
за ошибки
полузабытые, старые,
безголосые.
Они - те же колосья,
зерна которых созрели
и осыпались по жнивью
в мокрую землю прошедшего,
в минувшую осень.
А за них, если и не возносят,
то и не бьют.

КОШМАРНЫЕ СНЫ

Все чаще и чаще я вижу
кошмарные сны.
Как будто был ранен смертельно,
но выжил,
и лишь потому,
что мне раны лижут
гибриды зверей лесных.
Подходят, вроде,
и снова уходят,
прodelывая это несколько раз.
И будто это у них в моде -
отвердевшие слезы точат из глаз.
А я хочу их погладить,
но рук не могу поднять,
чтобы преодолеть треть пяди -

расстояние от них до меня.
И особенно мне делается тоскливо,
но этой грусти другим не понять -
это,
когда участливо скосив глаз сливы,
они сидят неподвижно и долго
и глядят на меня.

* * *

Оплаывают - как воск со свечи -
Моей памяти давние боли.
И душа уж не корчится боле.
А глядит на огонь и молчит.
Я, наверное, быстро старею.
Чаще руки от холода тру.
Даже грустное прошлое греет,
Как костер на холодном ветру.
И недавняя чья-то насмешка,
И почти что забытое зло
Чуть заметно кривят усмешкой
Бледных губ нездоровый излом.
Только я не измят, не измаян,
Не лежу после странствий пластом,
И нагар со свечи убирая,
Освещаю не топленый дом.

МОЯ РАДОСТЬ

Ближе, ближе, ближе...
Слышны восторги в толпе.
А ветер лицо мое лижет,
Пылит и мешает мне петь.
Я счастлив.
Но только не вижу
Тех, для кого пою.
Резкий свет глаза мои выжег,
Как выжигает солнце
Степные травы в июнь.
Но я так люблю жизнь,
И не хочу умирать -
Боже, сохрани.
И срывая цветы сердца,
Бросаю их
В раскаленную дорожную пыль,
Чтоб люди прошли по ним.
Пусть идут,
Лепестки ломая
И хрупкие стебли топча.
Только бы молчала во мне
Слепая и немая
Моя печаль.

* * *

Нынче, в полдень,
Голубка слетела под наше окно.
Видно, даже птице
Становится грустно одной
В поднебесье кружиться.
Я вынес ей зерен
И высыпал там,
Где истоптана в корень трава.
Но она не стала клевать,
И вскоре ее поглотило осеннее небо,
Его высота.
О, вот так и ко мне бы,
В полдень жизни уже пожелтелый,
Ты неожиданно-негаданно
Душу согреть прилетела!

* * *

Ночь.
Подхваченный ветром,
Чей-то свист улетает за гать
Невидимой полоской,
Но кажется, что голубою.
Следом - тусклые вспышки.
Это собачья нудьга.
Плачет пес,
Зацепившись за ветер губой.
Ночь.
Ударился
Где-то о воду остывший звук
И, воды не расплескав,
Качнулся на легкой волне.
И собака, откусив кусочек ночи,
Протяжно забылась во сне.

* * *

О жизнь,
Скажи, куда же я иду:
Дорога то сложна,
То так, простая...
И дни мои,
Как первые снега,
То упадут, то вдруг до капли стоят.
Я часто говорю себе:
«Постой,
Ты ж человеком создан, а не шпицем.
Зачем же делать жизнь свою пустой
И на любое эхо торопиться?»
И отвечаю тут же сам себе:
А может, там,
Где нет меня сегодня,
Дрожит душа, застывшая от бед,

Как на морозе стынет новогоднем?
И некому дыханьем губ согреть,
И некому подать воды напиться...
И тороплюсь -
Скорей-скорей-скорей
Туда, где ждут,
Бездомным, старым шпирцем.

* * *

Упадет на сердце боль живая -
В стылом стоне корчится душа.
Боль не снег,
Что по весне растаяв,
Убежит, ручьями промуршав.
Сколько лет
В расцвеченной одежде
Отгуляв,
Останутся вдали...
Сколько-сколько
Минует их прежде,
Чем утихнет все
И отболит.
Потому - по воле, по неволе -
Кто они,
Чужие ли, свои,
Даже каплей,
Малой каплей боли
Человечье сердце не пой.

НЕ КРИЧИ

Не кричи, не кричи,
Не кричи, моя боль,
Не кричи.
Кто с тобою нам
Жизнь нагадал:
Ту, что есть,
Что была и осталась.
Словно филин в ночи,
Во мне зорко былые года
Стерегут,
Чтоб когтями
Схватить,
Что прожить нам осталось.
Я не знаю безумий
Безумнее тех,
Что сейчас...
И печали не знаю
Со всеми ее именами.
Знаю только -
Когда тебя бьют,
То резвись, хохоча,

Потому что
Так принято, принято,
Принято нами.

* * *

Уйти бы, уйти бы, уйти бы
От счастья,
От грусти смешной
В пустыню,
Где льдистые глыбы
Тревожно
Горят под луной.
Забуть навсегда
Пораженья,
Грядущих побед
Не испив.
А рядом бы
Тенью саженой
Былое,
Как пес на цепи,
Беззвучно, бесшумно и молча,
Сквозь множество
Бедствий и бед,
Душа чтоб, взывая по-волчьи,
Не знала пощады к себе.

ЛУНИЙ ГЛАЗ

Тревожно.
Ветер зол, летуч,
Свистит,
До теней все объемя.
И лунный глаз
Сквозь веки туч
Глядит задумчиво на землю.
Предвестьем смуты
Снег кружит
И прочь несет в ночные дали,
Как будто где-то мятежи,
Каких еще и не видали.
Тревога. Ночь.
Вьюжит в степи.
Бурану ль быть,
Чему другому?
Душа натянута,
Как нить,
И сердце пьет кровавый гомон.

* * *

Мне снился сон.
В нем - тяжкий воздых
О пройденном
За столько лет...
И будто я
Поднялся в воздух,
И нет мне места на земле.
И в тучах
Из цветного ситца
Кружу,
Кружу-кружу-кружу,
Боясь на землю опуститься,
В ее мятущуюся жуть,
Где, раздирая рот в улыбке
И плоть зудящую свою -
Сонм масок,
Призрачных и зыбких,
В разноголосицу поют,
Вопят и падают куда-то,
Где дым, и копоть, и огни...
И мир,
Седой и бородатый,
Глядит задумчиво на них.

* * *

Треплет ветер
Сумятицу вьюг,
И собаки,
Устав, замолчали...
Только я,
Как безумец, пою
В полыхающий саван печали.
Я не знаю, услышит ли кто
Этот вопль,
Этот хрип бесполезный?
Синим ртом
Под седой темнотой
Я дышу,
Задержавшись над бездной.

КРЕСТ

Карандаш в руке.
Припав на локоть,
Я пишу, пишу, пишу, пишу
О своей судьбине одинокой,
Под нелепых слов
Ненужный шум.
Для чего -
Не ведая-не зная,
Под насмешки

Диких апашей...
Есть во мне
Пробоина сквозная,
От которой
Тяжко на душе.
Эта боль,
Которой не измерить,
Эта грусть,
Которой не понять...
Только знаю:
Плакали б и звери,
Угадав,
Что в сердце у меня.
Сколько лет
В огне искал я броду,
Бросив дым
Родного очага,
Что вот так -
Без племени, без роду -
Мне пришлось
По жизни прошагать.

* * *

Дороги,
Что мной уже пройдены,
Смешались. Сместились.
И только совсем немного,
Как языки свечей,
Какой-то тусклой порошею
Качаются
В бездонной лампаде прошлого.
Что же это за русла путей?
Может, те,
По которым когда-то
В нашу стылую хату
Пришла похоронная вместо солдата?
Или - голод,
Который вполз
В наше полуглухое село,
Право, трудно понять.
Только смотрит и смотрит в меня
Оставшееся в былом.
А осталось в нем многое...
Сиротское и босоное
Детство. И раздумий не детская река.
И братишка, уснувший навеки
На маминых тонких руках.
И еще многое,
Что в памяти переплелось старыми дорогами.

* * *

Холодно...
Накрыться б одеялом
И закрыть-закрыть-закрыть глаза,
Чтоб увидеть сон,
Как в детстве, алый,
И потом кому-то рассказать.
Алых птиц
Восходы и закаты,
Алой пылью конники пылят.
Ночью - алый дым
Над жаркой хатой.
Алый дождь в косичках ковыля.
Алый стыд и алый смех, и счастье,
Алыми грядущие года.
Только б со слезами не встречаться
Алыми,
Нигде и никогда.

* * *

Я уйду -
Откуда не идут телеграммы,
Где простор для всего -
Несравнимо большой.
Знаешь, мама...
Ты прости меня, мама,
Если скажут,
Что я надломился душой.
Ты не плачь.
Я остался такой же самый...
Мужчина -
С детским сердцем живым.
Тот же самый, милая,
Тот же самый, мама...
Будь спокойна,
Храни тебя Бог, живи.
Этот мир -
Где и слезы, и стоны -
Малодушные вопли живых -
Этот мир,
Металлический и бетонный,
Не для тех,
Чья душа - стебелек травы.
Ты не думай -
Жилось легко мне!
И мечталось в стране - легко.
Просто, знаешь,
Бывает,
Что кони
Вдруг свернут на обрыв...
С седоком.

* * *

Иду куда-то я.
Метелью след мой лижет,
Как пес ушибы
Лижет языком.
Я знаю, знаю,
С каждым шагом ближе
Становится мне то,
Что было далеко.
Нет жалости к годам...
Порой лишь сердце колет.
Да память прошлых дней
Кудель седую вьет.
Лежит минувшее,
Как брошенное поле,
Которое уже ничье
И не мое.
Вот что-то, промелькнув,
Застыло на минуту
И пристально глядит
Откуда-то в меня.
И я гляжу, гляжу...
Но тщетно почему-то,
Чтоб угадать его,
Припомнить и понять.
И, как в который раз,
Опять собравшись с силой,
Стараюсь воскресить
Калейдоскопы те.
Но все переплелось,
Смешалось все, что было,
И вижу я вдали
Лишь пляшущую тень.

ДУМЫ

Думы...
Они никогда не покидают меня,
Даже тогда,
Когда я бездумно гляжу вдаль,
Они бегут и бегут,
Как по камням речная вода.
Опадает ли осенью лист,
Бьет ли ветер траву неживую -
Мое сердце болит,
Будто вижу не осень,
А подмятую душу живую.
Мокрый пес заскулит на цепи -
Прячу слезы в улыбке прогорклой.
Все во мне задрожит, закипит
И подкатится комом под горло.
То увижу жучка на плече

И тревожусь: а вдруг его сдует?
Так вот и живу - неизвестно зачем,
С вечной ношей бессонных раздумий.

* * *

Сначала опадет хвоя.
Потом сломает ветер кроны.
И вот останется стоять
Лишь ствол, гнилой и оголенный.
И будут лить в него дожди,
И бури напугает скрежет,
А он один, совсем один
Усталой грудью воздух режет...
И будет времени река
Качать туманных дней завесу,
Пока не рухнет великан
Под грузом собственного веса.

* * *

Все чаще - снега.
Уж полей побелели печали.
И песни мои,
Не услышанные,
Отзвучали.
Размытые абрисы дней,
О которых
Я больше уже не жалею,
Застыли во мне,
Как ледок по дорожным колеям.

* * *

Тихо-тихо...
И кажется -
Брось только лист
В голубую стихию раздумий моих,
В тот же миг
Закипит сумасшедшими волнами
Боль моих дум,
Закипит, розовея и пенясь вдали.
Не тревожь эту гладь.
Пусть травую забвенья
Ее берега зарастают,
Чтоб бездонная мгла,
Упаси и помилуй,
На поверхность поднять не смогла
Прошлых лет залежалого ила.

ПЕСНЯ БУРЬЯНА

Занемог голенастый бурьян
От осенних чахоточных дней,
Занемог, занемог...
Стало б, что ли,
Скорее уже холодней.
Может, легче бы было
Стоять на ветру,
Под снегами, зимой,
Чтоб не видеть страданий собратьев,
Не уметь им в горе помочь...
Чтоб не помнились дни
Жизни,
Ставшей и старой, и давней,
Опрокинутой временем
В белую зимнюю ночь.

* * *

Я вижу только завтра и вчера,
А то, что нынче - смутно и не очень,
Как видишь в голубые вечера
Почти прошедший день
И тень грядущей ночи.
Когда во мглу
И травы, и кусты
Ползут,
Гигантским сумраком стреножены,
И пройденное кажется пустым,
И будущее - мрачным и тревожным,
И огоньки - как памятники свету,
Что миновал - уж зажжены в домах...
И то, что было рождено рассветом,
Смывает и несет
Безжизненная тьма.

* * *

Кружится, кружится, кружится
Ветер над маленькой лужицей,
И видно,
Как дрожит вода.
Под ногами земля липкая-липкая.
Провода в провесе
Поют заученность песен
То звонче, то глуше.
Их слушает
Покосившаяся брошенная изба
И улыбающаяся
Мертвая конская голова
С землей в зубах.
А надо всем этим,
И над лужицей

Неистово ветер
Кружится, кружится, кружится.

* * *

Тише, тише, тише...
Не надо во мне пугать
Песню, которую, слышу,
Поет за окном выюга,
Светлую и большую
О дальней моей стране...
Не прикасайтесь, прошу я,
К этой печальной струне.
Вам ничего не стоит
Горечь мелодии та.
...Каплями жаркой крови
Выплачусь, к песне припав.

* * *

Сегодня на небе
Я видел багровый закат,
А ветер гудел
И раскачивал черные тучи.
И день угасал.
Только огненных два языка
Горели, сшибались,
Пылая стихией могучей.
И дождь оседал,
Будто что-то мешало ему,
Кровавой капелью.
На фоне закатного жара
Кружился, кружился...
Так кружится сонмище мух
Над сточною ямой
Иль искры в ночи над пожаром.
А здесь, по земле,
Металлическим путем звеня,
Паслась лошаденка,
Уткнувшись в зеленую скатерть,
Не видя ни неба,
Ни бешеных вихрей огня,
Ни туч, что плясали
И бились вдали, на закате.

* * *

Я лежу,
Глядя в стылое небо века.
По щеке,
Будто я уже тень человека,
Ползает маленький жук.
Вот где-то жалко
Всхлипнул ветер
И, холодным языком лизнув меня, утих,

Примостившись под боком.
Меж дерев, в просвете,
Качается ворон,
Будто кашляя, покрикивает.
Грустно и одиноко.
Улетающих птиц
Расстояние размыло вдаль.
А в лицо мне
Кружится
И падает, падает, падает
Умерший лист.

* * *

Вот и все, вот, пожалуй, и все.
Наш поселок листвою занесен.
Заметелен, как память, годами,
Которые так же, как лист, облетели,
И теперь только ждешь,
Когда осень прошепчет: «Прощай».
Уж нельзя выходить без плаща.
Над полями, над рощами
Серый качается дождь,
И по крышам шурша,
Убегает к реке, к камышам.
Но еще непонятно
Клубятся, клубятся
Над заводью бело-синие тучки тумана.
Кто-то, может, не хочет
Глядеть в холодные долгие ночи
И в лист, что дождями и ветром
Вплотную к стеклу принесен.
Только я душой полюбил все это,
До священной глубины...
Не словами, а именно ею,
Душой полюбил.

* * *

Догони, догони
В никуда уходящие дни,
Чтоб увидеть в их лицах
Больную гримасу бывшего
Или радости след,
Той, что в памяти где-то искрится
Голубую каплейю
Слепого дождя на стекле.
Догони не затем,
Чтоб оплакивать прошлое в тайне,
Или делать предметом роптаний
Свою явь, погруженную в темноту...
Догони,
Чтобы в них
Отраженье грядущего предугадать.

* * *

Юга...
Оседает юга
На листья, на травы,
На все оседает юга,
Как злая потрава.
И даже деревья уснули -
Устали листвою мигать.
Все жарче, все суше.
И солнце, огнисто-красное, мертвое
Солнце висит освежающей тушей
С крючками лучей
В надломленных временах с полдня
Ногах.
Юга. Юга. Юга...

* * *

Кружится воронье
Над рощами худыми.
Накрапывает дождь.
И густо пахнет дымом.
За окнами ноябрь,
Слезящийся сквозь тучи,
Он как судьба моя,
Как этот мир летучий.
Дощатый хуторок
И улицы-изломы,
И нет вперед дорог,
И нет пути к бывшему.
И я стою, стою,
Как у дороги камень,
С простертыми на юг
Застывшими руками.
Я всех хочу обнять
До пьющих на панели,
Но руки у меня
Навек окаменели.

* * *

Бывает, что не хочешь петь,
Но поднимаешься на сцену,
Чтобы кусок души толпе
Отдать, как нечто, за бесценок.
Но не страшись, певец, утрат,
Иди и пой смелей и тверже!
Страшись - мечту свою поправ,
Искусство низвести до торжищ.
Живи и пой. Живи и пой.
Не выбирай, что интересней...
И пусть твой голос над толпой
Летит пророческою песней.
И если даже суждено -

Когда-то после или ныне -
Что кровь поэта, как вино,
С надорванной гортани хлынет,
А ты один, совсем один,
И где был друг - пустое место...
Не кончив петь, не уходи.
Допой,
Хотя бы только жестом.

* * *

Не помню, кто, когда и где
Сказал - в недавнем или в давнем -
Что «лишь великие страдания
Родят величие идей».
Все может быть, все может быть...
Но боль людская - тем не мене -
Когда-то встанет на дыбы,
Роняя под ноги камня.

* * *

Сейчас хоть сколько бед перенося я...
Но век грядет,
И день, и час грядет,
Когда на душу всей страны - России -
Мой путь упреком горьким упадет.

* * *

Пройдут года -
Глядишь, и нет нужды
До старых мук,
До прежних бед и странствий.
Они, как дым
В полуденном пространстве
Над полем выжженным,
Не мертвым,
Но седым.

* * *

Упаду, упаду,
Поцелую родимый порог.
Мне не стыдно:
Пусть слезы бегут,
Запекаясь в пыли.
Я прополз на коленях
Последние дюймы дорог,
Хоронясь от прохожих,
Чтоб спрятать,
Как сердце болит.
Мне сочувствий не надо,
Потому что от них тяжелей,
Чем от ран на коленях,
Рассаженных о голыши.

Моя жизнь подсказала,
Что мир не способен жалеть.
Хоронюсь же затем,
Что мне некуда больше спешить.
Я хотел одного лишь -
Вернуться бы только живьем,
Где в минувшем лишь только
Мне видится радость да лад.
Поклониться землице
За горькое счастье мое,
Поклониться могиле,
Где та, что меня родила...

* * *

Когда уйду я -
Пыль следы завьет,
Следы судьбы,
Что только в горе крепла.
И, уходя в грядущее свое,
Возьму от лет сожженных
Горстку пепла,
Чтоб ветер века,
Нового уже,
Другой мечтой и песнею воспетый,
Души моей угасших мятежей
Не сыпал серой горечью по свету.
Пусть станут сном
И боль моя, и быть,
И все,
Что в них заманчиво и ново,
Чтоб никому
Другой такой судьбы
Не суждено было отведасть снова.

* * *

Пусть жизнь моя
Темна и нелегка,
Пусть я сейчас для многих не потребен,
Но убежден, что буду жить в веках
Одной из звезд
В печальном русском небе.

ЛИЦО СВЯТОЕ СВЕТЛОЕ ТВОЕ

Во мне душа сорокой на колу сидит, как спит с закрытыми глазами..." – определяет Сопин свое состояние в годы заключения. Но именно тогда были написаны самые светлые, пронзительные стихи о любви...

* * *

В память -
Как в дождик руками -
Хочется, хочется мне.
Чистое-белое в памяти,
Нежное - только лишь в ней...
В моих стихах
Так мало о любви...
А если есть -
То призрачно и робко.
Но сколько лет,
Мечту тоской обвив,
Я к ней иду
Нехоженою тропкой.
Их сколько было -

Знаю только я.
Да сердца перепады, может,
Подслушала увядшая хвоя,
Вминаясь в зной
В просоленную кожу.

* * *

Метелью заметает тротуары.
Качаются и стонут провода.
И ветер, шелестя по листьям старым,
Бежит, как будто память по годам.
И вижу я сквозь снежные заносы
И изморозь желтеющей хвои
Любимые каштановые косы
И грустные слегка глаза твои.
И под окном твоим два старых вяза,
Ветвями обнимая синеву,
Как с давнего прочтенного рассказа
Передо мной встают, как наяву.

* * *

Неразделенная любовь во мне,
Так и прошла ты где-то между нами.
Сгорела, словно письма на огне,
И годы пепел выкурили в память...

* * *

Не тронь, пускай лежит
Под серым слоем пыли
Все то, чем жили мы
С тобою столько лет.
Мы все в свои года
Страдали и любили.
Горели на огне
И грелись на золе...
Не тронь, пускай лежит
Все то, что стало старым.
И для тебя
То свято, что ушло.
Зачем, чтобы шуша
Листом по тротуарам,
Лишь из-под нас самих
Кружа, его несло?
Пройдет немного дней -
И прошлое истлеет,
Как тлеет падь
В оврагах старых дней.
А то, бывает, вспомнишь что -
И станет вдруг светлее
От полыхнувших в памяти огней.

* * *

В листопаде
Писем твоих ранних,
Тех, что в памяти еще свежи,
Наших чувств
Истершиеся грани
Доживают маленькую жизнь.
И слова -
Где ты целуешь будто
Глаз моих
Горячечных нудьгу -
Кто-то грубый,
В сапоги обутый,
Раздавил рябиной на снегу.
Их нельзя
Теперь к душе подклеить,
Пылкий разум
Прошлым горяча.
И от них
Ни мрачно, ни светлее
В полночи судьбы моей сейчас.

* * *

Я слышу твой голос из тьмы.
Я слышу, я слышу, я слышу,
Ты шепчешь: «Куда ж это мы,
Как двое глухонемых,

Пришли,
Будто двое немых,
Помеченных знаками скуки,
Крепко взявшись за руки,
Которых у нас нет...»

* * *

Башка закачалась от дум.
И лист на воде - замечаю...
И я в море жизни качаюсь,
А кажется, будто иду.

* * *

Стоишь ты,
Руки на груди скрестив,
А ветер
Тихо волосы колышет.
Я помню все.
Хочу сказать:
«Прости...»
Но сквозь года и версты
Не услышишь.
И вот теперь,
Изведав столько бед,
И роком злым
Любим и охраняем,
Я говорю,
Но только не тебе,
А в стылый сумрак
Горечь слов роняя.
Их слышит путь,
Каким, устав шагать,
Уж столько лет
Влачусь я одиноко.
Их слышит ночь
И мрачная тайга,
Да ветра вой,
Что бьется в наледь окон.
И ты - в глазах...
Усталость рук скрестив,
Стоишь,
И время образ твой колышет.
И я, хрипя,
Кричу тебе: «Прости!...»
Но с каждым годом
Тише, тише, тише...

* * *

Все прошло,
И голос твой утих,
Некогда -
То ласковый, то строгий.

Видно, все кончаются пути.
Видно, все кончаются дороги.
Уплывает в память, трепеща,
Все, что было,
Словно даль седая.
Слышишь, я шепчу тебе: «Прощай».
Это ведь уже не «До свиданья»...

* * *

Мне тридцать семь.
А годы все спешат.
Боюсь,
Не стать бы белою вороной.
Опять завоюет в безголошь душа,
Как много лет назад над похоронной...
Вы скажете, что я обезумел?
Как воробей,
Попался на мякине?
Нет, братцы, нет.
Дела идут к зиме.
И на висках -
Густой-густющий иней.
Нам всем, конечно,
Где-то в цвете лет
И думалось, и понималось проще.
Но жизнь - как жизнь:
За безмятежным вслед
Вдруг хлынет грусть,
Как осенью по роще.
Разверзнутся
Бескрайние дожди.
Встуманят стекла.
Зашумят по крыше.
А ты - один.
Совсем-совсем один.
Кричит душа.
Но кто ее услышит?

* * *

В мой карман
Залетела метель
И пропала - слезинкой растаяв.
Не сберег я ее в суете,
Умерла, как снежинка простая...
Я боюсь, если эта стопа -
Предсказанье,
Но только иное:
Может, так,
В мою душу упав,
Ты уйдешь
Незамеченной мною.

* * *

Горят дрова.
Горят дрова в печи.
И я сжигу,
И пламя жжет колени.
И душу память жжет.
Но ты, душа, молчи!
Пусть все сгорит в тебе,
Как эти вот поленья.
Пусть все сгорит,
Пусть все сгорит, пусть все...
До уголька.
До серой стылой пыли.
И бурей дней
Бесследно унесет
Любовь и боль,
В былого бездну вылив.
Я не хочу уж больше ничего -
Горела б печь,
Да грел огонь колени...
Ни обещаний.
Ни пустых тревог,
Ни их утрат,
Ни горьких сожалений.

* * *

Я иду, а ветер, дождь калеча,
Дует, дует, дует мне навстречу,
И от усталости,
Иль от чего еще
Стекают капли впадинами щек.
«Далек ли путь?» -
Спросил бы кто-нибудь.
И я б сказал:
«Иду в свою судьбу,
Где дом стоит
Без крыши и без стен
И дождь, как дятел
Бьет по бересте».

* * *

Я все забыл.
И, став уже большим,
Живу теперь
Смешно и одиноко.
Душа во мне -
Расколотый кувшин -
Лежит,
Сливая боль,
Щербатым боком.
Мне говорят,
Что стих мой полон грусти,

Как будто я
Отрадою не жил.
А сердце -
То поднимет, то опустит,
То в непонятном вихре
Закружит...
То вдруг нестати
Гонит, гонит, гонит,
И мысли скачут
Бешено, не в лад:
Так мчат порой
Испуганные кони,
Кровавой пеной крася удила.

* * *

Не сказывай, не сказывай
О горечи финала.
Метель югою газовой
Глаза запеленала.
Простая ли,
Простая ли
Твоя кручина разве,
Когда слезинки стаяли
И покатила наземь?
Весь свет постыл
И стал не мил,
Больное сердце донял,
И дом колотит ставнями,
Как по щекам ладони.

* * *

Перебирая прошлые года,
Хочу найти,
Что дорого и мило...
Но сядет муть,
И снова не видать
Ни блески счастья
В стылом слое ила.
Кто виноват -
Я не ищу причин
На пустырях забытых территорий.
И лишь душа
В минувшее кричит...
Но только эхо давнее
Ей вторит.

* * *

Внимание! Внимание!
Слушайте все радиостанции душ,
Потому что к вам обращается
Тоже живая душа.

Я нашел веру по имени ...,
Теперь мне легче жить
И легче дышать.
Недавно еще среди северной стыни
И непроходимых трясин
Я, как тяжело раненый,
Лежал и просил
Глазами тускнеющими и пустыми,
Просил понять...
И добить меня.
Жизнь для меня была обесценена,
Как среди золотых россыпей
Ничего не значащий золотник.
Догорали в подсвечниках времени дни,
И никакой Авиценна
Не смог бы меня сохранить.
Но пришла Она и сказала:
«Я вижу, ты болен и очень слаб,
Но пойми,
Я сердце тебе свое принесла...
Встань
И сойди с креста...»

ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗА

Больше всех
Мне нравятся глаза
Зеленые.
А почему -
И сам не знаю, право.
Может быть, потому,
Что они способны зеленеть
У влюбленных
И росинками слез искриться,
Как луговые травы.
Или ветер чувств
Несет меня в круженье
И я не знаю, куда лечу?
А может, просто
У одной из женщин
Такого большого мира,
Маленькой и милой,
Которую я видел только раз,
Такой цвет глаз...
Зеленый
И такой... влюбленный-влюбленный.

* * *

Никого не прошу,
Да и сам не хочу
Приглушить в сердце шум
Растревоженных чувств.

И не надо, грубя,
Слов на ветер бросать -
Я поджег сам себя
И тушить буду сам.
Лучше уж за бугор
Выйду, боль укорю,
Там, где нет никого,
Только ветер-горюн.

* * *

Я не забыл.
Я помню зиму ту.
Ты трешь стекло
Мохнатой рукавичкой...
Сейчас я тихо-тихо подойду,
И мы пойдем куда-то
По привычке.
И никакого счастья
Нам не надо.
Лишь только так вот
Было бы всегда:
Чтоб были мы,
И снег вот так же падал,
На тишину,
На нас, на провода...

* * *

Милая, милая, милая...
Говоря о тебе,
Я до хрипоты голос снижаю.
Как выпавшее перо птицы,
Кружа,
Я хочу прикоснуться
К твоим снам
И груди, и губам, и ресницам,
Чтоб ничуть не мешать
Твоим детским мечтаньям.
Моя милая девочка, ...,
Чтобы бурь моей жизни
Не могла бы услышать
Твоя неземная душа.
Но ветры судьбы
Все сильнее заметают
Увядающими листьями дней
Мою явь, мою боль, мою боль,
Все во мне заметают,
Как декабрьский
Прикамский мятущийся снег.

* * *

Боже мой, как грустно светит солнце,
Грустно и улыбочиво слегка.

А у берегов шумит и клонится,
У вершин желтея, осока.
На воде качает ветер лилии,
Треплет тинку, намотав на шест.
Я истосковался, видно - или
Стало просто грустно на душе.
Каждой строчкой, каждым словом малым,
Каждым трепетом не мертвых губ,
К сердцу твоему, к груди овалу
Головой склониться я хочу.
И не видеть тихой грусти солнца,
И с тобой остаться навсегда.
И не слышать, как осока клонится.
Чуя смерть в недальних холодах.

* * *

Я лежу на траве,
Уперев кулаки в подбородок.
Южный ветер
Шевелит мне ресницы,
И мнится,
Будто это вовсе не ветер,
А дыхание твое.
Только веки смежу -
Предо мной
Зеленая бездна твоих глаз,
И я чувствую,
Что утопаю,
А волны бегут и бегут...
И печаль выкипает
До дна.
О понять бы тебе,
Что в тебе утонуть -
Это значит:
Навеки, навеки, навеки
Остаться в живых.

* * *

Глаза твои -
Цвета хвои
И цвета рассвета,
А в глубин -
Сине-зеленые...
Поэтому немудрено,
Что я считаю себя
Влюбленным,
Что тебя полюбил.
Когда ты рядом,
Я испытываю все:
И прохладу,
И ласкающее тепло огня
Твоих трепетных губ.

И не могу, не могу, не могу
Понять -
Почему ты такая хорошая у меня.

* * *

Я не могу тебе мешать.
Останься прежняя, бывшая.
Моя осенняя душа
Холодным пламенем пылает,
Как роща в вечер на горе,
Соцветьем грустных увяданий,
Что опадет, перегорев,
Перед большими холодами.
Но ведь от трав до душ - здесь все
Рождается, растет и вянет,
И я, как все... Я не святой,
Но сколько ж раз вставать и падать...
Поэтому - останься той,
Не тронутой моим распадом.

* * *

Мне жаль, если стежечки наши
С тобой не сойдутся в одну,
И годы их так же запашут,
Как стылых полей седину.
Ты рвешься на вихорь, на ветер,
Сквозь боль и лихую беду,
А я, как в пустыне, на свете -
Слепец расколдованных дум.
И это нелегкое бремя
Несем мы на разных правах,
И кружится, кружится время,
Запястья уткнув в рукава.

* * *

Ты ушла - бездумно, не спеша.
Время бы сказать тебе «Постой!»
Но взамен заплакала душа
Безголоса, в комнате пустой...

* * *

Я знаю: последнее слово твое будет - молчание.

* * *

Во сне я шепчу твоё имя
Губами сухими,
Которые суше
Иссохшей от зноя земли.
Почему ж не идешь
Ты, как ливневый, бешеный дождь,
Жажда собой
До корней

Во мне залив?
Амулеты рассудка
Не властны над пламенем чувств,
Когда выжжен рассудок
До смали,
Как травы в степи.
Потому - не хочу,
Никаких больше слов не хочу.
Распроститься с тобой -
Это в душу себе наступить.
Приходи, приходи, приходи..
Я боюсь себя, когда один,
Светло ли, темно,
Больше жизни и смерти
Боюсь -
Когда я одинок.

* * *

Нынче ночью кричали опять петухи..
Нынче ночью не спал я, подушку обняв,
И глазам воспаленным, до рези сухим,
Ты явилась, как с зеркала глядя в меня.
Я тебя не узнал, я почти не узнал
Твоих глаз, твоих губ, твоих розовых щек,
Не просил, чтоб осталась со мной допоздна,
Но молил молчаливо остаться еще
На минуту всего, на минуту всего,
Утолить мою боль, погасить тот огонь,
Что уж столько ночей от зари до зари,
Постепенно сжигая мне сердце, горит.

* * *

Моя беда -
Одна моя беда.
И ты не думай,
Будто я не смыслю,
Что в жизни... я..
Ну что я тебе дам?
Туман надежд
На дымном коромысле?

* * *

Дай слово - не любить меня,
Что будешь видеть меня реже.
Ведь знаю, что судьбу кляня,
Ты все равно его не сдержишь.
Так будет год, так будет два,
Так будет «много-много-много»..
Ты будешь «слово» мне давать,
Идя со мной одной дорогой.

* * *

Не приходи ко мне, когда
В моей лачуге холода,
Когда я слаб и боль в груди -
Не приходи, не приходи....
Спеши и днем, спеши и в ночь,
Когда смогу тебе помочь.

К ТЕБЕ...

Лиши меня речи -
Когда запытают, забьют.
Удвой мои силы
В неравном, но честном бою.
Глаза ослепи мне,
Когда, ожирев, поползу,
Как росы сбивая
Скупую слепую слезу.
Сломай мои руки,
Скорей, чем случится беда,
Чтоб я вместо хлеба
Просящему камень не дал.
Но вдруг запою я,
Хвалой палача одарив..
Убей мое сердце
И душу мою заberi.

* * *

Не неволь меня,
Не надо, друг, неволишь.
В глубине желаний цвет потух.
Все равно о днях своей неволи
Я тебе всю правду не скажу.
Так устроен мир: живые люди
Хуже всякой горечи и бед,
Даже полуправду говорить не любят
Для кого-то о самих себе.
Потому что нету боли хуже,
Если вдруг какой-то проститут,
Улыбаясь, ввергнет душу в ужас
За твою святую простоту.
Вот я и решил,
Что лучше все же
Посвятить все прошлое томам,
Чтобы в них - как думал я и прожил -
Ты могла, прочтя, найти сама.

* * *

Идут к концу
Последние листы.
Бежит еще
Живое слово в строки.

Но как же я
К людской молве остыл,
С годами став
Каким-то одиноким.
Слова-слова...
Уж эти мне слова!
«Как поживаешь?
Как твоё здоровье?...»
Пятнадцать лет
Подушку целовать
И голосить беззвучно,
По-коровьи.
Вот и ответ на то,
Как стал таким,
Хотя и был
Веселым, легковёрным.
И потому
Глаза, как поплавки,
Глядят на мир,
Волнистый и неверный.

* * *

Я только лгу,
Я только жалко лгу,
Когда скажу,
Что выжег в сердце веру,
Что никого любить уж не смогу,
Уйдя душой в раздумий сумрак серый.
Да, выжег, выжег,
Выжег в сердце я
Частицу чувств
И горечь с ними вместе,
Но никогда,
Ни в чём душа моя
Не жаждала для виноватых мести!
И если злополучный рок судьбы
Определит мне то, что и вначале...
Я все равно останусь тем, кем был -
Встречая, доверяя и печалюсь.

* * *

Прости мне, милая,
Бессвязные слова.
Не будь ко мне
Неласковой и строгой
За то, что всю тебя
Не смог расцеловать
В последний раз
В ту ночь,
Перед дорогой.
За вздох бездонный
В воротник пальто,

Слетевший паром
В стылый сумрак серый,
Что возвращался я уже не тот -
С больной душой
И сломенной верой.
Пройдя пешком
Сквозь годы бед и смут,
Где лишь в мечтах -
И радость, и участие,
Так тяжело
Поверить самому
В свое,
Почти непонятое счастье.

* * *

Помнишь, я спорил -
Зелень полевая...
Думалось, что горе
Все отблеивает.
Ах, только все неверно,
Только все иначе,
Потому, наверно,
Я - бывает - плачу.
Время бы забыться,
Помнить бы не надо,
Только сердце - птица
За стальной оградой.
Дай мне руку, память,
Пусть с тобой уходят
Годы, что на Каме
Смыли половодья.
Не дожить до ста, то -
Горечь не сквозная:
Проживу остаток
Дней своих, как знаю.
Пусть метели скерцо
В даль мой след запашет -
Когда лопнет сердце,
Как бокал упавший.

* * *

Только здесь,
Вдали от дел иных,
От вопросов всяких и отчетов,
Вижу я тебя со стороны,
Так и не сказавшей мне о чем-то.
В давнем -
Я не «против» и не «за».
В нем - твое.
И мне нельзя иначе.
Только почему ж твои глаза
Так же улыбаются и плачут?

Даже днем
В них грустно и темно.
Даже радость
Как-то их смежает...
Ты - со мной,
И нет тебя со мной.
Ты - моя,
И все-таки чужая.
Я и сам бывшее распростер,
Пусть метет
Клочки бумаги к краю...
Только знаю:
Сердце - не костер,
В нем ничто
До пепла не сгорает.

* * *

Ну что ж, твоя беда не в том,
Что ты, махнув рукой устало,
Изверившись в своем святом,
Другому верить перестала.
Не плачь... На этом белом свете
Живем не только ты и я.
Ты подожгла в степи бурьян,
Не рассчитав на встречный ветер.

* * *

Когда я стану стар,
И немощен, и слаб,
И станет тусклым взгляд,
Лицо - землисто-серым,
Молю тебя, судьба,
Чтоб вновь ты унесла
Душой меня опять
Туда, к моим химерам,
Где не бывает слез,
Лишь кроме счастья слез,
Где не бывает лжи -
Коварной, грязной лжи...
Где столько милых грез
Я в сердце перенес
И столько сладких бед
Душою пережил.
И пусть уже зима...
Но близость и участие
Хочу найти
Взамен
Ненайденного счастья.

* * *

Что-то ты
Мне перестала сниться.

В этой пляске
Снега и хвои
Я хочу,
Чтобы твои ресницы
Прикоснулись
Ласково к моим.
И в мои
Легли твои ладони,
Чтоб от этих
Долгих ноябрей
И от этой хмурости чалдоньей
Хоть немного
Душу отогреть.
Милая, мне кажется чего-то,
Будто...
Будто я схожу с ума,
Потому что ветра тихий хохот
Выхожу ночами обнимать,
И упав лицом
В метельный ворох,
Как слепой,
Не видя никого,
Все ищу, ищу чего-то споро,
Глядя снег
Холодный и тугой.

* * *

О, это будет -
Самый светлый миг,
Когда, почти сведя
Игру с судьбою,
Возьму
Из запыленной стопки книг
Одну из тех,
Что писана с тобою,
Но не читать,
А так - поворошить
Ее полузабытые страницы...
Возможно, вновь
Былое для души,
Как детский сон,
Как легкий сон, приснится.
И вспомнятся мне первые слова,
И трепет рук,
И слезы на ресницах...
И грудь твоя,
Что робко целовал,
И все, о чем молчу,
Пусть все приснится.

* * *

Далекий Сириус

В прозрачном миткале...
Мчит ветерок,
Таежный скрип и гогот.
И между узких,
Стылых двух колеи
Уходит в полночь
Лунная дорога.
Твои глаза и губы..
Рядом ты.
Скрипит снежок.
Тревожно бьется сердце.
Безоблачный и легкий бег мечты.
И даже в счастье призрачное верится.

* * *

Кружи, метель,
Кружи, я только рад,
Бросай в лицо мне
Снежной пыли жижу.
Я знаю все:
Настанет та пора,
Когда тебя я больше не увижу.
Слепи меня, кружи меня, качай,
Я все равно не буду сторониться.
Ты залетела -
Будто невзначай,
И подожгла бумажные страницы.

* * *

Если я,
Раздавлен и забыт,
Возвращусь
В твою обитель - ту же...
Не прощай мне
Никаких обид,
Я такой
Тебе уже не нужен.
Пусть -
Листом осенним трепеща -
Упаду
В распутицу под ноги.
Для меня
И капли не прощай
Из того,
Что отпускаешь многим.
Уходи,
Ты слышишь - уходи!
Растопчи
Мечты напрасной
Бред свой.
У того,
Кто может жить один,

Ты душой
Не сможешь согреться.

* * *

Считаю вновь до десяти...
А путь - трудней,
А ветер - крепче,
И некто шепчет:
«Брось идти,
Куда, зачем?» -
Все шепчет, шепчет...
И кажется - не снег огнем
Слетает в пепельные щеки,
А закружилось воронье
В степи, над телом одиноким.
И сон тягуч, неодолим -
Уносит в стылую пустыню.
И вдруг я вижу свет вдали -
То засветилось твое имя.
И пусть метет,
Пускай выюжит
И валится на плечи вечер...
Теперь я знаю -
Должен жить,
Чтобы идти тебе навстречу.

* * *

Милая,
Все чаще меня
Что-то душит.
Мысли холодные
Голову,
Как снега поля, замели.
Тридцать семь лет
В бушующем океане мира
Я ищу суши,
Островок -
В два метра земли.
Дни сменялись ночами,
Годами сменялись года,
На оставленном мною причале -
Мрак и ветер.
И сквозь пену раздумий
Сигнальных огней не видать,
И надежды потушен маяк,
Для меня он не светит.
Дорогая моя,
Если горькую весть
Принесут обо мне,
Знай, они не солгут.
Только знай и другое:
Что в трудные дни

От тебя я уйти не смогу.

* * *

Милая-милая,
Я вижу тебя
Девочкой маленькой-маленькой.
А себя -
Полувисохшим стеблем,
Что одним корешком лишь
К земле и привит.
Ты, улыбаясь,
Тянешься ручонками
К цветку,
Что кажется аленьким.
Ты - дитя
И не знаешь,
Что он не в цветку,
А в крови.
Она выступает
Из порезов и надломов,
Образуя красивый
Узорчатый бант.
Но ты - дитя,
Ты не знаешь,
Почему молятся былому,
Бормоча в пустоту
Исступленно: «Избавь...»

* * *

Смеясь, отцеловав,
Ты тут же грустной стала,
И дальше снова так -
То радуясь, то нет.
Не верь, не верь словам -
Поверь глазам усталым,
Печальной складке губ
И ранней седине.
Для тех, кто в жизни знал
Удары и паденья,
Не может быть любви,
Придуманной на раз.
Не верь, не верь словам.
Сердечным заблужденьям,
А верь в святую грусть
Прямых усталых глаз.

* * *

....., где ты теперь,
Что ты делаешь в эту минуту?
Пишешь что-то,
Читаешь,
Свернувшись калачиком, спишь?

А у нас - холодина,
Какая-то снежная смута,
Будто тысячи дьяволов
Снежных
Разбушевались в степи!
Мне тревожно чего-то.
Опять, видно, нервы устали.
Каждый шаг - за версту.
Каждый маленький холмик -
Тибет...
И во сне
Разрываю руками
Колючие заросли стали,
Все хочу
И никак не могу
Прикоснуться к тебе.
Я иду,
А невидимый кто-то,
Рогатки втыкая,
Для чего-почему,
Но старается мне помешать,
Словно чувствует,
Что ты такая...
Такая -
Улыбнешься лишь,
И от улыбки растает душа.

* * *

Жар. Мозг прожгло.
Болит душа.
И очень тяжело, почти нечем дышать.
Перед глазами -
Во все небо сияние.
И далеко далекое,
Охваченное не жгущим огнем.
В нем - женщина-девочка
В очках,
Которую я безумно люблю и называю ласково
Я знаю,
Она не поймет меня,
Пока я жив.
Пока правдив и лжив.
Живых... трудно.
Мертвых в нашем мире легче понять
И принять,
Мертвых легче.
Их уже не учат, не лечат.
Об одних поговорят и перестанут,
Других... «повышают».
Хотя все это очень грустно.
Жизнь - такая маленькая.
Смерть - такая большая.

* * *

Скажи мне что-нибудь, скажи,
Пусть голос твой и слаб и робок...
Я все равно пойду сквозь жизнь
С одной тобою,
И бок о бок.
Печальна ты или светла -
Была б открытой глубь души бы,
Чтоб мог я сердце подостлать...
И врачевать твои ушибы.
Отринь сомненья, отгони
Совсем ненужные печали.
Они, как дальние огни,
С зарей потухнут на причале.

* * *

Гляди, пока я жив,
Пока ты слышишь тихие слова
Полупризнанья
И безгрешной лжи,
Пока я губ печальную усталость
Могу до изнеможенья целовать.
Пока я пью вино...
Чему виной -
Тоска,
Что от прошедших дней осталась,
Пока могу рыдать -
Рыдать, рыдать сквозь смех
В душе, в самом себе,
Бросая вызов миру и судьбе.

* * *

Среди развалин и камней
Седое время стынет, стынет.
И ты совсем одна ко мне
Идешь сквозь зыбкий шум пустыни,
Усталости наперекор,
Забыв о вечности начале.
В глазах не слезы, не укор,
А бесконечный гимн печали.
Иди ко мне, иди, иди...
Отвергни ропот человеческий.
Я жду всегда, я жду один,
Чтобы тебя увековечить.

* * *

Молю тебя, не надо наставлений
В любви, в искусстве, в глупости идей,
В минуты творчества,
В блаженстве праздной лени -
Не торопи, не искушай, не бей!

Я все пройду от слова до расплаты.
Не хлопочи, не майся надо мной!
Я даже смерть хочу принять без постулатов,
Но и прожить хочу - как мне дано.

* * *

Пойду куда-нибудь, пойду один,
Раз нет попутчиков.
Пойду - куда попало.
Но только ты за мною не ходи,
Прельстясь зарей... и далью из опала.
Моя душа и сердце - не трюмо.
В них заглянув, увидишь только темень.
Когда-нибудь я все пушу «в промот»
С годами прошлыми - и этими, и теми...
Лишь проводить приди меня сама,
Пусть будем: ты и я, и ветер с пашен,
Чтоб не смущала лет моих сума
Тех, кто в укор тебе поставит
«Наше».

* * *

Сквозь дым тоски и злую замусть окон
Я вижу тебя ясной и нагой.
Но ты во мне, чужом и одиноком,
Сквозь призму дней
Не видишь ничего.
Ужель секрет лишь в тайне светотени...
Ужель мир так расплывчат и делим,
Что в суете исканий и смятений
Растаю тенью, пляшущей вдали?
Но воскрешает вновь судьбы причуда
Твою мечту.
И пляшет дождь гурьбой,
И я опять, как вышедший из чуда,
Как зов души,
Стою перед тобой.

* * *

Минуют дни.
И незаметно минут,
Как тень,
Мечтанья милой старины.
И мы присядем к прошлого камину,
Чтоб заглянуть в себя со стороны,
Где было все и сказочным, и странным:
Тепло надежд и легкий дым тревог,
И чья-то боль, и собственные раны,
Где было все -
Но нет уж ничего.
И эти дни,
И эта боль - минуют,

И этот путь, и трудный, и большой,
И мы присядем к памяти камину,
Чтоб отогреться стынущей душой.

* * *

Не упрекай меня,
Когда скажу: не все
Друг другу дарят
Ласку и усталость....
Не огорчайся,
Что ушел совсем,
И не кори себя -
За то, что ты осталась.
Я больше жил.
Мятежность тяжких дум
Носил в душе,
Доставшихся мне с боем,
Но знал,
Что скоро все равно уйду,
И задушил их,
Чтоб забрать с собою.
Зачем ушел?
Иль почему хотя б
Не обратился к близким, к их совету?
Нет, я не мог просить их...
Так дитя
Влачит судьбу сиротскую по свету.
Ты пробовала -
Сердце промочив
В своих слезах,
До меркнувшего тленья,
Идти в ничто,
Под окнами, в ночи,
И в жизнь вползать
На содранных коленях?
Сквозь сумрак лет,
Сквозь постоянство мук,
И вечно - в роли,
В колпаке и в гриме...
Такое неудобно никому.
И кто поймет?
А из понявших - примет?

* * *

Тревожит мысль неровная порою,
Что если вновь к тебе я возвращусь,
То ты опять объятья мне откроешь,
Чтоб заглушить в душе большую грусть,
Что прижилась за эти дни и ночи,
Так безнадежно-больно прижилась...
А если сердце больше не захочет
Былой мечтой, былой... упиться всласть?

А вдруг в нем растоптали - что растило -
Сломав тобою созданную гать?
А вдруг оно - как я - давно простило?
Ему - как мне - теперь уж не солгать?..

* * *

Далекий друг,
Тот путь, где шли мы оба,
Не вспоминай,
Не воскрешай те дни.
Умру - не плачь,
Не мучайся у гроба,
Лишь, глядя в даль,
Печально улыбнись.
Не надо, друг, не надо и не надо.
Все это - жизнь,
И в этом были мы.
Не зная рая - что бояться ада?
Не зная света - что страшиться тьмы?

* * *

Вижу тебя
Капелькой вина я,
Каплей алкоголя,
Каплей доли,
Миллиардной плавающей болью
В века опечаленных глазах.
Ты всегда со мной.
И вечно где-то.
Видишься сквозь времени прищур.
Мир, в непостижимое одетый,
Разрывая,
Я тебе ищу.
Я кричу,
Но разве ты услышишь
Голос,
Индевеющий вдали...
Все-таки не до конца
Всевышний
Твердь земли
От неба отделил...

* * *

Дай мне слово:
Если в смуте дней
Я уйду отвергнут, не целован,
Никому ни слова обо мне,
Никогда не говори ни слова.
Если спросит кто-то - то скажи,
Что однажды летом, на причале,
Я кому-то плел про миражи,
А потом... Потом мы не встречались.

Что умом я, в сущности, простак,
Несколько не сдержан, инфантилен,
Что стихи писал - но просто так:
Мне за них ни цента не платили.
Говори, что цель моя пуста,
До постыдной жалкости нагая,
И еще скажи, что я устал,
От себя по жизни убегая.

* * *

Хочется не столько сожалений!
Вновь перешагнуть порог избы,
Головой упасть к тебе в колени,
Обо всем о пройденном забыв.
Будто ни конца и ни начала
Не было в исхоженном пути,
Будто сердце в горле не стучало,
Выбивая дробное: «Прости».
И теперь глаза в ресницы прячу,
И следы морщинок - в воротник,
Будто я, надорванная кляча,
Вновь могу резвиться, как они...
После дней тяжелого забега,
После верст, распластанных в былом,
Для меня одна осталась нега -
Рук твоих желанное тепло.
И слова, что шепчешь ты, волнуясь,
Западают в душу глубоко,
Словно я попал в страну иную,
Вечно слушать музыку веков,
Не забыть которую, ни бросить,
Сколько бы ни слушал - все равно.
Я люблю - когда, лаская просесть,
Ты от счастья плачешь надо мной.

* * *

О, жизнь моя запутанно-проста,
Да и судьба - ушибленно-простая.
Мечты о счастье и любви
Закрайкой льда,
Как пар над пахотой весеннею,
Растают.
И даже сам я -
Час пробьет когда -
Исчезну,
Как от солнца искра льда.

* * *

Казалось мне,
Что нет износа
Годам надежд и суеты.
Но как осенний лист, я косо

Упал в холодные кусты...

* * *

Прошу - останься же такой,
Какой тебя впервые встретил:
Чуть настороженной, простой,
В июньской жидкости рассвета.
И не попад на мой вопрос
Ответь - но только не словами,
А блеском набежавших слез
В души не замкнутом бокале.

* * *

Ах сердце, сердце! Что с тобою?
Ты - спичка в дождевой ночи.
Прощаюсь каждою строкою
В безгласье гаснущей свечи.

* * *

Вечер. Речка.
Скачут волны,
В белых пеночках они.
Я уйду, как ветер, волен -
Ты рукою мне махни.
Разгони свою усталость
И туман недавних бед,
Чтоб во взмахе том осталось
Все о жизни и тебе.
Пряжей рук твоих горячих
На прощанье опряди,
Чтобы мог я и незряче
Видеть снег твоей груди
И улыбку... И, конечно,
Пожеланье - не попад.
Взгляд печально- подвечен,
Как осенних рощ опад.
Стань на горке, на вершине,
Не туши печаль души.
Помаши мне, помаши мне
Вслед рукою,
Помаши...

* * *

Я помню: мир притих.
Льет в окна дождик частый.
И мы вдвоем. И бьет
По ветру молочай.
Вернуть бы этот миг -
Всего минуту счастья,
Вернуть тебя такой,
Вернуть свою печаль.
Дожди еще идут.

И стынет даль сквозная.
И как опавший лист,
Промокшее село.
Ну отзовись, где ты -
И грусть моя, и радость,
Ну оживи на миг,
Что жизнью унесло!

* * *

Дай обниму тебя!
Мне кажется, опять я
Мимо тебя иду,
Теряя дни.
Дай обниму тебя,
Пусть первое объятие
Нам две души
В одну соединит.

* * *

Уходит старое, как сгорбленный ворчун,
В забвенье, в море времени. И что же?
Гляжу куда-то мимо и молчу.
Лишь памяти река молчать не может.
Ах, эта память... Ропщет. Но о чем?
Вот чей-то взгляд и горечь губ припухлых.
Вот осень - увяданья кумачом
Заполыхала в утро и потухла...
Потом совсем-совсем чужие лица,
Что станут близкими на много зим и дней,
С которыми придется мне делиться
Утратами и индеею огней.
И вдруг - провал...
Дорога - не дорога.
И так - до этих пор, до этих мет.
И лишь глаза твои
Прощально, грустно, строго
Глядят в меня
Сквозь расстыковку лет.

* * *

Не говори мне сложно.
Лучше - проще.
И слов ненужных по ветру не вей.
Ведь падает же в осень лист по роще,
И дождь шумит по высохшей траве,
Как первый снег,
Что прилетит, растаяв,
Как тонкий лед,
Что хрустнет от руки...
Будь, как они - такая же простая,
Обычаям затертым вопреки,
Чтоб мог и я,

Когда на сердце ветер
И от житейской стыни не до сна,
Уйти в тебя,
Забыв про все на свете,
Уйти в тебя,
Когда ты вся - весна.

* * *

Давай останемся вдвоем,
Измажем лица земляникой.
Ты мне расскажешь о своем,
А может, просто небылицу:
Об увлечениях, куражах,
Чтоб все явилось как во сне бы...
А можно просто полежать,
Уставясь в синий полог неба.
Потом в зеленой лебеде
Как будто бы задремлешь даже...
А я тихонечко тебе,
Как тихий ветер, грудь поглажу.
Ты будешь в яви, как во сне
Лежать, как девочка-подросток.
Лишь сердце тукнет чуть сильнее...
И будет нам светло и просто.

* * *

Тихонько подойди
И на глаза
Ладоней
Осенний холодок
Нежданно положи.
И я, поверив в жизнь
Мгновения покоя,
Пусть даже ненадолго
Поверю, что я жив.

* * *

Как странно,
Что в полуугасшем теле
Мерцает искрой торжество минут...
Пустыни лет,
Барханы и метели
В моей душе
Твой след не заметут.
Когда уйду
Один по бездорожью,
Когда уйду к закраине пути,
Пусть знают все,
Что даже смерть не сможет
Мою любовь
С собою унести.

* * *

«Не надо прошлого», - ты как-то мне сказала.
Зачем же так? Зачем сказала мне?
Все пропал. И вот я у вокзала.
Ни настоящего, ни будущего нет.
Я сяду в поезд и махну рукою.
За окнами забвеньё поплывет.
Прощай, зима! Но навсегда со мною
Моя любовь - нетленное мое.
И если вновь сквозь версты бездорожий
Развернется ненастий оком,
Мне заслонит судьбы косую рожу
Лицо святое, светлое твое.

РАДУЙСЯ, ЧЕЛОВЕК

Цикл «Радуйся, человек» необычен в творчестве поэта. Прежде всего, не свойственный, казалось бы, ему способ стихосложения: верлибр. Он появляется впервые в стихах Михаила Сопина незадолго до освобождения из лагерей, в цикле «Радуйся, человек» достигает наиболее полного выражения и потом исчезает вообще, уступая место песенной интонации, размышлениям, афористичности,

где каждая строка имеет точную рифму.

Нигде больше поэт не будет в такой степени выступать как живописец. По сути, это развернутая выставка картин, набросков, зарисовок, где много звуков, пауз, цвета и света. В стихах совершенно очевидно просматривается город Пермь начала 70-х, ими даже можно пользоваться как путеводителем. Здесь и новая Пермь, и старая, ее окраины... «Прикованные к фундаментам домов одиноких гиганты», «лес телевизионных вышек», «бледно-зеленые, красные бесконечные гирлянды огней», «улица раскололась от трамвайной дуги» и... «у крыльца незнакомого дома дрожат две росинки собачьих глаз». Город фантастический, «лабиринты развалин немых», и все же автор признается, что он «именно к этой жизни примерз, как к дереву лист». Обращает на себя внимание часто повторяющийся образ женщины, идущей за детской коляской - в эти годы у Михаила Сопина родились сыновья. Для большинства неожиданным будет цикл «Детский альбом».

Все это не случайно. Впервые после 15 лет заключения поэт получил свободу. Он не просто вырвался из зоны - сменился гражданский статус, семейное положение, все-все...

И ему хочется увидеть, прочувствовать, запечатлеть эти ощущения, отыскать в новой жизни свое место.

Несмотря на тревожный настрой, цикл в целом светлый, какой-то «ожидающий». Эпиграфом к нему можно поставить оставшуюся на полях этих стихов запись:

«Радуйся, человек. Все, к чему прикасаешься, сохранит след твоего прикосновения».

* * *

Это - не город.
Это лабиринты развалин немых.
Судьба моя в нем -
Трещина в высохшем илистом дне.
Словно босыми ногами
По стальной пробираюсь стерне.
И бесследны раздумья мои.
И дорога моя далека.
И красные кляксы следов
Уносит ветер
В дрожащих руках.

* * *

Это в меня
Входит город в огнях.
Звезды светят,
Бьется ветер,
Падают листья в меня.
Разноголосый грохот буден,
Черные воды речки,
Смытый ивняк,
Плачущие и улыбающиеся люди -
Это в меня.

* * *

На мокром циферблате -
Первый час.
Бывают ночи -
Шутит память с нами.
Мне кажется,
Что я иду сейчас
По городу моих воспоминаний.
Иду, и не уверен, что ты ждешь.
И под шаги слагаю:
«По-до-жди».
И падает такой же точно дождь.
Пусть никогда не старятся дожди.

* * *

Бледно-зеленые, красные...
Бесконечные гирлянды огней,
Рассекая сугробы,
Убегают вдаль.
Тонким слоем лака

На асфальте вода.
Вечер прекрасный.
В зависимости от освещения
Глаза, лица, улыбки -
То синие, то зеленые, то красные.
Порхающие руки,
Словно экзотические птицы,
Не боящиеся людей,
Бороздят разноцветный воздух.
И только в темных переулках
В устоявшихся лужах
Лежат отраженные звезды.

* * *

Как невидимки,
В тумане
Кряхтят и покашливают машины.
На белой палитре -
Продолговатые желтые капли:
Это из невидимого
Рождается крик петушиный.
И нигде,
Совершенно не видно нигде
Ни огней, ни домов, ни прохожих.
Только звуки.
Вот еще где-то шорох невидимый вырос.
Странно.
Будто присутствуешь
При сотворении мира.

* * *

Взявшись за руки,
Дети идут в свое будущее по паре.
Няни ведут одиночек.
По сухой траве июня,
Мимо деревьев в пыли,
В бензиновом перегаре
Няни ведут одиночек.
Я остаюсь.
Мне еще нужно одеться,
Сытожить дни и ночи,
Отделяющие меня от детства.
А дети все дальше уходят,
В пыльный июнь,
Уменьшаясь до разноцветных точек.
Няни ведут одиночек.

* * *

Не разлука страшна мне,
И не то,
Что однажды
Уйдешь и больше не придешь.

И не то, что на камне
Следы твои вымоет дождь.
Совершенно иная
Тревога в груди:
Вдруг совсем не замечу
Потери,
Оставшись один.

* * *

Город - желтым пакетом в брикете.
Пыль искрится в лучах косых.
Выхожу на проспект,
Покупаю природы букетик,
А потом отправляюсь искать
Продавца росы
В улицы, в переулки...
Где только я не был.
Позади - расстоянья из верст.
Где-то уже светят
Одинокие капли звезд.
Темнеет.
Черный дым переходит в небыль
Из невидимых домен.
Горизонт потускнел и погас.
Гляжу и глазам не верю:
У крыльца незнакомого дома
Дрожат две росинки
Собачьих глаз.

* * *

Я пробиваюсь сквозь туман,
Сквозь света стылый жар.
Стоят скуластые дома,
Бетонно зубы сжав.
И в том молчанье,
И в огнях
Не страх и не гроза -
Кричат о помощи
В меня
Их разные глаза.
И сеющий,
Как пепел, дождь -
Как будто в душу дождь.
И не понять -
К кому идешь.
И все-таки идешь,
Наталкиваясь и скользя!
Зовешь - ответа нет.
По-человечьи - им нельзя.
По-каменному - мне.

* * *

Дождь повис
В асфальт разбитый.
Тихий полдень.
Никого.
Проезжает «служба быта»,
Словно клоунский фургон.
Пустоте на удивленье
Балансируя, гудя,
Закатило представленье
«Шито-крыто» из дождя.
Боком, скоком,
Влево, вправо,
Снизу вверх
И сверху вниз...
И глядят кусты и травы
Из-под вымокших ресниц.

ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ

СОЛНЫШКО

Мама, слышишь,
Мама, слышишь,
Погляди, иди скорей:
Солнце прячется на крыше
У соседей на дворе.
В золотистой паутине,
С голубым околышем...
Мама, мама, ты купи мне
Маленькое солнышко!

МЯЧ

«Ни перекрестков, ни поворотов-
Какой огромный зал!» -
Думает мяч большеротый,
Удивленно раскрыв глаза.
В лицо ему падает дождик.
Вот окнами дом подмигнул.
И хлопают листья в ладоши
Отчаянному бегуну.
«Пинайте, - кричит он, - получше!
Хочу добежать туда,
Где радуга волосы сушит,
Рассыпав их на провода»

ДОЖДИК

Мы сегодня – я и брат –
Сядем у окошка.
Нынче дождь идет с утра,
Серенький, как кошка.
И деревья ветру вслед
Кланяются шатко.
Желтый листик на ветле,
Как звезда на шапке.
Это очень хорошо,
Даже очень-очень:
Дождик рядышком пошел.
Рядом,
А не мочит.

В ДОЗОР

Красное солнце.
Зеленое море.
Волны, как конница,
Скачут в дозоре,
Звездочки светят
На гребне папах.
Вечер.
И ветер
Легендой пропах.
Берег.
И чаек
Посвист над ним.
А море качает,
Качает огни.
Гула каскады –
Далекой грозой.
Это эскадра
Уходит в дозор.

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Ни ржання, ни выстрелов боя...
Но кажется - лишь обернись,
И медной измятой трубою
Рванет сейчас воздух горнист.
В приемниках лязгнут патроны,
И мускулы дрожь продерет.
И глотки лихих эскадронов
Раскатят команду: «Впе-е-ред!»
Тачанки и всадники - мимо,
Знамена - кровавой грозой,
И рдеет
Запахнутый дымом
До самых небес горизонт.

А сердце колотит - отчаясь,
Уводит туда, в ураган...
Где в седлах,
Ритмично качаясь,
Идет на рысях арьергард.

* * *

Я заблудился
В фантастическом лесу
Телевизионных вышек.
Надо мной пролетают
Белые тени голосов,
Прерывисто, неровно,
Сквозь бесконечную белую ночь.
Но иногда -
Может, это перенапряжение слуха -
Мне кажется,
Что шаги твои слышу
В озвученном движении Броуна,
Твои шаги...
То приближающиеся,
То уходящие прочь.
Ты куда-то идешь.
Ты блуждаешь -
То влево,
То вправо.
И невидимый след твой
Смывает невидимый дождь
На невидимых травах.

* * *

В пульсирующей галактике человеческих глаз
Искра погасла,
Искра зажглась.
Но меж той и другой,
Между мной и другим
Сквозь туманность летят
Звуковые круги,
Световые круги,
Чтобы кто-то не сбился с пути,
Чтобы кто-то ответил.
Постоянно летят позывные столетия.
Мы - почти неземные,
И все же - земные,
Через спутники связи
Посылаем друг другу свои позывные.
И бессонная память
Из-под каски пробитой
С напряжением смотрит
На глобальные
Наши с тобою орбиты.

* * *

Прикованные к фундаментам
Домов одиноких гиганты
С высоты своих метров
Глядят безучастно,
Как сквозь призрачные пальцы ветра,
Течет майская зелень
Безмятежно, как детское счастье.
По дороге ползет фигурка
На трехколесном велосипеде
За папой, за мамой,
А может,
За промокнутыми далью
Силуэтами прохожих?
Что ее - сегодня?
Завтра ее - в чем?
Куда они -
Маленький человек
И велосипед-паучок?

* * *

Сжимают осенние стужи
Со света
Короткое лето.
Уехать куда-то и мне бы...
Но на кого я оставляю
Зрачки-лужи,
Глядящие остекленело
В холодное низкое небо,
И окна,
Которые отпотели
И, не мигая,
Смотрят на маленьких яблочек
Мерзлые гроздья,
На поземки и метели,
Вьющие белые гнезда
Под ветра протяжное эхо,
Теряющееся вдаль.
Нет, мне никуда не уехать,
Никогда, никогда не уехать,
Потому что я к этой жизни,
Именно к этой жизни
Примерз,
Как к дереву лист.

У ПАМЯТНИКА РОССИИ-МАТЕРИ
(Пермь, воинское кладбище)

Пройдет не год,
Пройдет не два,
Все отгорит -

И сны, и боли...
Но плачет Память,
Как вдова,
В невыносимо-русском поле.
Сто лет - ни вести, ни письма!
Погибших души откричали.
А ты стоишь,
Россия-мать,
Над полем
Жизни и печали.

* * *

Мне кажется,
Что я из первозданности,
Где светят, словно звезды, фонари
И нет маршрутов поисковых партий,
Только что сошел на материк
С острова,
Какого нет на карте.
Странен, непонятен, необычен
Этот устоявшийся обычай:
Прятать в безразличие ушибы,
Делать и не признавать ошибки.
Веселиться - если в горле ком,
Чтобы потом
С собой наедине выплакаться
Тайком.
Все заношено.
И все привычно.
Потому меня, наверное, тянет
Возвратиться в тихие края,
Что скитаюсь,
Как островитянин...

* * *

Белые заснеженные мили.
Ветры, пролетающие мимо
Окон, где ни света, ни огня.
Ветры, ветры, ветры, ветры, ветры,
Заметая ночи нулевые,
Оседая в теле и навывлет,
Беспощадно бьющие в меня.
Лун дозоры,
Хмурых туч наряды,
Сон и память –
Рядом, рядом, рядом,
Словно на завалинке два старца,
Две игрушки в подневольном танце
Кружатся с закрытыми глазами,
Я уже забыл,
В каком столетье...

* * *

Я как в пустыне караван,
Я как засохшая трава,
Как старый и слепой верблюд,
Как брошенной избы уют.
Я новых песен не люблю,
А песни старые забыл.
Меня рубили топоры.
Душа – как стебель без листка.
Потери – высохший арык,
Тропа в кочующих песках.
Сто солнц пройдут,
Пройдут сто лун
И столько же веков и лет.
И я, вмурованный в скалу,
На остывающей земле
Останусь, как дремучесть дат,
Как мир спрессованных минут,
Как у истории в плену
Последний из живых
Солдат...

* * *

Где мой дом,
Где улица моя,
Сновиденья,
Сказки прошлых лет?
Пляшет –
Вместо дыма и жилья –
Вьюга,
От простора ошалев.
Я живу сейчас в другом краю.
Ты, мой дом,
Не знал таких высот.
Здесь степные песни не поют.
В сотнях окон –
Светят сотни солнц.
Но в траву не выскочить с разбега,
Утопая в росах...
Степь, меня прости!
И, конечно, никакому снегу
Этих изб до крыши не замести.
К запыленным листьями прудам,
Бездорожьем или по дороге,
Разбивая о булыжник ноги,
Я вернусь когда-то...
Навсегда.

* * *

Станным желаньям в угоду
Стою под зонтиком ночи.
Фонаря одинокий комочек

Пьет из моих ладоней
Стылую черную воду.
Отошедшего дня
Вылинял цокот подков.
Мир далеко от меня.
Я от мира далеко.
Так далеко, что не знаю -
Найду ли дорогу назад.
Сквозная, сквозная, сквозная
Тьма застилает глаза.
Но это длится минуту.
Или несколько, может, минут...
Вот я уже различаю,
Как тени чужие качая,
Падает дождь в тишину.

У СПУСКА К КАМЕ

Тучи, как черные горы,
В стынущем небе парят.
Чихает простуженный город
Разноцветной листвой октября.
Две серых фигурки у берега.
Вон - мост.
Вон - музей на горе.
И лампочек тусклые серьги
Как будто скупают,
Качаясь в чугунных ушах фонарей.
И так до забвенья пустынно,
И так без конца хорошо,
И я забываю, что стыну
И не помню - откуда пришел.
Гляжу в эти темные волны,
Бегущие в глотку моста,
На храм с головою зеленой,
На желтые крылья креста.

* * *

Не кричи, пропадая,
Окраина,
С тихим лепетом трав во дворе.
Зря ты, сердце,
Колотишь затравленно,
От прошедшей весны одурев.
Дом
С разбитыми окнами кривится?
Рядом — новый гигантом встает.
Только я,
Как собака на привязи,
Вою в счастье щенячье свое.
Где ты, где ты, родная околица?

Скачет взгляд
По раздавленным пням.
Память
Хрупкими льдинками колетя,
Провожая все дальше меня
За отвалы, за крики бульдозеров,
За деревья, сожженные зря,
Где, как помнится, в кофточке розовой
Приходила в рябинник заря.

* * *

Постоянно в пути.
Кто-то должен первым встать
И уйти.
Мы - пассажиры, только пассажиры.
Ни о чем не говорит то,
Что рядом места.
Мы рядом,
Но жизни в одну
Никогда не сошьем,
Как вот эти дождинки,
Которые в окна стучатся,
Скользя.
Замыкаемся -
Каждый в свое.
Улыбаемся -
Каждый в свое.
Потому что иначе нельзя,
Просто непостижимо,
Никак.
Абонементы объезженных дней,
Как оборванные листья,
Несет река.

* * *

Подходит трамвай.
Вхожу в вагон.
Почти никого.
Впереди –
Факел женской прически.
Он такой здесь один.
Интересно,
Он греет кого
Или нет?
«Подойди, подойди
И тепла попроси, -
Кто-то шепчет настойчиво мне, -
Подойди, так бывает...»
Это сам я шепчу своей мысли,
Уехавшей с этим трамваем.
А в действительности – тишина.
И туда, куда нужно ехать,

Ни дороги, ни транспорта нет.
И, пожалуй, проезд не оплатишь –
Не хватит монет.

* * *

Солнце печет голову.
Солнце проникает через череп
Вибрирующими спиралями огня.
И от этого
Тысячи солнц в глазах у меня.
Изнывающие тела бок о бок...
Смешиваются запахи,
Киселеют, дрожа.
Это город,
Это не Гоби.
И все же это – Гоби,
Из которого не убежать.
Вдалеке – зеленый купол храма.
За куполом – небо
В застиранной рубашке дыма.
И крест машет и машет упрямо,
Проклиная далекое солнце,
Проклиная бездонное небо,
Проклиная горькую землю,
Крест машет руками,
И качается мгла одурманивающе.
И белые бабочки,
Как снежинки,
Пролетают
Мимо вытекших глаз
Одуванчиков.

* * *

То ли кружится мир.
То ли - я,
То ли - вместе мы.
И чем быстрее,
Тем лучше становится мне.
Но где-то бьется мысль,
Как не заросшее темя младенца:
А вдруг - стержень не пройдет
Испытания на скручиванье?
Вижу -
Майская зелень
Мотыльками пепла
Падает на единственную улицу Земли
С названием -
Неподвижность.

* * *

Если я проживу много лет,
Что останется мне от дождя,

Пролетевшего в юность?
Уходя, я унесу
Пыль жизни
В ладонях потухающего сердца.

* * *

По Цельсию - три градуса тепла.
В невидимую стенку бьется эхо.
Дорога развалилась, потекла -
Ни пешему, ни конному проехать.
Я разложил костришко на бугре.
Валежник есть,
И благо - роща близко.
Сижу, немного руки обогрев,
Поглаживаю пляшущие искры.
А там, у горизонта, далеко,
Где прыгнув, зацепился за карниз бы,
На белых парашютах облаков
Плывут, качаясь, маленькие избы.
Зачем, куда спешить отсюда мне?
И город надоел.
И путь не ближний.
А в этой первозданной тишине
Я слышу
Неподдельный голос жизни.

ЖГУ КОСТЕРОК

Слегка прохладно и темно.
Шурша, ночные тени стынут.
Так ненадуманно, пустынно,
И только небо надо мной.
Промчался филин полным ходом,
Качнув крылом прохладный воздух,
Вспугнув настоящую воду
На отражающихся звездах.
Дым то уходит, то подходит,
То прячется напротив - в куст.
И пламя, как канатоходец,
Идет, качаясь, по прутку.

* * *

Ветер поднялся и разорил
В сереньких тучах
Гнезда зари.
На стылой земле,
Как стайки утят,
Желтые листья пьют воздух.
В хмурое небо улетели звезды,
И только в ночное небо, в чистое,
Они прилетят.
Я делаю первый шаг,

Становясь на ступеньки дня.
Город, как большая шапка,
В заиндевелых огнях.
В хмурую осень
Убегает черная «Волга».
Шоссе пустынно совсем.
Вдалеке,
Где тополь разлился синей кляксой,
Я долго-долго вижу маленькую женщину,
Идущую в эту осень
За детской коляской.

* * *

Прополз паучок-буксир -
И следа
Не видать.
Сомкнулась вода.
И опять мы вдвоем на причале -
Это тень привязалась ко мне.
Улыбка луны закачалась
На мелкой речной волне
И померкла.
Стою.
И, не видя себя,
Гляжу в неотражающее
Черное зеркало.
На правом берегу -
Огоньки, как в селе.
Уйти бы домой,
Но один - не могу.
Подожду, пока выйдет луна.
С тенью идти веселей.

* * *

Случайное небо.
Случайные тучи.
Деревья и руки.
Дорог нескончаемость.
И каждая песня,
И каждое слово,
И каждый мой вздох -
Неужели случайность?
А листья летят
И летят на колени,
Как снег на поля,
Все пылят и пылят,
На сердце, на память,
Как признаки тленья,
Как признаки тленья
На щеки летят.

* * *

Величественно и гордо
Взметнулась многоступенчатая громада города
С татуировками зелени и транспорта,
Рекламы кино и ресторанов,
Надменного и робкого,
С проспектами и тропками,
Шумом и молчанием,
Радостью и отчаянием.
Каждый день я ,
Капля большая,
Из конца в конец
Перекатываюсь по твоим лабиринтам,
Созидая и разрушаясь,
Ненавидя и любя
Твой дождь и снег,
Плач и смех -
Потому что стал частицей тебя.

* * *

В нашем дворе
Стоит несколько деревьев
Старых.
С каждого из них
Отбираю я листиков пару -
Любую.
Приношу в дом,
Раскладываю, любуюсь.
Отогреваю, даю имена.
И вместе так хорошо нам.
Поглаживаю их. Они шумят.
Разговариваем.
- О чем?
- О многом...
Разве мало о чем могут говорить
Одинокий человек и листья,
Когда в мире так много слов
И так много истин...
Иногда молчим,
Но каждый - доволен.
А потом -
Когда чистое небо, сильный ветер,
Я выхожу на улицу,
Выпускаю на волю.
И смотрю, как они улетают,
Выискиваясь на солнце.

* * *

Улица на миг раскололась
От трамвайной дуги.
И я подумал:
Если бы сейчас закричать,

То было бы видно,
Как улетает голос.
О эти мгновенья!
Разве,
Разве они повторимы?
Все сомкнулось.
Иду между разумом и чувством,
Как между Сциллой и Харибдой.

* * *

Когда ты говоришь
Об этом или о том
Или смеешься,
То волны смеха
Не умирают ни сейчас, ни потом.
Они навсегда
Остаются в бесконечности
Блуждающим эхом.
Дыхание, вылетающее из груди,
Не исчезает,
Превращаясь в нечто тленное.
Нет - материализуясь,
Оно занимает свое место
В постоянно обновляющейся таблице Вселенной.
Не дари, не дари
Неправдивые вздохи
И пустые слова.
Я прошу -
Не спеши говорить.

* * *

В небе -
Полоса из чего-то синего.
Бесшумное утро.
Рано.
То здесь, то там
Неподвижные краны
Стоят, как одинокие фламинго.
Но вот постепенно
В улиц проруби,
Еще не вспененные
Транспортом городским,
Вливаются роботы,
Пальто,
Фейерверки разноцветных платков,
Шапочек искривленья,
Сталкивающиеся
И разбегающиеся по всем направлениям.
Город, как брошенный в воду камень,
Расширяет за кругом круг.
Вздыхают лачуги,
Вздрагивают этажи.

Начинаются безмолвные встречи глаз,
Касания рук.
Так продолжается жизнь.

* * *

У подъезда
Серая кошка
Пинает бумажный мячик.
На осенний прилавок
Полдень
Медных листьев бросает сдачу.
И бежит, торопясь куда-то,
По натянутым проводам
Над киосками, над дорогой
Дождевая вода.

* * *

Наши сделки и торги,
Утверждения в правах,
И немые восторги,
И пустые слова -
Все, что видим и слышим,
О чем говорим мы -
Это жизнь,
Уходящая в неповторимость.

* * *

Визг тормозов, лязги.
Между дымных тормозов и виньеток
Маневрирует женщина с коляской,
В которой покачивается девочка
С древним именем -
Планета.
Вечереет.
И ветер лязги
Сметает,
Сквозь заросли дуя.
Катится божьей коровкой коляска.
Женщина прядет пряжу раздумий.

* * *

Я люблю
Улыбающихся пенсионеров.
Их улыбки -
Голубые гвоздики
Среди белой спокойной зимы,
Зацепившейся за палисады.
Даже след набежавшей досады
По-особому как-то
В морщинистых лицах размыт.
В их улыбках
Случайной обиды и радости

Нет.
В их отмытых глазах -
Небосвод и земля,
Океан и причал,
В их улыбках я вижу
Движение судеб и планет.
В их улыбках -
Извечная слитность концов и начал
И святая усталость,
И великая мудрость пути.
Их улыбки -
Дождинки на желтые листья
И крик улетающих птиц.

* * *

Мы все на земле не случайны.
Мы все на земле чрезвычайны.
Единственны, неповторимы,
От реплики до пантомимы!
Улыбок мгновенных снежинки,
Слетающие в недожинки.

* * *

Дома, дома, дома.
И в них
Вписаны разноцветные треугольники,
Параллелограммы, пирамиды.
Это в окнах
Горят огни.
Мои братья,
Делящие со мной
И с живущими
Ночи и короткие зимние дни.
И все-таки я их люблю,
Как память,
Как деревенские избы моего детства,
И от этого никуда не деться,
Потому что когда я гляжу
В них сквозь вечера пепельную жижу,
Мне кажется -
Я гляжу в грядущее из былого,
В фантастический мир,
В котором окна домов
Уставились в знойную пустыню времени,
Как в солнце
Овод.

* * *

Шагаю, шагаю
В густых
По-ночному прохладных потемках.
Скамейки – как ведьмы.

Никого больше нет.
Одиночество улицы
Я в ладони беру, как котенка,
И оно благодарно о чем-то мурлычет мне.
Так мы идем.
Светофор, словно цапля у перехода.
Трамвайные рельсы –
Как в дождик тропа.
Серым мячиком
Где-то прокатился вдали гудок парохода
И как в прорубь молчанья упал.
Ветви рук моих глядят
Расстоянье –
Между мной и небом –
Все глядят и глядят, не глядя.

ЛЕТИТ И НЕ ПАДАЕТ СНЕГ

По улицам
Свет близорукий.
Случайные призраки встреч.
И странные синие звуки,
Живую обретшие речь.
Смещаются люди и тучи.
И ветер –
Как мокрая плеть.
И все-таки,
Как разнозвучно
Звонят тополя в голодедь!
Качаются бледные тропы –
Вечерние светят огни.
О чем ты,
Души моей тополь,
В раскатную наледь звенишь
То весело, то обреченно?
И медленно –
Будто во сне –
Бесплотный
От сумерек черных
Летит и не падает снег.

* * *

Не думал никогда,
Что ты вернешься
В вихре пылинок
Из солнца, времени и земли.
Одолимо, но длинно
Кажется мне все –
От разлива рожденья
До того, что иссохлось в ручьи...
Потерялось, забылось

И где-то осталось ничьим.
Разве можно подумать,
Разве мог я подумать
И тогда, и когда-то еще,
Что из радуги времени, солнца, земли
Уже падают первые признаки тленья
На незрелые яблоки щек
Из снегов, из дождей,
Из травы, из земли, из камней...
Хорошо, что пришла ты,
Пробилась ко мне.

* * *

Прошел только год.
Пересохла, растрескалась и огрубела
Такая живая,
Недавняя память во мне.
И новое что-то
Метелицей тополя белой
Клубится навстречу
По улице,
Где никого уже нет.
И я не спешу никуда.
В одиноком пространстве
Могу до забвенья
В ночной погружаться июль.
Во имя шагов,
Городских заколдованных странствий,
Как пух тополевый,
Роняя обновку свою.

ПЕРЕД СНЕГОМ, ЕЩЕ НЕ УПАВШИМ

Сборник, стихи из которого представлены здесь, относится к концу семидесятых – началу восьмидесятых годов, не опубликован. Новым состоянием души Михаила была песенная возвышенность, эмоциональный взрыв, с помощью которого он пытался вырваться из удушающей действительности. Будто шаманит поэт, заклиная себя в чем-то... Веру свою в Россию заклиная, любовь к ней, потому что без этого и жить-то, вроде, незачем, и все это очень серьезно:

«Я Родину защищал и от нее страдал». Эйфория на краю пропасти. Жесткость и твердость формы, точность, афористичность придут потом. Михаила будут называть «мастером короткой строки». А здесь он - как волна на подъеме, когда сквозь ее зеленоватый гребень просвечивает солнце, багряное, как кровь...

* * *

Золотая
Российская
Россыпь!
Отыщите
Те капли в дождях,
Что раскатятся
Звонкоголосо,
На равнинный простор
Выходя.
Помоги
Благодатному свету,
По родимой земле
Поспеш!
Есть они -
Позывные поэтов,
Напряженная песня души.

* * *

Вылетай,
Моя песня,
На волю!
Передай, что я жив и храню.
Мой поклон -
Всем погибшим
И полю,
И народу родной стороны.
Мою чистую, светлую радость -
Ветрякам,

Всем избушкам,
Ручью!
И еще передай,
Что неправда,
Будто песен о них не пою.
Я пою,
Не считаясь с погодой,
Белым днем,
По бессонным ночам,
И врачи - мои лучшие годы -
Наотрез запретили молчать.
Обещаньями шибко не потчуй,
И, с меня не снимая вину,
Объясни,
Что, мол, трудно на почте...
Но - придет.
Больше ждали в войну.
Улетай.
Знай,
Душою я чистый,
Как степная весенняя ярь!
Если кто-то в метель постучится,
Пусть откроют.
Там - песня моя...

* * *

Поля, поля – простор осенний рыжий!
На перекрестье верба – как вопрос.
Я в этом поле умирал и выжил,
И навсегда корнями в землю врос.

Люблю я вас, соломенные крыши,
Май расписной, наливчатый июль...
И кроме песен, что я здесь услышал,
Я ни слезинки лишней не пролью.

Когда-то, знаю, в шумном половодье
Через меня прольются корни ив.
Но верю в жизнь, которая проходит,
Как будут верить правнуки мои.

Поля, поля – распахнутые настезь
Всему, что будет, есть и что прошло!
Простите мне случайное ненастье.
Спасибо вам за хлеб и за тепло.

* * *

Прокричи мне, филин,
Ночью.
Крыльями ударь!
Под ногами -
Хлябь да кочи.

И не звякнет в колокольчик
Над болотиной звезда.
Ни покоя,
Ни погоды.
Ни тропинки,
Ни лица.
В глубине какого года
В черном небе,
В темных водах
Ветер символы выводит
Без начала, без конца?
Это я
Хожу счастливый
По неведомым ночам!
Это я играю в ливни
Колокольцев на плечах!
Я - свободный шут России
По призванию!
В бубенцовые осины
Перезваниваю...

СТАЯ

Над хмурию изб,
Немой болотной чернью,
От городов -
Куда-то стороной -
Летели птицы
Над землей вечерней.
Летели птицы
Над моей страной.
Остыл октябрь.
Над степью моросило.
Терялась вдаль
Безлюдная тропа.
В последний раз
С отчаянною силой
Качнулся крик над степью.
И пропал.
И стало тихо
Под небесной далью.
Так тяжело,
Так пусто стало вдруг -
Как будто бы
Не птицы пролетали,
А стая лет,
Качнувшись на ветру.

* * *

Не нужно путевок.
Не надо мне дачных имений.
И в бархатный месяц

Не надо путевок на юг.
Я сказочно счастлив,
Что место под солнцем имею,
К превратностям жизни
Привычную песню мою.
Куда - от себя?
На каких скоростях пролетели!
В наш век - на колесах -
Отыщешь ли новых друзей?
А я по околицам,
Желтой осенней метелью
Лицо умывая,
В закатный вхожу Колизей.
Я этого мира -
Поклонник, певец и рабочий.
Из ветра и звезд
Заварганю настой в котелке...
С колосьями,
Птицами,
Пылью,
Травой у обочин
Мне тысячу лет
Говорить на одном языке.

* * *

Не отведи
От горьких мук,
От тягостных поклад.
Тепло мое отдай тому,
Кто в жизни без тепла.
А упаду -
Ты и тогда
На помощь к тем спеши,
Кто затерялся в городах,
Кто позабыт в глуши.
Через ненастья всей земли,
В родную сторону,
Дай Бог мне тысячи тревог,
Дай Бог мне тысячи дорог,
Сошедшихся в одну.

* * *

Тих мой голос.
И немощна песня.
Не для вас ли
Я пел и пою!
Города
И дальние веси
Не расслышали песню мою.
Я не знаю,
Что дальше случится,
Как придется свой век доживать...

Не пинайте
Ни зверя, ни птицу -
Может, в них моя песня жива.
Угадайте их души сквозь вещи!
Будьте добрыми
К ним и к себе.
Им ведь нужно
Немыслимо меньше...
Как и мне
В несуразной судьбе.

* * *

Все обреченнее и глуше,
Как дождь в последний обмолот,
Я слышу тихий плач лягушек
Перед погибелью болот...

* * *

Скажи мне, черная река,
Ты видишь больше,
Больше слышишь.
Зачем убили облака,
Золой упавшие на крыши?
Пожар промчался.
Ураган прошел,
Не встретивший препятствий...
По омертвелым берегам
Стоят деревья,
Как распятые.
И отвечала мне вода
Глухим, густым,
Тяжелым всхлипом:
«Друг-человек пришел сюда...
Кто знал, что друг приносит гибель».
А я стоял.
Чего я ждал?
Все было горестно и поздно.
Сомкнулась черная вода,
Не отражающая звезды.

* * *

Избы-избы,
Милая Отчизна!
Хлебные степные хутора!
Скоро вас
По древности отчислят,
Разнесет
Бульдозер или кран.
Видно,
Ваши окна отглядели
В даль полей
И в переливы звезд,

И в дорогу,
Что от колыбели,
Не пыля,
Уходит на погост.
Но всегда
За скрежетом и визгом,
Напряженный устремляя взгляд,
Видю я кочующие избы
Сквозь метели
В дальние поля.
Скоро, скоро
Хрип болот осушат.
Все скует бетонная плита.
Но над степью
Будут ваши души
В феврале метельном пролетать.
Будут биться
Под чужие крыши
Птицами из сказочной страны...
Вот они!
Мне кажется,
Я слышу
Голоса
С подвьюжной стороны...

ДЕТСТВО

Как хорошо,
Что вы стройны,
Леса,
А вы бегучи, реки
Той незапятнанной страны
Во мне,
Запятнанном навеки.
Кружитесь, вербы, на бегу!
Вы мне дороже всех сенсаций.
И счастлив я,
Что вас могу
Душой запекшейся касаться.
И облака -
За рядом ряд...
И крыл в ночи тревожный лепет!
И эти звезды,
Что горят
В невыносимо русском небе!
Туманные холсты дорог.
Обитель тихая, глухая.
И где-то филин -
Ох да ох -
Перекричит и затихает...

* * *

Свистнула
В ночь электричка.
Вскрикнул
И скрылся ивняк.
Что же в ночной перекличке,
Что так тревожит меня?
Тень на невидимых лыжах
Едет бесплотно, легко.
Лунное полымя лижет
Серый прозрачный покой.
Все беспредметно и хрупко.
Как неживая - вода.
Вытяну в лунное руки -
И ничего не видать.
Ни суеверий, ни истин...
Только
Вблизи и вдали
Белые
Плавают листья -
Лунной страны корабли.
Видимо, так это надо:
Всюду, куда ни пойду,
Листья крестовые падают
В призрачном
Лунном году.

* * *

Люблю
Ночных певучих див!
И сказы
Богатырских елей.
Степные грозы
И дожди,
Что сорок лет назад шумели.
И колокольный звон в ночи,
Что катится и колоколит,
И задохнется, замолчит
Равнинным перекасти-полем.
В такую пору
Быль и явь
В душе -
С утроенною силой!
Все это - Родина моя,
Все это - музыка России.
И разорвется ночь степей!
И лунный свет зальет колодцы...
В такую пору
Нужно петь,
Иначе сердце разорвется.

ТОПОЛЕВЫЕ ХОРЫ

По созвездьям весенних проталин
Скачет в лужицах
Маленький март.
За туманами -
Светлые дали.
А за светлую далью -
Туман.
Бездорожье судьбы.
Бездорожье.
Но едва отступает зима,
По проталинам
Жизненных стежек
Моих песен шумит синий мак.
По проселкам,
Под дождиком частым,
Под рассыпанным трепетом лет
Пробивалось нелегкое счастье
На распаханной телом земле.
Помню все.
Каждый звук.
Каждый шорох...
И душой припадаю к нему.
Мне звенят
Тополевые хоры,
Как не будут звонить никому.

ЛИСТЬЯ ЗАПОЗДАЛЫЕ

Запоздалые
Листья в слезах.
Запоздалые слезы в глазах.
А зачем -
Разве мы поезда,
Разве можем в пути опоздать,
До предела зажать тормоза,
Отдохнуть
И вернуться назад?
В наши окна стучат октябрь -
Отвори, отвори, отвори!
Тихо рощи шумят у дорог,
Золотое роняя перо.
Здравствуй, осень по календарю!
Скоро, скоро окно затворю,
Перед тем, как шагнуть за порог,
Золотое оставлю перо.

СЕВЕР

С пригорка спускается вечер,
Смывая стога на лугу.

Деревья,
Как черные свечи,
Горят на текучем снегу.
Недолго осталось до стужи.
Я вижу,
Шагнув за порог,
Снегов голубеющий ужас
Над дрожью травы и дорог.
Что пело, шумело когда-то,
Подмяло. Смело. Унесло.
Одни только серые хаты
Да сонная хмарь над селом.

МЕТЕЛЬ

Далеко ли
Я уехал -
Кто ответит:
Призрак?
Эхо?
За железной полосой
Даль косая,
Снег косой.
День размыт ли,
Вечер смазан.
Свищет ветер,
Как бандит!
Да изба
Циклопым глазом
Сквозь меня и снег
Глядит.
Непонятно, черт возьми -
То ли вижу,
То ли снится,
То ли в жизни-небылице
Сам я смазан и размыт.

В СТЕПИ

На ресницах -
Гроздь лда.
Ледяные рукавицы.
И дороги не видать.
И нельзя остановиться.
Вечер.
Неба серый холст.
Ледяное эхо веток.
Прокричишь - и нет ответа.
Стылый ветер.
Снег сухой.
А вдали-вдали-вдали...
За барханами барханы:

То ль собаки забрежали,
То ли волки где прошли.
Пробирает до костей
Вкруговую-вкруговую!
В снеговую-снеговую
Лечь бы в белую постель.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты усни.
Мне сегодня не спится.
Вот растает судьбы моей снег,
Я спою тебе песню о птицах,
Что живут и поют
Лишь во сне.
О дорогах равнинных зеленых -
Я из детства с собой их принес.
О чужих
Заблудившихся кленах
В гололедице северных звезд.
Все проходит.
Пройдет непогода.
Отдохну от февральской тоски
И придумаю лучшие годы,
Если не было
В жизни таких.
Баю-баю.
Укутайся плотно.
Месяц
В тучи уходит в окне.
И плывет,
Словно желтая лодка,
В ледяных берегах моих дней.

НИТЬ

Далеко-далече
Месяц колесом.
Дух от русской печки
Кличет в тихий сон.
Кот наставил уши -
Мышка, что ли, где...
У окна - старушка.
Перед ней - кудель.
- Бабушка Наташа,
Вы ж совсем одна,
Для чего Вам пряжа,
Для кого она?
- Не могу без толку,
Жизнь прошла в труде.
И опять умолкла.
Знай, прядет кудель.

И вздохнет украдкой,
И качнется тень...
За окном, за хаткой -
До небес кудель!
Километры ситца
Яростно-свежи!
Ниточка струится
Светлая, как жизнь.

* * *

Счастье – словно заняли:
Прилетит украдкою:
То ли – наказание,
То ли – радость краткая!
То ли в поле скошенном
Бредит дождь шальной...
Да не все ль ровнешенько,
Да не все ль равно?
Вышли други в недруги,
Ошалев от зависти:
К сожаленью, нет других
Привязей и завязей.
Эх, тропа-дорожечка,
С ветрами-побоями!
Потерпи немножечко:
Буераки, сбоины.
Мне ль жалеть,
Мне ль хвастаться?
Наше ль дело плевое?
Не для нас ли ластятся
Ливни тополевые?
Огоньку случайному,
Радости с горошину
Улыбнись – печальному,
Помаши – хорошему.

* * *

Порой себя не мучаю -
Зачем метелей шелк?
И по какому случаю
Я в этот мир пришел?
Зачем по снегу клюквины?
Закона манекен?
Зачем уйду отлюбленным
И не узнаю - кем?

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА

Вот и сумрак
В окошке открытом.
И над степью
Не видно лучей.

Скрипнул ветер
Осенней ракирой -
Для кого,
И о ком,
И зачем?
Даль равнинна.
Не видно прохожих.
Поздний вечер
Безоблачен. Тих.
Роковая
Звезда бездорожья
На моем
Серебрится
Пути.

* * *

Ты расти, трава,
Вдоль колеи.
Норовят сорвать -
Не жалеи.
Ветры черные -
Ты к земле.
Белу ворону
Спой во след.
Все равно шумишь,
Как и мы,
До седой зимы,
До зимы.

* * *

Земля, до жгучести родная!
Благодарю за благодать!
Я ничего в себе не знаю
И не узнаю никогда.
Ты улыбалась тайной мима
И превращала злато в прах...
И цель твоя неуловима.
И непонятен смысл утрат.
Когда бывало в жизни круто
(Казалось, путь свой завершил),
Твои обугленные руки
Касались индеек души.
Ты - моя воля и неволя.
С твоей таинственной судьбой
Иду по жизненному полю,
Прощаясь с полем и судьбой.

* * *

Прокричит ли сова -
Крик качнется
В ночи
Невидимкой...

Ощущая миры,
Я у звездного греюсь огня.
И откуда -
Кто знает -
На звезды,
На крик полудикий
Вдруг откликнется что-то,
Чего без души не понять.
Скучно жить на земле,
Календарные листья листая.
Сорван лист -
Кончен день.
Кончен день -
Отрывается лист.
Потому и бегу
Я вослед ускользящей тайне,
На земные призывы
Печалью отмеченных лиц.

У КРАЯ ОБНИМИ

Романс

Кого я жду?
Чего я ожидаю
На жизненной и поздней полосе?
Совсем один.
Луна немолодая
Да ветра шум
В нескошенном овсе.
Утратно так...
Но о какой утрате
Я укоряю желтый свет луны?
На нем одном,
На жизни млечном тракте
Мои невстречи определены.
Кому кричу,
Шагнув за край свой звездный:
- На миг, на миг,
Остановись на миг!
Не все еще -
Почти -
Еще не поздно...
Есть я и ты.
У края обними.

* * *

Перед снегом
Еще не упавшим,
Перед страхом
К размытым ночам
Я стою

Над бегучестью пашен
В предпоследних
Прощальных лучах.
Свет вечерний
Щемящ и отчаян
На истоптанных днях октября!
Неужели земные печали
Так когда-то во мне отгорят
И сотрутся -
Ни пыли, ни боли,
Ни мольбы,
Устремившейся в высь,
Над озерами желтых околиц,
Над землей,
Где без нас обошлись.
Ничего,
Все ж мы были на свете!
И вдыхая до слез его ширь,
Я любил в нем такие соцветья,
Что росли
Над обрывом души.

Я – ОСЕНЬ

Ты не бойся...
Не бойся - не бойся!
Ветер
Гонит стога на угон.
Так доверчива
Только лишь осень
Незадолго по первых снегов,
Незадолго
До яростной выбели -
Когда нечему
Стыть и болеть!
Мои росы
Рассветные
Выпили
Табуны необузданных лет.
Это я
Обожженными листьями,
На излете в бездонную чернь,
Прилетел к тебе
Издали-издали
Огоньком
В ядовитость ночей.
Я принес тебе
Шепот колосьев,
Неразбавленный запах с лугов!
Не колечко на палец...
Я - осень,

Бесконечность
Равнинных снегов.

* * *

Успокойся!
Я не болен.
И судьба моя легка.
Это ветер в белом поле
Одинокое колоколит
В снеговые облака.
Успокойся-успокойся,
Не зашторивай окно
В этот вечер,
В нашу осень,
В нашу вымерзшую озимь...
Нам другого не дано.

* * *

Ветер крикнет, как филин.
Накричит непогоду.
И качнутся дымы.
И снега заметут.
Я пройду-пропаду
За земным гололедом
На закованном поле
В багровом снегу.
Обернусь, уходя...
Станет горько и страшно
За скупое тепло,
Песни гроз и лесов.
Для кого-то останусь
Лишь притчей вчерашней.
Для кого-то -
Как пух тополей, невесом.
Для тебя -
Прорасту на забытых покосах,
Прошумлю в небеса
Пожелтевшим быльем,
Что любил я страну,
Где кричал безголосо
От ее доброты
И печалей ее.

* * *

Я живу - как во сне.
Я уйду - словно снег...
В первый раз обману
И тебя, и себя,
Что с дороги свернул
В неоглядных степях,
Что бродил-колесил
По родимым местам,

По великой Руси
И в дороге устал,
Что душой я не здесь:
Далеко, высоко!
А в глазах -
Эта резь
От зыбучих песков.
А искал я одну
В своей жизни весну,
Но теперь отдохну,
Ненадолго усну.
Я прожил - как во сне,
И уйду - словно снег,
Как уходят ручьи
Вешним полем ничьим...

* * *

Капель роняют провода.
Последний лист пожух.
Во след размывшимся годам
Я слова не скажу.
Войдя
В заснеженную муть,
Подстать моей судьбе,
Я молча руку подниму -
Туда, где нет небес.
За то,
Что дальний звездный свет
Мне столько лет не гас.
За то, чего в помине нет -
Снега, снега, снега.
Из глубины,
Где нет минут,
Нет света,
Нет огня,
Живущим -
Руку протяну
Туда -
Где нет меня.

Содержание

Вызов Судьбе	3
Мальчишка-воин	156
Я тебе не писал	170
Лицо святое светлое твое	190
Радуйся, человек.....	218
Перед снегом, еще не упавшим.....	239

В оформлении использованы фотографии Эрнста Гааса, Яна Быртуса, Миро Грегора, Михаила Карачева, Андрея Кокова, Алексея Колосова, Влаго Рыбичка, Любима Холмогорова, Юрия Чернова, из архивов.

Humanity for Chernobyl , 2006
www.humanityforchernobyl.com